

102:79

Юджин

Юджин

Книга 1. Мир Трех Лун

Книга 2. Высокий глерд

Книга 3. Патроны чародея

Книга 4. Все женщины — химеры

Книга 5. Любовные чары

Книга 6. Небоскребы магов

Гай Юлий Орловский

Лоджин

ПОВЕЩАНИЕ В ДВА КНИЖКИ

Книга 2

Высокий глерд

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении переплета использован рисунок *А. Лунатова*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Юджин — повелитель времени. Книга 2. Высокий глерд : [фантастический роман] / Гай Юлий Орловский. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с. — (Юджин — повелитель времени).

ISBN 978-5-699-79276-4

«Господь создал людей разными, а Кольт сделал их равными», — но так ли верна эта фраза в мире магии, где в небе парят драконы, где маги проходят сквозь стены, а рыцари ничего не страшатся, кроме бесчестия? Благородный глерд Юджин вступает на путь конфронтации с могущественными силами...

Новинка от создателя легендарного цикла «Ричард Длинные Руки»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79276-4

© Орловский Г.Ю., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Мы вывалились в гостиную через внешнюю стену, ставшую странно проницаемой, что-то ударилось о пол с костяным стуком рядом с моим ухом.

Королева забарахталась подо мной, я сказал торопливо:

— Замрите, ваше величество!.. Вы в моем мире. А здесь я — страшный волшебник!

Она прошипела люто:

— Слезь с меня, ничтожество.

Я медленно отпустил ее, привстал на колени, готовый схватить при малейшем движении.

— Слушайте, — сказал я быстро. — Здесь полно ловушек. Все — смертельные. Не поднимаясь, осмотритесь!..

Телестена блещет всеми цветами радуги, на зеленом дне чаши огромного стадиона футболисты обнимаются, Власко Песко носится по беговой дорожке с победно вскинутым кулаком, Хуанита весь в слезах и соплях упал на колени и даже не пытается вытащить вдутый ему в сетку мяч, а в левом углу экрана бегут цифры, показывающие, что до конца матча осталось три минуты.

По движению моей брови экран вырубил звук. Я медленно встал, королева даже головой не двинула, только глазные яблоки поворачиваются из стороны в сторону, осматривая квартиру. Я видел, как задерживает взгляд на

огромном плоском экране во всю стену, на встроенном кондиционере, на причудливо изогнутой кофемолке, что на самом деле не просто молка, а много больше, на принтере, затем осторожно повернула голову.

Из-за того, что живу один, дверей у меня почти нет, кроме как в туалет, все-таки бывают же гости, и в гостевую, так что сейчас вот с середины гостиной можно видеть половину кухни, прихожую и даже часть мебели во второй комнате.

Ее лицо медленно становилось блее белого, глаза дикие, впервые вижу на ее холеном лице испуг. Быстро оглянулась на то место, где был портал, сейчас там ровная белая стена.

Я не успел открыть рот, как она злобно прошипела:

— Ты что натворил?.. Где мы?

— Натворил? — повторил я с истерическим смешком. — А не вы, ваше величество, почему-то ухватились за меня, как Вакула за черта? Добро пожаловать в мой мир!.. Кстати, позвольте помочь вам встать?

Она смолчала, я сам подхватил ее под локоть, так она сохраняет лицо, поднял и даже придержал на секунду, удостоверюсь, что не упадет.

Не сходя с места, она посмотрела по сторонам.

— Что за ужасное место? Мастерская черных магов? Или... что-то похуже? Я хочу обратно!

Я сказал с сарказмом:

— Тогда зачем хватались?

Она отрезала жестким голосом:

— Я пыталась тебя остановить... Это мир демонов?

— Еще каких, — сообщил я злорадно. — Зачем меня останавливать?

— Я спасала королевство! — произнесла она сдавленным голосом.

— От меня?

— Но ты же, — сказала она уверенно, — хотел вернуться с армией демонов?

Я зло хохотнул.

— Портал захлопнулся. Вы здесь, ваше светлейшее величество! В моем мире. И, не хочу о таком говорить, но скажу с удовольствием, в моей власти.

Она посмотрела со всей надменностью.

— Так ли?

— Именно, — отрезал я. — Вот думаю, удавить и закопать в саду или же растворить и спустить в ванной вместе с водой?.. Вы сделали такую величайшую дурость, даже не знаю, как эту дурь обездурить, чтобы не вляпаться... Вы здесь точно не будете королевой, ваше величество! Разве что в комнате с белыми стенами и надписью над зарешеченным окном с надписью «Королева»...

Она, оставаясь на месте, все еще осматривалась внимательно и настороженно. Я постарался представить себе, что видит, но сразу скис, у дикарей совсем другие зрительные образы.

— Итак, ваше величество, — сказал я, — сейчас я обезврежу часть смертельных ловушек... Только для того, чтобы вы могли немного передвигаться. Очень немного! А потом посмотрим, что с вами... как с вами поступить.

— Я не отдам тебе мою честь, — сказала она беспомощно и одновременно надменно.

— Я могу отнять, — сообщил я и нагло ухмыльнулся.

— Отнятая честь, — сказала она, — это не то, что отданная. За отнятую тебе должны мстить все рыцари, все мужчины!

— Ах-ах, — сказал я, — щас! Разбегутся. В этом мире вы совсем не ценность, ваше величество... Кстати, ваше имя Орландия? Ладно, так и будем звать, только сократим его до Орли.

Она прошипела яростно:

— Как ты смеешь?

— А что?

— Если думаешь, что захватил меня в плен и можешь глумиться, то ошибаешься, раб!.. Можешь меня убить, но я не позволю тебя называть меня по имени!

Я подумал, махнул рукой.

— Как изволите. Я лишь хотел защитить... С другой стороны, вы там все так издевались надо мной, что когда вас здесь убьют, будет только справедливо.

Я включил кофемолку, она же кофеварка и даже мороженщица, сделал две чашки капучино. Она следила за мной настороженными глазами. Наконец спросила злым голосом:

— А почему убьют?

Я фыркнул.

— А вы как думаете? Вы в другом королевстве, где свои короли, и желаете, чтобы вас величали королевой? Убьют и правильно сделают. К тому же у нас полная демократия. Это значит, убьют, как только заикнетесь, что королева... Прошу вас! Выпейте, это вас немного защитит от здешней радиации. Это такая местная магия.

Она осторожно взяла чашку, с подозрением устояла в темную поверхность кофе.

— Почему убьют?

Я вздохнул.

— Господи, еще одна почемучка!.. Потому что у нас восстания всяких роммельсов увенчались, как говорят, успехом. То есть, королей и все их семьи перебили самым жестоким образом, и с той поры правят только выборные. Ну, как в ваших селах деревенские старосты. Только у нас правят странами и государствами.

— Деревенские старосты?

Я кивнул.

— Да. Они. Бывают еще глупее. Народ не любит, когда правители умнее. Но дело в том, что у нас нет ни баронов, ни герцогов... вообще все благородное сословие мы с удовольствием перебили и запретили о нем даже упоминать. Теперь понятно, что будет, если объявитесь, как королева?

Она сникла, но когда сделала пару глотков из чашки, на глазах приободрилась, огонек в глазах стал ярче, проговорила с некоторым усилием:

— И все равно ты все врешь.

Я покачал головой.

— Можете не верить, но... кстати, ваше величество, может быть, присядете? А то, когда стоим, как будто мы ровня... А кофе пьют стоя только кони.

Последние мои слова тут же заставили ее повести взглядом по гостиной в поисках куда сесть, я учтивым жестом указал на диван, роскошнейший, недавно купил за огромные бабки, чтобы кайфовать, когда смотрю матчи.

Она покачала головой, я запоздало сообразил, что вообще-то предлагаю почти неприличное, ибо диван — это диван, кто-то может сесть рядом, а когда женщина садится на диван, даже в своем доме, она как бы молча предлагает...

В общем, напомнил я себе, вся разница старого и нового времени только в небезопасном сексе, отсюда и все отличия в нравах и поведении, то есть строгость тех времен и полная свобода нынешних.

У меня в доме нет дронов и даже кухонного андроида, потому хоть и лень поднимать жопу, но встаю с дивана и собственноручно вытаскиваю из холодильника пиво, после чего с огромным вздохом облегчения — все-таки поработал! — плюхаюсь обратно на диван и с треском срываю с запотевшей баночки колпачок.

Сориентировавшись, она осторожно шагнула к креслу, что в двух шагах от дивана, опустилась со всем королевским величием, быстро приходит в себя, стерва.

Сиденье, полагаю, одобрила, с подобием улыбки, хоть и весьма напряженной, погладила свободной рукой бархатистые поручни.

— У тебя королевские покои, — сообщила она. — Ты король?..

— Смотря чего, — буркнул я. — Так чё делать будем?.. Нет, молчите, ваше величество. С тем же успехом могу спросить и кресло, в котором сидите.

Она поставила чашку на стол и ответила холодно:

— Как проник в наш мир, так и верни. Я, может быть, даже не стану казнить тебя.

— Вот как? — изумился я. — Какая щедрость!

Она поморщилась.

— Что, этого мало?.. Хорошо, могу даже наградить. Я щедрая к тем, кто служит верно.

Я сказал зло:

— Как?.. Я что, по своей воле там оказался? И сразу с радостной песней пошел ломать камень под плетью надсмотрщика?.. Ваш сумасшедший Рундельштотт еще в тот раз сумел пробить пространственно-временной портал!.. Меня вдернуло в ваш мир так, что хрюкнуть не хрюкнул. Рундельштотт до сих пор не сообразил, что у него все получилось еще тогда!.. Хотя и не совсем так, как задумывалось, но в науке такое постоянно...

Ее лицо чуть потемнело.

— Значит, Рундельштотт... Ладно, верни меня, королевство в опасности.

— Как? — повторил я. — Не могу.

Она подумала, поинтересовалась:

— А если прикажу?

Я искривил рожу.

— Я не ваш подданный, ваше величество. Теперь это понимаете. Или не врубаетесь ввиду своего... гм... королевского величия?

Она кивнула.

— Понимаю. Тогда... если заплачу?

Я окинул взглядом россыпи бриллиантов и прочих драгоценных камней на ее одежде. Она проследила за моим взглядом, закусил губу, поняла.

— Хорошо, — сказала она, — могу дать в управление целое имение. На хороших землях.

— Не пойдет, — ответил я.

— С замком, — произнесла она, глядя мне в глаза, — гарнизоном.

Я молча помотал головой, взгляд мой прикипел к экрану, где все еще отсчитываются минуты и секунды до начала матча. Когда меня вдернуло в портал, было 4 минуты и 27 секунд, а сейчас 3 минуты и 24 секунды. А если учесть, что уже с минуту здесь, то...

То что же, мелькнула ошалелая мысль, я вернулся в ту же самую секунду?

Она произнесла с поистине королевским величием:

— Я тебя осыплю золотом! Но мне нужно вернуться. Повторяю, королевство в опасности.

Я протянул руку.

— Давайте монеты.

Она смерила меня надменным взглядом.

— Здесь у меня нет.

— Но мы здесь, — отрезал я. — Ваше величество, вы в моем королевстве!.. И теперь я вас пошлю в каменоломню. Нет, это далеко, пока отправлю посуду мыть, а потом...

Она прошипела зло:

— Я лучше умру!

— Чем что? — спросил я.

— Чем буду посуду мыть!

— А-а-а, — сказал я обрадованно, — тогда ладно. Вы как хотите умереть: красиво или героически?

Она посмотрела злобно.

— А есть разница?

— Еще бы, — сказал я. — Героически — это понятно, нужно всего лишь броситься на, желательно с самоотверженным криком, а красиво — это лучше жалобной и с распущенными волосами и в растерзанном насильником платье...

Она содрогнулась.

— Нет! Красиво не хочу. Хотя пока что и героически не хочу. Не имею права.

— А что хотите?

— Тебя удушить, — выпалила она. — Как же я тебя, мерзавец, ненавижу!

— Тогда чего было за меня хвататься? — спросил я. — Может быть, вы тайно в меня влюбились? Подсознательно, еще не понимая? Женщины же дуры, а вы хоть и не женщина точно, это же за милую видно, но вдруг что-то в вас осталось женского?

Она отрезала жестко:

— Нет! Я — королева. Ты не понимаешь. Я королева.

— Настоящая, — согласился я. — Всегда настороже, реагируете быстро и верно. Только вы одна поняли, что я задумал! И даже почти остановили. Это почти комплимент, вот уж не думал, что скажу.

Она сказала уже тише:

— Не знаю, что было лучше... Оставить у нас или позволить ускользнуть?

— А почему было не дать мне спокойно вернуться в свой мир?

Она посмотрела холодно.

— Чтоб вернулся с армией?

Я всплеснул руками.

— Как? Я до сих пор не представляю, как был сделан перенос. И повторить его не смогу. К тому же... ну, я не совсем здесь король. И даже не главнокомандующий. И вообще я великий воин лишь глубоко в душе, а в реале пацифист, пацифистее которого уже не перепацифистишь!

Мелодично звякнул скайп, женский голос электронного помощника произнес:

— На связи Кирилл. Соединить, отказать?

Я бросил быстрый взгляд на застывшую королеву.

— Отказать.

— Исполнено, — ответил голос.

Под креслом зашуршало, выполз, прижимаясь к полу пузом, жабенок и ринулся ко мне. Я погладил обалдело, он сидел у меня на плече, когда его хозяин ринулся в портал, а здесь слетел от удара и сильно стукнулся о пол рядом с моим ухом...

— Морда, — сказал я в сердцах, — еще и тебя здесь не хватало.

Королева надменно смотрела, как я чешу ему пузо, а я сказал:

— Бедненький, тебе страшно было?.. Сейчас покормлю. Заодно и ее величество...

Она напряглась, пальцы стиснули подлокотники, когда я распахнул дверцы холодильника и оттуда хлынул слегка синеватый свет. На полках всякая всячина, от мяса и рыбы до кондитерских изысков, в дверцах по старинке выстроились бутылки с шедеврами полиграфии, но почти все — соки, за исключением двух бутылок шампанского.

Первому, конечно, я положил в мисочку жабенку, он даже не стал обнюхивать незнакомое мясо, подпрыгнул на всех четырех и принялся жрять с таким азартом, что мое сердце сразу растаяло от умиления и нежности.

— Ваше величество, — сказал я, — давайте ближе к столу. Деликатесов не обещаю, обычная еда офисного планктона.

Мне, как безработному, содержать механических слуг не по карману, сам вытащил все нужное из холодильника, что-то сразу разогрел за секунды на импульсной плите, что-то подал замороженным, с облегчением сел и уставился на королеву.

— Ваше величество?

Глава 2

Она подняла на меня взгляд, это вообще-то впечатляюще, когда поднимается лес густых и длинных, как копья, встречающие конницу, ресниц, а чернящие глаза смотрят с загадочностью сфинкса.

— Это ваша еда?

— По бедности, ваше величество, — сказал я. — По бедности. Вполне сбалансированная пища. Витамины, микроэлементы... все есть.

Она смотрела на блюда с порциями хамона и пармезана, креветок, форели, перепелиных яиц, дальше своей очереди ждут горки нежнейших даже с виду пирожных, за ними высятся два удлинённых стакана со смесью соков.

— Это по бедности?

— Да, — сказал я терпеливо, — мой бюджет не позволяет создавать все дома. Приходится брать уже готовое.

Она проследила за моим взглядом, на дальнем столике Vort-75, старая модель, сейчас уже в ходу Vort-85 и Vort-95, печатают все от любой еды до одежды.

— Ты не можешь создавать дома все? — спросила она, выделив «все».

— Не могу, — ответил я раздраженно. — Так, по мелочи... Одежду, мебель, из еды только ограниченный набор. Отведайте креветок, ваше величество! Говорят, повышается умственная деятельность. Хотя для королевы это и не обязательно.

Она следила за мной, повторяя каждое движение, даже вилок и ножом научилась пользоваться почти сразу, вилки вообще должны казаться непонятнейшей вещью в мире, где и самые изысканные придворные дамы хватают еду руками.

— И вот это попробуйте, — посоветовал я. — Честно говоря, сам не знаю, что это, с этой модификацией каждый день что-то новое... но не брыкается, пока ешь, и то хорошо.

— Необычно, — произнесла она бесстрастно, — однако это... неважно.

Я сказал с невольным сочувствием:

— Ваше величество, не хочется такое говорить, королі же предпочитают слушать только приятное...

— Говори, — прервала она и напомнила: — Я королева.

— Вам придется, ваше величество, как-то адаптироваться. Приспосабливаться к нашей жизни. Приспособленчество — тоже перестало быть бранным словом.

Она покачала головой.

— Нет. Мне нужно вернуться.

— Не получится, — сказал я искренне. — Возьмите эти сладкие пирожки. Они так и называются — пирожные.

Она взяла пирожное не глядя и сказала с нажимом:

— Ты не понимаешь. Мне нужно. Королевство в опасности.

— Может быть, — сказал я с легким сарказмом, — только ваш трон?

Она посмотрела на меня с презрением.

— Трон и королевство неразделимы. От того, кто на троне, зависит благополучие всего королевства. А сейчас к нему рвутся себялюбцы, что ввергнут страну в бессмысленные войны!

— И вы должны вернуться, — ответил я с тем же сарказмом, — чтобы спасти мир? Понятно, знакомо.

Она отрезала:

— Ты старался вернуться, чтобы спасти свою шкуру. Мне моя жизнь не важна, я должна спасти свой народ!..

Я запнулся, в ее глазах этот фанатизм, в самом деле верит, что спасет положение, еще не знает про неизбежность исторических процессов, для которых неважно, кто на троне.

С другой стороны, хорошо знаю по истории, что в самом деле зависит от правителя, воевать стране или вести мирную жизнь, прорубивать окно в Европу или окружить себя фаворитками и проводить дни в пьянстве и неге, в то время как королевство сползает к революции и гражданской войне.

— Увы, — сказал я почти с сочувствием, беспомощный противник почему-то сразу перестает казаться противником, когда попадает в нашу полную власть, особенно, если этот противник — самка. — Здесь вы не королева.

Она выпрямилась, глаза сверкнули гневом:

— Никто не отнимет мою корону!

— Как я уже сказал, — напомнил я, — всех королей и королев мы перебили. Во всех королевствах! Даже своего императора вместе с семьей расстреляли и закопали,

как собак. Только в самых крохотных королевствах их не убили, а оставили для смеха. Одевают посмешнее и показывают по большим праздникам народу. Теперь общество обходится без королей, графов, баронов и прочих дураков. Все рождаются одинаково свободными и без привилегий.

Она прошептала в отвращении:

— Такого просто не может быть...

— Это есть, — заверил я. — Наше общество полностью демократичное и справедливое, потому намного более бесчеловечное и жестокое, чем у вас.

— Почему?

— Ваше величество, — сказал я, — у вас графами и баронами сразу рождаются, а у нас ими нужно становиться. Я же говорю, все от рождения одинаковы! И начинается такая гонка за властью, что трупы прятать некуда... Конечно, у нас эти победившие называются не графами, это мелочь, у нас это олигархи, политики, управляющие транскорпорациями, футболисты, актеры, биллгейтсы и прочие, кто добился успеха, обойдя множество соперников... Отведайте сока. Вот этого, розового, можно и этот, оранжевый. В них есть все, чтобы восстановить здоровье. У вас оно точно пошатнулось, верно?

Она процедила злобно:

— Моего здоровья хватит, чтобы править королевством!

— Опять за рыбу гроши, — сказал я с сочувствием.

Она сделала глоток сока, прислушалась к ощущениям. Я следил за ее медленно розовеющим лицом, а она спросила внезапно:

— Сколько у тебя табунов?

Я спросил удивленно:

— Табунов? Ни одного

Она нахмурилась, посмотрела искоса.

— Как так? Ни одного? Даже простых коней, не крылатых?

Я выдавил улыбку.

— Чего я их буду таскать с собой? Конечно, ни одного.

Она фыркнула:

— Ах да, понятно, смешно... Ты уже придумал, как вернуть меня обратно?

Я сам откинулся на спинку стула и воззрился на нее с должным изумлением.

— Как?.. Ваше величество, скажу вам с долей микроскопического сочувствия, но твердо, что вернуться не удастся. Это не в моих силах. Если же попытаться обратиться за помощью...

Она вздрогнула, во взгляде впервые промелькнул страх.

— Нет!

— Мне тоже кажется, — проговорил я медленно, — что в этой идее что-то не то... Хотя мы всех королей уже давно перебили, злости уже нет, потому самое верное, что случится, вас сочтут сумасшедшей и начнут лечить. А это больно и унизительно...

Она прервала:

— Нет!.. Я не хочу, чтобы обо мне узнали. И я хочу вернуться немедленно.

— А вот с этим непросто, — признался я. — Вы знаете, как это сделать?

Она взглянула надменно.

— Я королева!

— Ах да, — пробормотал я, — еще бы... извозчики, дескать, на что... А почему решили, что это смогу я?

— Ты мужчина, — заявила она непререкаемо. — Ты должен. Ты обязан. К тому же учился у самого Рундельшотта...

— Ах да, — сказал я с прежним сарказмом. — Если это называть учением!..

Он смерила меня пытливым взглядом.

— Ты все быстро схватываешь. Я заметила сразу. И потому отправила тебя к самому Рундельштотту. Так что ты сможешь...

Она говорила ровным голосом, но я чувствовал ее страшное напряжение и догадывался, чего стоит это показное спокойствие. Попала в гораздо более страшный мир, чем тогда я. Если не поднимать голову к небу, то мне в ее мире все знакомо по школьному учебнику истории для четвертого класса, а для нее каждая деталь в квартире нечто пугающе непонятное, страшное, угрожающее.

Экран на стене занимает все пространство от и до, я держу обычно вырубленным, но сейчас вспыхнул, там появилась и сделала шаг вперед Аня Межелайтис с ее знаменитой зовущей улыбкой и раскованной позой.

Королева застыла, как крокодил в траве, Аня же вышла на шаг за пределы экрана, больше голография моей хилой системы не позволяет, всмотрелась в меня критически.

— У тебя бицепс все еще сорок сантиметров? — спросила она. — А у Томаса уже сорок четыре!

— Врешь, — ответил я, — у него сорок, как и у меня! Это на левой, а на правой вообще тридцать девять и шесть!

— Нет, — сказала она победным голосом. — Он нарочно не рассказывал, а теперь выставил свои размеры.

— Сгинь, — велел я.

Аня исчезла, а на экране во множестве окошек замелькали ролики новостей со всех концов планеты.

— Выключить, — велел я. — Простите, ваше величество, слуги бывают такими назойливыми! Еще раз

простите... Попробуйте вот это блюдо. Не знаю, как называется, уже прошли времена, когда все, кто желал называться изысканной интеллигенцией, носились с хамоном и пармезаном... сейчас все так быстро меняется, и каждое блюдо вкуснее предыдущих, наука на марше, на желудок она работает с азартом, это на космос из-под палки...

Экран давно погас, но королева время от времени бросала на стену взгляд, словно это портал, откуда в любой момент могут хлынуть орды демонов.

Я старался даже не двигаться, королева и так на грани нервного срыва, хотя женщина железная, это вижу, лицо как деревянное... хотя нет, как будто из драгоценного камня, аметиста или чего-то подобного, что неотлично от нормального цвета лица. И хотя заметно побледнела, но ни одной морщинки, ни одной складочки, словно отрендерено в творческих муках лучшими дизайнерами мира.

Я хлопнул себя по лбу.

— Простите, ваше величество! У меня так редко бывают гости, что совершенно забыл первое и самое главное правило...

Она насторожилась.

— Говори.

— Пойдемте, — сказал я, — я просто покажу. Там и объясню.

Она медленно и величаво поднялась, королева Нижних Долин даже здесь, в моем загородном домике, прошла со мной. В коридоре я остановился и указал на дверь в пяти шагах от гостиной.

— Вот, прошу вас, заходите туды. Там можно помыть руки...

Она спросила с непониманием:

— А зачем их мыть?

— Ритуал, — ответил я.

— Я не молюсь вашим богам, — заявила она гордо.

Я ответил, уже сердясь больше на самого себя:

— Так принято. В старину после того, как жопу подтирали, всегда руки мыли. Чтоб других не пачкать. Теперь не подтирают, но руки как бы моют, хотя на самом деле не моют, а делают вид, что моют, хотя не моют... Эвфемизм такой. Религиозные обряды не обсуждают, ваше величество! Их просто выполняют.

Пришлось подвести ближе и подтолкнуть в спину, дверь за нею тут же захлопнулась, хотя в современном раскрепощенном мире туалетные вообще строятся без такого излишества, как двери, но мой домик построен еще моим старорежимным дедом.

Я отступил, громко топая, чтобы королева там не стеснялась. Туалет автоматизированный, не надо объяснять, как и что. Какать королева, наверное, все же умеет сама, а дальше все то, что нужно было делать человеку, взяла на себя автоматика.

Королеве нужно только присесть на унитаз, а по завершении процесса дефекации встать, жопа будет не только чистая, но и сухая, все-таки титаны науки работают в первую очередь над усовершенствованием унитазов, а не над каким-то покорением сраного космоса или разгадками тайн темной материи, вовсе ненужной демократу для его садового участка и помидоров.

Я ждал ее за столом, сообразив, что стоять у двери будет не совсем прилично с точки зрения первобытной монархии.

Королева в самом деле появилась в столовой с таким видом, словно гуляла в саду среди роз, я вскочил и отодвинул стул, в кино насмотрелся на эти гребаные манеры.

Королева царственно опустила, ни словом, ни взглядом не поблагодарив, слуг не благодарят, они просто делают свою работу.

Я сел на другом конце стола, он почти квадратный, но с намеком на церемониальную вытянутость, а королева произнесла с твердостью:

— Я знаю, это мир демонов, но... где они?

Я оглянулся по сторонам, что-то соображаю туговато, ответил с понижением голоса:

— Ваше величество, не к ночи будь сказано... зачем они вам?

— Но если захватили ваш мир...

Я ответил шепотом:

— Они правят!.. А мы, покоренные, на самом низу социальной лестницы. С чего бы демонам с нами тусоваться?..

— Но если они все захватили...

Я ответил почтительно:

— Ваше величество, наши демоны столь могущественны, что захватывают не людей, а целиком королевства. В их подчинении короли, а мы... в подчинении королей, хотя они теперь называются иначе.

Она подумала, кивнула.

— Ладно, это сейчас неважно. Важно то, что ты пока что не знаешь, как вернуть меня в мой мир. Я понимаю, ты не великий Рундельштотт, прорубивший дверь в ваш мир... Но обещай, что постарайся.

Я пожал плечами.

— А что это даст? Обещай не обещай, но даже не представляю...

— Пообещай, — потребовала она.

Я вздохнул, развел руками.

— Хорошо-хорошо. Обещаю.

— Что? — спросила она с нажимом. — Что обещаешь?

— Ваше величество, — сказал я досадливо, — обещаю со всей искренностью, что приложу все усилия, чтобы вернуть вас в ваш мир. И сделаю все для этого. И даже больше. Довольны?

Она кивнула, напряжение из ее фигуры, к моему изумлению, выветривается буквально на глазах.

— Да, — ответила она просто. — Я верю в твоё обещание.

— Это ничего не даст, — буркнул я с непонятной мне самому неловкостью.

— Верю и в твои силы, — уточнила она. — Ты все сможешь! Хотя ты не Рундельштотт, но ты мужчина. Ты должен.

Я пробормотал:

— Давно не слышал таких слов.

— А какие слышишь? — спросила она.

— Только насчет прав, — ответил я. — На то имею право, на это, еще вот на то, и вообще у нас только права и никаких обязанностей!

Она ужаснулась:

— Как же вы живете?

— Да вот так, — ответил я скромно. — Перебиваемся как-то. Ваше величество, вы совсем не обращаете внимание на блюда... Да, немного непривычно, но все съедобно. И вот эти сдобные пирожки... Тают во рту!

Глава 3

В нише заскреблось, вылез сонный пылесос, повел сяжками-камерами. Королева дернулась, когда он двинулся к ней, но огромным усилием воли сдержалась, не завизжала в ужасе, даже ноги не подобрала, хотя допо-

топный пылесос, согласен, выглядит вообще-то страшновато, как железная черепаха из мастерской далеков.

Он понюхал ее платье, деловито собрал пыль с подола, поскреб тuffельки и потащился к лестнице на второй этаж.

Она проводила его взглядом, на лице огромное облегчение, но когда заговорила, голос звучал ровно и привычно холодно:

— Это... твой слуга?

— Мой, — согласился я. — Хотя я и не глерд.

По ее лицу промелькнула тень неудовольствия.

— Ты глерд, хотя и не считаешь себя... Хотя, возможно, у вас глерды называются иначе? В королевстве Уламрия, это наши соседи, глерды именуются лордами. У тебя весь дом полон слуг-демонов. Я так и не поняла, что это за мир демонов, если они служат тебе?

Я скромно улыбнулся.

— Ваше величество, позвольте, это я объяснять не стану.

Она посмотрела исподлобья.

— Кажется, начинаю догадываться... Но это в корне все меняет.

Пылесос взобрался почти до последней ступеньки, но сорвался и с грохотом съехал на спине, ритмично постукивая на каждой, на полу у самых наших ног завертелся волчком на выпуклом панцире.

Я процедил сквозь зубы:

— В металлолом восхотел?..

Он жалобно пискнул, из отверстий в панцире поспешно выдвинулись сразу два манипулятора, я не успел слова добавить, как перевернули стальной пылесборник с грохотом на пузо, и он не пополз по ступенькам, а помчался скачками, как резвый щенок.

— Еще раз такое выкинешь, — сказал я вдогонку, — понял?.. Закажи новые детали, проапгрейди прогу... Анька, проследи за этим дурнем, чтобы ничего не забыл!

Во весь экран появилось лицо Ани Межелайтис, томно облизнула губы и сообщила эротичным голосом:

— Хорошо, босс... Все, что скажете, босс!.. Только намекайте, босс!

Я оглянулся на королеву, внимательно прислушиваясь, сказал раздраженно:

— Никого не принимаю! Отключи связь. Вообще отключи.

Аня кокетливо вскинула тонкие шнурки бровей, пухлый ротик приоткрылся дико эротично.

— Кроме, — спросила она в изумлении, — чрезвычайных ситуаций?

— Даже чрезвычайных, — начал я, потом махнул рукой: — Ладно, те оставь, ну там пожар, война, вторжение марсиан...

Королева внимательно наблюдала за мной, на губах проступило нечто напоминающее напряженную улыбку.

Аня исчезла, королева сказала негромко:

— Если не король, то не меньше, чем герцог?.. Столько народу добивается твоей аудиенции!.. И столько хотят подружиться с тобой!..

— Френды, — буркнул я, — еще не друзья. Мало ли что им надо... Я еще помню нигерийские письма...

— Тебе служат могущественные демоны, — продолжила она. — Тебе подчиняется весь замок... Здесь много народу?

Я огрызнулся нервно:

— А зачем они мне?.. Я один.

— Для одного человека, — сказала она очень серьезно, — это роскошно. Ты не крестьянин.

— Еще бы, — ответил я саркастически, — я планктон!.. Теперь такое время, что даже планктон — звучит гордо.

Она медленно допила сок, на лице ни тени эмоций, хоть бы сказала, что вкусно, но, понятно, королева, ей сказать, что вкусно, это почти поблагодарить, но как можно так низко пасть самой королеве!

— Ваше величество, — произнес я, — позвольте совершенно искренне восхититься вашей железной выдержкой. Я смутно догадываюсь, каким чудовищным вам должен показаться этот мир... не то, что мне ваш, но вы... вы великолепны!.. Ни диких воплей, ни ужаса, ни попыток бросаться на стены, согласен, весьма странные, ни обморока...

Она смотрела на меня холодно и высокомерно, и хотя это злит, но одновременно и восхищает.

— Я королева, — сообщила она так, словно я увидел ее впервые, — царствующие особы с колыбели обучаются держать себя на публике.

— Здесь нет публики.

— А вдруг? — произнесла она. — Потому я королева даже в пустой комнате.

Я поклонился.

— Ваше величество. Вы — человек долга. Я восхищен, и мне жутко стыдно. Сам я вообще-то безвольная свинья. У меня ни чувства чести, ни чувства долга. Тем более я эта... преклоняюсь. Ибо вы... недосыгаемы.

— Верни меня обратно, — ответила она.

Я ощутил сильнейшую беспомощность и жгучий стыд. Она все еще смотрит на меня, как на мужчину, у которого Долг, Честь, обязанности, не понимая, что от обязанностей всяк прячется, как собака от мух, а про долг и честь давно забыли, мы ж не дикари какие-то...

— Я, — проговорил я, — я... думаю над этим сложным вопросом. Уже голова пухнет, видите?

Я смотрел, как медленно и величественно встала из-за стола, нет, поднялась, есть разница между встать и подняться, так же неспешно вышла, оставив стул, это уже я придвину, понятно, она же королева, а я черт-те что, в задумчивости прошлась по гостиной, медленно и осторожно прикасаясь кончиками пальцев к стенам, мебели, приборам...

Я чувствовал нарастающее беспокойство, далеко не все в доме замкнуто на меня, иначе самому пришлось бы обслуживать гостей, а так любой может включить телевизор и выбрать программу, достать из холодильника пиво, включить или выключить свет...

Я начертил мысленно ее траекторию, обязательно пройдет мимо транскомпа, неделю тому я начал собирать его собственноручно, это гораздо дешевле, чем купить в магазине, это не по карману, но сейчас в полуразобранном...

— Платформу влево, — произнес я вполголоса, — разъемник выше...

Королева, как я и рассчитал, подошла, прикоснулась кончиками пальцев... я нарочито отвернулся, а за спиной сухо затрещало, раздался сдавленный вскрик. Я быстро оглянулся, королеву отшвырнуло на другой конец комнаты, где и растянулась на полу. Волосы дыбом, глаза выпучены, а зубы стучат мелко-мелко. Руки тоже трясутся, как у припадочной, щеки бледные, как мел.

Я охнул:

— Что за дурь? Могло же вовсе убить!..

Ее крупно колотило, выговорить не может ни слова, я поднял ее на руки, никогда бы не подумал из-за ее массы платьев, что такая легкая, понес к дивану, она

даже не поняла, что с нею делают, и бережно опустил на роскошно мягкую поверхность.

Пришла в себя не скоро, руки еще дергаются, но ухитрилась выговорить:

— Что... это... было?

— Ответ, — сообщил я с невольным злорадством. — В жилище такого могучего мага, как я, нельзя и шагу ступить самостоятельно, ясно?... А делать можно только то, что разрешу. Что изволю разрешить по своей великой милости и добрости. Понятно, почему?

Она прошептала:

— По...че...му?

— Потому что здесь главный я, — сообщил я злорадно. — А ваша жизнь, ваше бывшее величество, теперь в моих гнусных лапах! И ваша честь. Да и вообще... усе.

Она осталась лежать неподвижно, даже руки перестали трястись, хотя пальцы еще мелко-мелко вздрагивали. Глаза огромные, вытаращенные, ресницы трепещут, как крылья у бабочки, что хотела бы взлететь, да боится шныряющих сверху страшных хищников — воробьев и ласточек.

Потом ее лицо отвердело, в глазах проступила привычная жестокость, она медленно поднялась, даже возделась, будто не сама по себе, а некая сила ее подняла, встала и пересела в кресло за столом.

— Я не враг, — произнесла она прежним холодным голосом, как разговаривала в тронном зале с придворными.

— Надеюсь, — ответил я.

— Тогда... зачем?

— Дом защищается, — объяснил я. — Ваше величество, волшебный дом просто предупредил, что нельзя ничего трогать без разрешения хозяина. В следующий раз просто убьет! Или сделает еще хуже...

Она проговорила нетвердым голосом:

— Что может быть хуже?

— Сделает вас старой, — ответил я без жалости. — Кожа станет морщинистой и дряблой, щеки обвиснут, под глазами появится три яруса серых мешков, похожих на рыбацкие сети, с темными пятнами на щеках и лбу, а шея так и вообще...

Она прошипела:

— Прекрати! У меня уже сейчас такая от твоих слов!..

Я повернулся к экрану.

— Снимок!.. Еще один... Еще... Вывести на экран.

Королева ахнула, когда на экране появилась она, сидящая сейчас за столом, все еще бледная и с расширенными в испуге глазами.

— Это...

— Это вы, ваше величество, — сказал я. — Ваш нынешний портрет.

Она медленно поднялась, выпрямилась во весь рост, не отрывая взгляда от своего изображения.

— У тебя... домашний художник?

— Можно сказать и так, — ответил я скромно.

— Он просто удивительный, — сказала она. — Нарисовать так моментально?.. Я о таком волшебстве не слыхала.

Она подошла к экрану, оглянулась.

— Потрогать можно?

— Это можно, — разрешил я великодушно и добавил громко: — Стража! За это мою гостью не убивать, не калечить и не делать старой.

Она осторожно прикоснулась, под ее пальцами изображение тут же увеличилось. Отдернула руку, но фото оставалось в том же размере. Прикоснулась еще раз, оно увеличилось так, что помещается только один глаз, что занял половину стены.

Я сказал с сочувствием:

— Ваше величество, нужно сделать пальцами всего лишь вот так...

Я показал, не прикасаясь к стене, изображение тут же уменьшилось.

Он попробовала, фото осталось таким же, как сделал я.

— Управлять жестами может только хозяин, — сказал я. — У вас доступ ниже, но тоже есть. Повозите пальцами по экрану...

— Полотну?

— Да, — согласился я. — Полотну. У нас такое полотно. Скользкое. Будто в соплях, но без соплей.

Она сосредоточилась, даже нахмурилась и губу прикусила, начала двигать пальцами, изображение то уменьшалось до макового зернышка, то увеличивалось так, что на весь экран одна ресница, я же отошел в сторону и жестами вызвал на дополнительном экранчике на другой стене редактор и велел состарить ее фото так, чтобы выглядела древней старухой.

Я не указал год, и на экране понеслась вереница старческих лиц, я поспешно согнул палец, в центре остановилось фото старухи в сто двадцать лет.

— На главный экран, — велел я вполголоса.

На большом изображении моментально сменилось, королева отпрянула.

— Что... это?

— Это вы, — пояснил я любезно. — Узнаете?.. Такой станете, если будете щупать тут все и тыкать вашими королевскими пальцами, без моего разрешения. Понимаете, ваше величество... здесь вам не там.

Она побледнела при виде старухи на экране, но всматривалась очень внимательно. От такого фото даже у меня мороз по коже, но королева, судя по выражению

ее лица, отыскала сходство со своей бабушкой или прабабушкой, некие общие фамильные черты, что идут из поколения в поколения тысячи лет.

— Это ужасно, — произнесла она холодно. — Я ничего не стану трогать. Хотя я королева!

— Но не в моем доме, — напомнил я. — Здесь я король, хоть и как бы король, ваше величество. А вы... даже не знаю, гостя или пленница?

Она посмотрела на меня с высокомерным равнодушием.

— Определяйтесь быстрее, глерд... или не глерд? От этого зависит ваше будущее.

— Чё-чё? — переспросил я.

— Ваша выгода, — пояснила она с королевской снисходительностью к карлику. — Я королева! А услуги королям оплачиваются высоко.

— Вы можете оплатить только драгоценностями на вашем платье, — отрезал я. — И в заколках. Но их могу забрать и так. По своей воле!.. А больше ничего не можете.

— Верни меня в мое королевство, — напомнила она. — Ты получишь намного больше.

— Не надо было хвататься за меня, — напомнил с бессильной злостью. — Какая хватка, какая хватка! Королевская. Вы свое не упустите, верно?

— Я пыталась тебя остановить, — сказала она. — Вообще-то остановила бы... но ты оказался сильнее и стремительнее.

Я сказал зло:

— Да, вы из тех, кто коня на скаку остановит... но теперь мы оба получили головную боль. Вы в чужом мире, а я все не решаю: утопить вас или удушить?.. Блин, со спутников мониторят всех муравьев на моем участке, труп на огороде не спрячешь. А где прятать?

— Ты сможешь, — сказала она и посмотрела очень внимательно. — Ты сможешь!

— Спрятать труп?

— Вернуть меня обратно, — ответила она, по-королевски не замечая глупой шуточки. — Если не за горы золота, не за бриллианты или земли, и как королева я для тебя не королева... то хотя бы как помощь женщине? У вас как насчет рыцарской чести?

— Хреново, — буркнул я. — Хуже некуда. Мужчины пали настолько, что женщины сами берут в руки как столярные молотки, так и... оружие. И сами себя защищают... а то и мужчин.

Она широко распахнула глаза.

— А мужчины... что, терпят?

Я хмыкнул.

— Пока еще ни один не покончил с собой из-за стыда.

Она всмотрелась в меня.

— А ты... неужели и ты... Нет, я же вижу, ты не такой. Ты не такой!

— Еще какой, — сказал я тоскливо. — Я такая свинья подзаборная... Чаше хрюкаю, чем говорю. Вон на диване место протерто... Там лежу, а вон там вмятина от моей жопы. Каждый день сижу часов по пять перед жвачником, серфлю, а потом до ночи мобов бью... Там я такой герой и та-а-а-акой блага-а-ародный...

Она подумала и, не сводя с меня пристального взгляда, произнесла задумчиво:

— Значит, ты уже накопил силы...

— Накопил?.. Силы?..

— Ты уже коснулся ногами дна, — проговорила она так же медленно, — осталось только утонуть... или толкнуться, чтобы выпрыгнуть на поверхность.

— Ага, — сказал я саркастически, — только это такое дно, что каждый тонет с огромным удовольствием.

Глава 4

Мой карликовый тираннозаврик сперва рычал и пятился от ползающего пылесоса, но тот не обращает внимания на будущего страшного дракона, и мой ящеренок, осмелев, начал нападать и пробовать ухватить широкой пастью. Пылесос пятился, собирая пыль, наконец мой гребенчатый зверь отважно прыгнул на это чудище и, цепляясь за отверстия и выпуклости, взобрался на самый горб.

Когда вот так проехали мимо меня, я похвалил за отвагу и мужество, ящеренок тут же соскочил и взобрался ко мне на колени. Я почесал ему пузо и белесое горлышко, он побалдел, но когда пылесос снова проползал мимо, прямо с моих колен прыгнул ему на спину и, вцепившись всеми четырьмя, гордо покатил на таком танке, как де Голль в освобожденный Париж.

Королева осматривала гостиную с королевским равнодушием, как и положено королеве, заглянувшей в хижину дровосека или углежога, нет, все-таки дровосека, у меня испачкаться просто невыносимо, но я чувствовал ее страшное напряжение, в этом чудовищном мире нет ни единого знакомого предмета, кроме стен и входной двери.

Остановилась перед портретом Салка, мистера Олимпия, но только начала всматриваться, как тот исчез, а на его месте появился Знак, еще мышчате и с чудовищно вздутыми бицепсами, у него второе место в общем зачете, но первые два по бицухе и трицам...

Едва заметно вздрогнув, некоторое время всматривалась, но вместо Знака появился Крабонд, чемпион по паурлифтингу, лишь тогда она величаво повернула голову в мою сторону.

— Интересный у тебя портрет... Но почему меняется?

— Слайд-шоу, — ответил я, — ваше величество, в той рамке миллионы картин. Вот там еще две рамки, но все равно, кто на них смотрит?.. Не обращайтесь внимания, это местная магия.

Она покачала головой.

— У нас такой нет.

— Это хорошо, — одобрил я. — Даже прекрасно, что нет. У нас из-за этой магии все художники вымерли. И вообще рисование исчезло. Потому не допускайте!

Она прошла чуть дальше, остановилась перед стеной, где закреплены на крючках два меча и топор со щитом, все из лучшей стали, легкие и прочные, ничем не поцарапать. Магазинов с такими штуковинами развелось немеряно, торговля идет бойко, почему-то эта хрень считается прекрасным украшением интерьера, редко найдешь квартиру, где нет меча или топора на стене. Находятся сумасшедшие, у которых все стены увешаны мечами, топорами, моргенштернами, мизерекордиями, саблями, шпагами, катанами, палицами...

Хотя, надо признаться, в современном исполнении в самом деле выглядят красиво, но, думаю, в реальности даже у королей оружие было попроще и не украшено бриллиантами, рубинами и прочими изумрудами, почти как натуральными.

— Это твое заслуженное оружие? — спросила она. — Все остальное, понимаю, в оружейной? И доспехи?

— Да, — ответил я, но уточнил: — Вам туда нельзя, ваше величество!.. Не женское это дело.

Она кивнула.

— Да-да, верно.

— И вообще, — сказал я, — герои сражаются без доспехов. Я, может быть, вообще берсерк в душе!

Она не отрывала взгляда от оружия, наконец произнесла раздумчиво:

— Вот этот меч слева просто прекрасен... Это твое основное оружие?

— Одно из, — ответил я скромно. — Одно из.

— Не тяжеловато для твоей руки?

— Тяжеловато? — спросил я с негодованием.

Она отступила на шаг и смотрела холодными змеиными глазами, как я снимаю меч с крюка, ножны сверкают мелкими красными камешками, одной рукой я придержал ножны, другой взялся за рукоять и медленно потащил клинок на свободу.

Как воин я, полагаю, никакой, драться не приходилось, но насмотревшись в фильмах, как эти гэгэ, то есть главные герои, зачем-то перед поединками крутят мечами во всех направлениях, наверное, это нечто ритуальное, то ли призывающее богов, то ли нагоняющее страх на противника, я, как Денур, Ратад, Маргаст и все остальные косплеисты, научился вращать мечом быстро и красиво.

Во-первых, это укрепляет кисть, а такое упражнение все же интереснее, чем вращать гантельку, да и перед девчонками можно побахвалиться, дескать, кручу полуторником как Глен Барбадэ в «Короле Киммерии» или Дирк Гунько в своем сериале о неустрашимом герое-варваре, а то и лучше, вот посмотри, как я хорош!

Времени у нас всегда до фига, можно на экране поставить движение на повтор и, глядя на него, крутить мечом и крутить, как бы кисть ни ныла, пока не получится легко и как бы без усилий.

Королева отступила еще на шаг, я задержал дыхание, сосредоточился, клинок тут же засверкал в моей руке, вращаясь быстрее крыльев мельницы под ураганным ветром.

Я перебрасывал его в левую руку и вращал на той стороне, показывал всеерную защиту, снова неуловимо быстро возвращал в правую, уже отдохнувшую чуть, и вертел во всех направлениях снова, наконец отработанным движением забросил клинок в узкую щель ножен и поклонился королеве, стараясь не показывать, что сердце вот-вот выпрыгнет от чрезмерных для диванного героя усилий.

Она покачала головой, королевская невозмутимость не слетела, но еще чуть отступила, глаза расширились в изумлении.

— Такого еще не видела, — проговорила она. — Совсем не предполагала, что ты великий воин! Возможно, величайший... Так владеть оружием... это невероятно...

Я проговорил, подпустив в голос иронии:

— У меня много талантов, ваше величество... Настолько много, что могу позволить себе не выпячивать их, а жить свинья свиньей, что вполне в духе времени тотальной демократии и пофиги... тьфу, пацифизма.

— Но... зачем?

Я пожал плечами. Она посмотрела в одно окно, медленно прошла ко второму. На безукоризненном лице ни страха, ни смятения, а когда заговорила хорошо контролируемым голосом, в нем прозвучал всего лишь слабый интерес:

— А где твой конь? Вообще не вижу конюшни.

Я развел руками:

— Увы, ваше величество, я уже говорил, человек слишком бедный...

— Настолько, — переспросила она с насмешливым недоверием, — что даже коня держать не в состоянии?

Я смиренно развел руками:

— Увы...

Она сказала с отвращением:

— Да как ты живешь? Как можно жить без коня?..

— Не представляю, — согласился я. — Как вообще жить?.. В ужасном мире живем, ваше величество! Да еще и в ужасное время.

Она насторожилась.

— А что происходит?

— Да все происходит, — ответил я упавшим голосом. — У нас любое время ужасное. Это у вас там все поют от счастья, а у нас постоянно стонут.

Она вскинула брови, посмотрела внимательно и с сочувствием повторила в задумчивости:

— Если даже коня нет, то что за мужчина без коня?

— И без меча за плечами, — согласился я убито. — А когда меч на стене, то это уже и не меч, ваше величество! Это бывший меч. Да и вообще пеший конному не гусь с бантиком!

По телестене пробежала рябь, я не среагировал, и тут же во множестве окошек побежали кадры последних новостей с фронтов последних боев в Румынии, Чаде и Саудовской Аравии, бегущие с автоматами в руках люди падают, взрывами разносит танки и бронетранспортеры, суперголкипер Чэд берет мяч в пенальти от самого Паларта, Лиза Чича получает Оскара за лучшую постельную сцену...

— Убрать, — сказал я коротко.

Экран погас, королева быстро взглянула на меня.

— Это демоны?

— Хуже, — ответил я, увидел ее непонимающий взгляд, пояснил: — Люди на службе демонов. Они хуже любых демонов. Демоны могучи, но туповаты, а люди... ваше величество знает, способны на все. Куда там демонам!

— А как зовут вашего главного демона? — спросила она.

— Демократия, — сказал я. — В прошлом она совсем недавно звалась золотым тельцом.

— Странное имя, — произнесла она озадаченно. — Сперва мужское, потом женское?

Я ухмыльнулся.

— А у нас поменять пол — раз плюнуть!.. Некоторые по два раза в год меняют. А есть вообще бесполое, так им все охренело.

— У вашего главного демона власть только над золотом?

— И прочими активами, — пояснил я, — а это значит, над всем на свете. Люди гибнут за мета-а-а-алл! За золото, значит. Его гнусное влияние.

Она произнесла невесело:

— У нас этому демону не поклоняются, но он, похоже, своих слуг заслал и к нам. Каким заклинанием создаешь этот странный свет в доме?

Я пожал плечами.

— С какой стати буду лично создавать или гасить свет? Я что, все еще в пещерном веке прозябываю?

Она переспросила:

— Это тоже делают демоны?

— А кто еще? — нагло сказал я. — Не мое дело царя природы заниматься такой мелочью. Человек должен быть высвобожден...

Она сказала с уважением:

— О, да!.. Представляю, какие дела ты свершаешь. Переложив все дела на мелких демонов, освободивших от рутины, ты совершаешь... что ты совершаешь?

Я ответил с достоинством:

— Лежу на диване!.. Красиво лежу. Могу на спине, могу на боку. Даже на пузе, хотя на пузе и неудобно. В детстве было нормуль, а шас не то, хотя и пузо пока

что не отросло... У меня даже кубики можно увидеть в хорошую погоду и при мощном освещении!

Она посмотрела с непониманием, настоящая средневековая дура, переспросила:

— Лежишь... это отдыхаешь после трудных походов? После битв с драконами?... Или горными великанами?

— Ну да, — промямлил я, — после, ага... бывает до сотни мобов замочишь за день, а то и пару рейдов в подземелья успеваю, а там пока все не очистишь, не выберешься.

Она посмотрела с уважением.

— А здесь на диване залечиваешь раны?

Я отмахнулся.

— С собой обычно беру хилера. Если нет человека, то питомца, а если и того нет — запасаясь абилками. Чтоб на ходу прямо в бою... ну, не истечь кровью, а продолжать сражение, так радующее тех, кто смотрит со стороны.

— Тогда ты великий воин, — сказала она. — И заслуживаешь, чтобы мелкие демоны выполняли здесь всю работу.

— Да, — согласился я чуть-чуть пристыженно. — Я такой. Только тупое человечество все еще не замечает моего величия!

Она огляделась.

— А какие еще великие дела свершаешь, если так долго потом отдыхаешь на этом роскошном диване?

— Мля, — сказал я, плямкнул еще раз, но лучшая защита — нападение, посмотрел на нее с подчеркнутым недоверием. — По большей части я на секретной службе... что значит, не о всех подвигах имею право рассказывать. Во избежание.

Она посмотрела озадаченно, потом взор внезапно прояснился.

— Во избежание дипломатических скандалов?..

— Ну типа того.

Настойчиво звякнул скайп. Я оглянулся, королева замороженно рассматривает что-то на экране телестены в соседней комнате, торопливо врубил связь, на экране появилось лицо Влада.

— Ты чего? — спросил он. — Мы уже полчаса ждем тебя!

— Извини, — ответил я быстро, — не могу.

— Что стряслось?.. Работу получил?

— И работу, — ответил я, — а с нею та-а-акие неприятности...

— А что родители?

— Они добавили, — сказал я. — Так что извини, веселитесь без меня. Как-нибудь в другой раз.

Королева надменно спросила из гостиной:

— Что это за женщина?

Я поспешно вырубил скайп, обернулся. Она внимательно рассматривает групповой снимок, где я с Владом и Томасом играем в теннис против моей матери и Кирилла.

— Да так, — ответил я, — это я со своей девушкой, а это моя мать со своим... парнем.

Она снова устремила пытливый взгляд на снимок.

— Художник слишком приукрасил твою мать, — сказала она, — она же здесь почти твоя ровесница!

— Она такая и есть, — ответил я. — Хотя это неважно.

Она повернула голову в мою сторону.

— Твоя мать колдунья?

— Все женщины ведьмы, — сообщил я. — А что?.. Лишь бы человек был хороший. У нас политкорректность.

— Где она сейчас?

— Кто?

— Твоя мать.

Я взглянул на часы.

— Думаю, летит над океаном.

— Летит?

— Да, — ответил я. — Там тысяча миль. Быстрее перелететь, чем плыть... Но ты не волнуйся, у нее своя жизнь, к нам не нагрянет.

Она произнесла задумчиво:

— Может быть, мне, как королеве-изгнаннице... нет, королеве-беглянке, попросить помощи у ваших правителей?

Я сказал с радостным злорадством:

— Прекрасный вариант! Вас сразу под международный трибунал! Пиночета и за меньшее засадили, а потом замучили! Не знаю, что с вами сделают, но в самом лучшем случае либо в тюрьме удавят, как Милошевича, либо повесят, как Саддама, а то и раздерут на части, как Каддафи...

Она охнула.

— За что?

— За неправильный строй, — отрезал я. — Морить народ в каменоломнях — это что?.. Я был, знаю. За то, что меня заставили камень ломать, я могу вас здесь заставить не только посуду мыть, но даже и не знаю что!.. По моральному праву, если есть такое...

Она зябко передернула плечами.

— Да, это плохая идея. Меня уничтожат, чтобы захватить мое королевство.

— А если еще отыщут нефть, — подхватил я, — то и население перебьют, потому что террористы.

— Кто такие террористы?

— А все, в чьих землях есть залежи нефти. Нефть — эта наша магия.

Она подошла к входной двери, оглянувшись.

— А выйти во двор можно?

— Все можно, — сообщил я, — чего нельзя. Только двигайтесь по-королевски медленно и осторожно. Чтоб я успел, если что. И как.

Глава 5

Участок у меня самый лучший на свете: здесь не ступала нога человека, потому что дед тоже им не заморачивался, предпочитая жить в городской квартире. Бурьян мощный, озверелый, наглый и варварски немодифицированный в нечто культурное.

— Ты герой, — произнесла она задумчиво, — тебе некогда заниматься садом... Ты еще не завоевал себе принцессу, что разводила бы розы и сажала цветы.

— Станет принцесса цветы сажать, — буркнул я. — Сперва ляжет на диван и начнет по инету заказывать наряды, потом упорхнет в турне по ночным клубам...

Она сошла с крыльца, брусчатка только перед крыльцом и узкая полоска для автомобиля до ворот, а все остальное, как на дикой планете.

Я указал на дальний заборчик, слишком низкий, перепрыгнуть легко хоть козе, хоть зайцу, потому там электрозащита от любых диких животных, что совсем обнаглели от безнаказанности, даже палкой нельзя стукнуть свинью, что разрывает цветочную клумбу в поисках желудей, или дать пинка газели, нагло жрущей чайные розы вдоль дорожки...

— Там тоже защита. По всему периметру. Шарахнет, глаза вылезут. И морщинки появятся.

Она вздрогнула.

— Защита от демонов?

— Да, — согласился я, — от демонов. А для вас, ваше величество, это предупреждение. Там в доме стукнуло легко, а вот потом...

Она вздрогнула.

— Это было легко?

— В следующий раз либо убьет, — сообщил я, — либо сделает дряхлой старухой.

Она поспешно отступила.

— Но у тебя здесь мог разместиться прекрасный сад, — произнесла она уже ровным и по-королевски равнодушным голосом. — Крохотный, но удивительный. Как удалось отвоевать такое безопасное место в мире демонов?

Я отмахнулся.

— Демоны захватили все города. Крупные, очень крупные и даже мелкие. А в такие пустые места они заходить брезгают, здесь добычи маловато... Но все-таки заходят!

Она вздрогнула.

— И как тогда?

— Прячемся, — ответил я. — Скоро демоны расплодятся, друг на друге сидеть будут. И тогда людям конец.

— Но пока что тебе служат могучие демоны.

— Некоторым, — сказал я скромно, — удастся устроиться и в этом жестоком мире. Ваше величество, я бы посоветовал вам... удалиться в дом.

Она быстро повела глазами в стороны.

— Опасность?

— Только вам, — любезно сказал я. — Здесь опасность всюду. Это жестокий мир, ваше величество.

— Могут напасть сверху?

— Им сверху видно все, — сказал я.

— Скрыться можно только в доме?

— В доме тоже видно все, — сообщил я, — но уже не всем, а только золотому тельцу. А под открытым небом нас видят все, кто пожелает взглянуть. Надеюсь, я все-таки большинству еще неинтересен.

Она повернулась, пошла по ступенькам к распахнутой двери, но на пороге оглянулась.

— Что-то придумал?

— Насчет чего... Ах да, пока осваиваю материал, — ответил я. — Теории суперструн, веерных вселенных, проколы пространства, телепортация, черная материя, темная энергия, свиная лихорадка... везде говорится, что это невозможно...

Она сказала резко:

— Но мы прошли!

— Вот-вот, — согласился я. — Мы прошли. А значит, есть какой-то путь. Не волнуйтесь, ваше величество, чтоб мы да не нашли?.. Хотите вина?

— Не изволю, — отрезала она. — Ищи путь! Обязан быть.

— Обязан, — согласился я, — но даже если нет, прорубим. Я из страны прорубывателей окон в Европу и ворот к океану. А еще отрубывателей голов всяких там, что вам понравится особенно.

— Мне это не нравится, — отрезала она. — Не люблю проливать кровь!

— Предпочитаете вешать? — сказал я понимающе. — Да, это гуманно. В общем, я уже набрал две тыщи идей и вариантов, начинаю отсеивать.

Она красиво и величественно уселась во главе стола, выпрямилась, обвела взглядом гостиную.

— Здесь мимо... Это что там за ваза?... Поставь ее сюда на середину стола!

Я фыркнул, она взглянула на мое лицо, осеклась. Я перевел дыхание и ответил со всей вежливостью:

— Поставлю, ваше величество... Но не потому, что вы королева.

Она надменно задрала подбородок.

— А почему?

— Красивая, — пояснил я. — Красивым всегда хочется угодить. И хотя ваша красота, ваше величество, какая-то мерзкая, но... все-таки красота, признаю. На мисс Вселенную не годитесь, там простые смазливые дурочки, а вот на рекламу бриллиантов и шляпок от Сраччи... да, там бы вы затмили тех светских львиц.

Она произнесла с подчеркнутым равнодушием:

— Ваши красавицы? На них взглянуть можно в этом магическом зеркале?

— Можно, — ответил я, — они для этого себя и выставляют. Вот, например, Моника Вагина, это вот Лиззи Пизни... а это...

Я двигал пальцами, на экране возникали самые-самые, что рекламируют бриллианты, королева рассматривала их с женской тщательностью, наконец произнесла с холодком в контролируемом голосе:

— Некоторые да, годятся.

— Для чего?

— Для фрейлин, — объяснила она. — Я бы взяла вон тех двух. Пообтесать немного, а то грубовато смотрятся... И вульгарно.

— Нет достоинства? — подсказал я.

— Точно, — согласилась она. — Из простонародья?

— Сулицы, — ответил я. — Откуда им знать манеры? Перед каждым фотоснимком им говорят, как держать спину, плечи, повернуть голову... Но вообще-то от этих раритетов уже отошли. Виртуальные фотомодели куда круче... Ваше величество, отведайте эти пирожные! Вы таких и не пробовали. Даже я не пробовал.

Она взглянула с подозрением.

— А ты почему?

— Каждый день появляются десятки новых, — признался я. — Прогресс не стоит на месте. Это насчет освоения планет не спешат, а вот как набить брюхо или получить еще как-то удовольствие, методов все больше... но про новейшие умолчу.

Замигал сигнал вызова, я сказал с раздражением:

— Я же велел всех отключить!

На экране появилась Аня Межелайтис, брови высоко вскинуты, улыбочка ехидная, блин, ненавижу, пора сменить на Ниту Жо или Маньку Сисячку, они еще сексуальнее, а, главное, податливее, что для нас важнее даже размера бюста.

— Всех, — переспросила она с намеком, — и работников социальной службы?

Я молча ругнулся, посмотрел на соседний экран, чья камера смотрит в сторону ворот. С той стороны забора подкатил шикарный автомобиль, дверца поднялась вверх, бодро выпрыгнул круглолицый мужчина в деловом костюме, несмотря на жару, и направился к калитке моего участка.

— Пропустить, — сказал я сквозь зубы. Сказать, что никого дома, не удастся, у них тоже отслеживается движение по всему коттеджному поселку. Как бы в интересах нашей безопасности, а то вдруг свалюсь с сердечным приступом или сломаю сразу обе ноги и буду ползать, загребая землю передними. — Но только во двор. Дверь закроешь и заблокируешь.

Она почти пропела прежним ехидным тоном:

— Понимаю-понимаю.

Я вышел во двор, участок у меня крохотный, всего полгектара, мужчина вошел через распахнувшиеся перед ним ворота, на лице профессиональная улыбка, под

мышкой папка с бумагами, это для авторитета, уже сто лет все хранят данные в облаках.

Он заулыбался еще шире, когда я пошел навстречу. Я тоже постарался выдавить улыбку, ненавижу социальщиков, жаждут сделать мою жизнь лучше, пусть даже это расплющит меня, как жабу танком, демократы хреновы.

— Хорошая погодка, не правда ли? — сказал он жизнерадостно. — Я — Серж Айвенго, старший консультант социальной службы.

— Прекрасная погода, — подтвердил я, сказать что-то иное было бы непростительной в демократичном обществе грубостью, — просто замечательная. Что у меня не так? Трава не подстрижена?

Он отмахнулся.

— Это пусть заботит моих коллег по другому отделу.

— Золотые слова, — сказал я.

— А я, — заявил он победным голосом, — из департамента строительства. Могу предложить две тысячи образцов домов современной, ультрасовременной и транспостовой архитектуры...

— Не интересуюсь, — отрезал я твердым голосом.

Он сказал хитро:

— Все бесплатно!

— Ага, так и поверил.

— Входит, — объяснил он, — в минимальный социальный пакет.

— Я старомоден, — пояснил я. — Этот дом мне достался от деда, а тому от его деда, что еще Мамая гонял по Куликову с Дмитрием Галицким... или Волынским, не помню.

Он воскликнул:

— Это замечательно! Особенно сейчас, когда такое внимание к истокам и устьям!.. В нашем ассортименте есть не меньше двухсот типов построек по мотивам скифских мечтаний, киммерийских легенд, старорусских былин и боярских усадеб...

— Нет, — сказал я непреклонно, — это память о деде, а он был странным таким скифом, скифом-сарматом с переходом в некоторую хазарскую славянскость...

— У них это тоже есть, — заявил работник социальной службы с победным оттенком в голосе. — Все учтено.

— Однако это уже не то, — сказал я и увидел, как его глаза округлились, смотрит уже через мое плечо. — Мне даже камешки и доски старые дороже новых...

Все же оглянулся, королева вышла на крыльцо и, красиво облокотившись на белые перила веранды, смотрит в сторону главной дороги поселка.

Соцработник все поглядывал на королеву, наконец проговорил, понизив голос:

— Понимаю ваше стремление быть оригинальным... но мне кажется, женщины такого класса все же предпочитают более... как бы сказать точнее...

Я оглянулся на королеву, в самом деле королева, этот Айвенго прав, гораздо естественнее смотрелась бы на супердорогой яхте или во дворце, выстроенном лично для нее мультимиллиардером.

— Ей не важно место, — ответил я с достоинством, — со мной хорошо и в шалаше, если вы помните эту поговорку. Главное, чтобы человек был хороший. А я, по ее словам, просто замечательный.

Он вздохнул, лицо профессионально омрачилось.

— Тогда зайдем с другого конца, если позволите...

— А если не позволю? — буркнул я.

Он понимающе усмехнулся, дескать, ах какая оригинальная шутка.

— Дело в том, — сказал с таким видом крайнего сожаления, словно хоронит тещу и старается не рассмеяться, — что облик вашего дома очень даже портит общий ансамбль коттеджного поселка.

— Ха, — сказал я, — украшает!.. Они же все как из инкубатора!

— Увы, — сказал он со вздохом. — При всей своей оригинальности, еще раз увы, весьма выбивается из общего ряда.

Я сказал победно:

— Ну вот, сами признаете, что украшает!

Он вздохнул.

— Как вы помните, мы все вынуждены жить мирно и счастливо в правовом, демократическом обществе, где все равны. Вы должны быть открыты миру. Если не возражаете против запрета вешать на окна занавески, то тем более не можете спорить с желанием общества видеть вас чистым, хорошо выбритым и опрятно одетым.

Я буркнул:

— Ну?

Он снова бросил украдкой взгляд в сторону небрежно отдыхающей королевы.

— Ваш дом тоже должен быть опрятен. В вашем поселке две тысячи участков, дома разной степени элитарности, но ваш не просто наихудший! Он уже неделю как за красной чертой, понимаете?

Я сказал с подозрением:

— Что-то ваша черта слишком быстро поднимается.

— Общество становится богаче, — напомнил он. — Как только робот занимает место человека, продукции выдается вдесятеро больше! Правительство не может столько средств направлять на освоение космоса и кол-

лайдеры, а воевать уже не получается! Приходится повышать благосостояние граждан.

— Я протестую, — сказал я. — Не хочу быть буржуем. Нельзя стать буржуем и оставаться человеком Флинта!

Он хитро улыбнулся.

— Еще как можно!

— Можно, — согласился я, — это так брякнул, не подумав про наших олигархов. Однако я, как романтик и бунтарь...

Он вздохнул.

— Простите, что перебую. Наш разговор записывается, как вы понимаете. Суд увидит, что вы предупреждены. Потому если в течение трех дней не перестроите дом так, чтобы он соответствовал высоким стандартам вашего поселка и нашего гуманного общества, мы будем вынуждены его снести... и поставить уже по своему выбору.

Я стиснул челюсти, эта гребаная демократия не дает нам жизни, процедил с ненавистью:

— Давайте ваши проекты!

К счастью, бумаги он доставать не стал, развернул рулонный дисплей и начал примитивно прогонять по экрану пальцем фото различных домиков, как одноэтажных, так и трехэтажных.

Я ткнул пальцем.

— Вот этот... нет-нет, мотните взад на пару штук... Вот этот! Так и быть, это убожество стерплю.

Он мягко улыбнулся, прямо Манилов какой-то на две трети и на треть Чичиков.

— Все дома в поселке разные, но все-таки... все-таки должны быть в одном стиле. Понимаете?

— Нет, — ответил я.

— Никаких небоскребов, — пояснил он, — что испортят вид и внесут когнитивный диссонанс.

— Я выбрал небоскреб?

— Нет, — признал он, — но это из ряда вон. Вам об-
новят дом по социальному пособию, а это значит, ника-
ких излишеств и наворотов. Простой двухэтажный дом
где-то от двухсот восьмидесяти квадратных метров, это
минимум, ниже опускаться нельзя, и не больше четы-
рехсот двадцати. Выбор у вас может быть только в этих
пределах.

Я поморщился, но спорить бесполезно, я не один та-
кой умный, у них наготове отработанные санкции.

— Ладно... сколько это займет?

Он взглянул на старинные часы, расположенные на
запястье.

— С учетом того, что своего принтера в вашем посел-
ке нет, придется везти из Красных Орлов... это займет
не меньше часа. Плюс двадцать минут на остывание и
затвердение... Мебель можно заказать сразу. Подождут,
даже если придут на пять минут раньше... Рекомен-
дую взять свою красивую женщину в полтора часовую
поездку... нет, лучше в двухчасовую, вы же знаете, всегда
не успевают уложиться как в смету, как и во временные
рамки.

Я скривился, посмотрел на небо, ни одного облач-
ка, но с королевой на море не съездишь, как и вообще к
воде, ни за что не покажет ноги, будто у нее там и в самом
деле копыта, как у царицы Савской.

— Вы уверены, — спросил я, — что уложатся в два
часа?

Он поспешно кивнул.

— Абсолютно! Даже абсолютнейше!.. Но на всякий
случай, в жизни бывает всякое, придумайте, чем себя
занять в городе часа на три-четыре. Строители, как мар-
сиане, у них никогда ничего не бывает вовремя.

Я махнул рукой.

— Ладно. Распоряжайтесь. Меня, считайте, уже нет.

Глава 6

Он тут же начал так азартно постукивать пальцами одной руки по планшету, что тот в испуге свернулся в тонкую трубочку, а я пошел к дому, где королева изво-лит величественно созерцать окрестности, словно там готовится великий праздник в ее честь.

— Ваше величество...

Она бесстрастно взглянула мне в лицо.

— Да?

— Нам придется на некоторое время покинуть этот дом, — сообщил я утрюмо.

Она поинтересовалась с тем же подчеркнутым равнодушием, за которым я все-таки сумел разглядеть, я же проникательный, скрытую тревогу:

— Тебя изгоняют?

— У нас не выгоняют, — ответил я. — Напротив, больше денег дают! Чтобы не. Такое общество.

— Тогда что?

Я сказал с небрежностью:

— Я же не знал, что вы у меня окажетесь... гостьей, на сегодня велел прибыть рабочим. Сменят дом, приведут в порядок участок... Все по мелочи, все по мелочи. Не волнуйтесь, у нас это занимает не столетия, и даже не годы.

— А сколько?

— К вечеру успеют, — сообщил я.

Он вскинула брови.

— Тогда пусть при нас...

Я прервал:

— Нет, будут как бы даже ломать стены. Почти. А может, как-то иначе, не царское это дело — влезать в такие мелочи!

Она посмотрела несколько странно, но ничего не сказала, только после паузы промолвила:

— Я готова.

— Великолепно, — сказал я с великим облегчением. — Женщина бы собиралась целый день... Как хорошо, что вы не она самая, ваше величество! И ног у вас точно нет. Позвольте распахнуть перед вами двери?

Она промолчала, будто знает, двери в моем мире распахиваются перед своими сами.

— Тираннозаврик! — крикнул я. — Морденок, ко мне!

Ящеренок перестал печально заглядывать в свою пустую мисочку, ринулся, стуча коготками, ко мне и в мгновение ока взобрался по штанине, где я его подхватил на ручки.

Королева смотрела на страшноватое чудовище, хоть и карликовое, с женской брезгливостью, что и понятно, если уж они не любят почему-то таких милых теплых и мягких существ, как мышки.

— Ты и эту тварь берешь с собой?

— Это не тварь, — сообщил я. — Это бывший царь природы... в каком-то меловом или триасовом периоде. Или в эре. Что это такое, не знаю, но слышал, мы все теперь наслышаны и навидены.

— Имя, — заметила она, — у него странное.

— Это не имя, — объяснил я. — Имя еще не придумал. Тираннозавр — его королевская порода! Потом отрастут крылья, и будет тираннозавр с крыльями, здорово?

Она поморщилась.

— Однажды сожжет тебе дом. А то и тебя вместе с ним. И улетит.

— Не улетит, — сказал я с неуверенностью, — а улетит... У нас все имеют право на самовыражение, достойную жизнь, избирать и быть избранным. Скоро и дель-

фины его получают, только вот еще не придумали, как урны для бюллетеней им таскать на морское дно, потому у нас президент еще не дельфин, у них же большинство, а всяк своего толкает...

Она вышла из дома по-королевски замедленно и величественно, что вообще-то правильно: успевает все увидеть, оценить и принять решение.

Глядя на нее, и я замедлил свой простонародный шаг и сошел с крыльца медленно и печально.

Мой старенький автомобиль не понимает жестов, иногда игнорирует даже ДУ, дескать, не прямо в его сторону направлен, потому я кнопку пульта прикрепляю на краешек воротника, а сейчас нащупал ее, не глядя, и велел негромко:

— К крыльцу.

Ворота гаража поднялись, мой «Инфинити» выкатился бодро, мигнул и, проехав два метра, остановился у крыльца, что почти рядом с гаражом.

— Двери, — сказал я злым голосом, туповатое у меня авто, могло бы распахнуть и раньше, беда с этими устаревшими моделями.

Автомобиль подумал и нехотя распахнул обе дверцы со стороны передних сидений. Этот дурак больше практически ничего и не умеет, как только распахивать двери, да еще сам паркуется, он вообще застал те дикие времена, когда и того делать не умели, это я потом апгрейдил, но дальше уже некуда, база не та.

Королева смотрела с бесстрастным, хоть и напряженным вниманием. Я подошел справа, жестом пригласил ее величество изволить приблизиться.

— Прошу вас, ваше величество... вот сюда... так... садитесь-садитесь. Кресло само отодвинется, здесь пол как

бы скользкий... и наклонится, оно умнее, чем некоторые люди... теперь позвольте застегнуть вам ремень...

— Уберите руки, — произнесла она брезгливо.

— Это ремень безопасности, — пояснил я. — Чтобы вы не. Вот смотрите, я тоже безопаснюсь...

Она внимательно смотрела, как я вытягиваю ремень и защелкиваю пряжку.

— Зачем?

— Если враг нападет, — пояснил я, — если темная сила нагрянет... это чтоб нас не выдернули отсюда. Внезапно!

Она проговорила с пониманием:

— Могут попытаться похитить?

— Да, — подтвердил я. — Есть у нас такие, похитисты. Пока сумеют перерезать ремень, вы им глазки повыцарпываете.

Она поморщилась.

— Я не царапаюсь.

— Да, — согласился я, — кусаться надежнее.

Она потащила на себя ремень, я протянул руку, чтобы помочь, она повторила брезгливо:

— Убери лапы. Я видела, как ты это делал.

Я тупо смотрел, как пристегнулась, хотя долго не могла защелкнуть, пока не догадалась выпустить замочек из ладони, а там он сам нашел гнездо и звучным щелчком доложил, что закрепился, все в порядке.

— Отлично, — сказал я с облегчением. — Ваше величество... держитесь... никакой паники, хорошо? Вы же королева, а не деревенская лошадь.

Я сел на свое место, ворота в заборе не отпрыгнули, а по старинке медленно и величаво отъехали, а когда мы пронеслись мимо, еще некоторое время соображали, прежде чем начать обратное движение.

Автомобиль медленно покати́л по широкой дороге, по обе стороны элeгантные коттеджи, за ажурными палисадниками плодовые деревья, кустарники, разгуливают фазаны и павлины.

На повороте еще больше сбросил скорость, в любой момент из калитки может выбежать ребенок и помчаться через дорогу.

Королева скосила на меня свои нечеловечески прозрачные глаза.

— А где твой меч?.. — прозвучал ее холодный голос. — Почему не в доспехах?

Поморщившись, я объяснил терпеливо:

— Ваше величество, чем власть крепче, тем меньше преступников. У нас демократия, это значит, никто и шагу не сделает без разрешения Короля Демонов. Король видит все, потому преступников уничтожает сразу, как только те берут ножи и выходят на улицу.

— Это правильно, — сообщила она.

Я покосился на ее напряженное лицо.

— Король короля всегда поддержит, ваше величество?..

Она ответила холодно:

— Уничтожать нужно только первое время. А когда народ увидит, что преступники уничтожаются всегда, даже самые отъявленные предпочтут рубить лес или пахать землю.

— Хорошо бы так, — вздохнул я. — А то всегда есть часть романтиков, уверены, что у них точно получится... С другой стороны, это единицы. В целом же преступность уничтожена, потому все без мечей и доспехов. Более того...

— Что?

— Выйти с мечом и в доспехах, — сказал я наизда-тельно, — это вызов! Король Демонов предпочитает управлять безоружным народом.

Она обронила:

— Вполне уместное желание.

— Почему?

— Если власть крепка, — объяснила она свысока, — она берет на себя полную защиту. И отвечает за безопасность своего народа. А если люди вынуждены защищать себя сами, это говорит о слабости государя. Это так просто, что поймут даже ваши мыши. И тебе, если натужишься, должно быть понятно... Или все еще нет?

Я сказал с сарказмом:

— А вот и непонятно. Закон все усиливается, власть Короля Демонов растет, но пока не станет абсолютной, мы должны иметь право носить оружие.

Она слегка поморщилась.

— Вы сперва друг друга перебьете. Без всяких преступников. Соседи убивают друг друга уже за то, что корова сломала забор или свинья пролезла в чужой огород и что-то там порыла...

Я промолчал, тоже права, и вообще жизнь какая-то непонятная, все правы и все не правы понемножку, справедливости нет, а есть только где ее больше, где меньше, нигде абсолютной правоты или абсолютной неправоты, чего так жаждется в нашем бунтарском возрасте.

На выезде шлагбаум, но авто лишь набрал скорость, зная, что нас увидели издали и уже дали команду открыть дорогу.

Дорога повела через поле с кустами деревьев, королева как вросла в кресло, пальцы на подлокотниках побелели, а когда по обе стороны замелькали толстые стволы, проговорила с трудом:

— Твоя повозка... никого не собьет?

— Она следит, — пояснил я, — как за дорогой, так и за теми, кто на обочине... Это еще ничего!

На выезде на шоссе мы вынеслись на скорости, королева произнесла деревянным голосом:

— Ты оставил того человека в своем доме?

— Это мой управляющий, — сообщил я небрежно, — приведет дом в порядок за время нашего отсутствия... Кстати, как вам удалось выйти из дома?

— Дверь оказалась закрыта, — сообщила она, — но на ту сторону дома еще одна, та меня выпустила... еще и что-то сказала, но я не поняла. А на эту сторону я прошла по веранде. Она у тебя очень красивая. Чувствуется, ты нанял лучших мастеров вашего королевства!

— Само собой, — буркнул я. Настроение испортилось, подзабыл, что есть еще и задняя дверь, которой вообще-то не пользуюсь, на задней части двора только бурьян по пояс. Нужно быть внимательнее, а то посмотрю и что-нить поважнее. — Но тут у нас одни... гм... олигархи. Вон какие домищи!

— Красивые, — согласилась она. — Только сами поместья мелкие.

— У нас урожайность высокая, — ответил я. — Потому и. И вообще!

Она скосила глаза, наблюдая, как я открываю бардачок и достаю оттуда темные очки.

— Что это?

— Защита для глаз, — пояснил я. — Ваше величество, вам стоит надеть сие. На лицо. В смысле, на глаза. Давайте покажу...

Она посмотрела в недоумении.

— Зачем?

— Во-первых, — ответил я, — спасение от солнца. У нас оно одно, вредит, как все три. Иначе вам придется шуриться, появятся морщинки, а это так важно, так важно, хотя и не понимаю, почему. Во-вторых, темные

очки носят, чтобы оставаться неузнанными. Короли, когда идут в народ, звезды кино или спорта, гангстеры, неверные мужья...

Она выдернула у меня из пальцев очки.

— Достаточно и «во-первых». Так?

Она обратила на меня требовательный взгляд.

— Получилось, — согласился я.

Она запнулась, засмотревшись на памятник слева у дороги, где на вздыбленном коне некий бронзовый полководец властно указывает вытянутой вперед дланью то ли на вражеские полчища, то ли на крепость, которую нужно взять, разграбить, женщин изнасиловать, а мужчин убить, но сейчас в той стороне только ухоженный парк с выложенными камнем дорожками под могучими липами, кленами и каштанами.

— Это кто?

Я пожал плечами.

— Не знаю.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Почему? Ты его не любишь? Вы с ним враждовали?

Я сказал раздраженно:

— Ваше величество, это седая древность!.. Где-то лет двести тому поставили, откуда мне знать, кто это? Можно с другой стороны зайти, там табличка с надписью.

Она покачала головой.

— Странно... вы так похожи.

— Да ну?

— Я бы сказала, — произнесла она задумчиво, — вы родственники.

Я с недоверием посмотрел на ее лицо, точно не шутит, хотел взглянуть на памятник, но уже проехали. В самом деле сотни раз проезжаю мимо, ну памятник и памятник, принимаю как данность, прибывшую из

прошлых веков, два или три века тому назад поставили, мужик в доспехах на коне, в голову не приходило всматриваться в лицо бронзового исполина. У мужчин не лицо главное, а чтобы под седлом боевой конь, а в руке длинный меч...

Глава 7

Я покосился на ее исполненное достоинства лицо. Даже в роскошном кресле автомобиля, откинувшись на спинку, сидит с таким выражением, словно принимает послов иностранных держав.

Правда, я уже присмотрелся, могу замечать тщательно скрываемое напряжение и звериную настороженность, однако воспитание не позволяет вскрикивать, отпрыгивать, демонстрировать неподобающие для королевы эмоции, в каком бы непривычном месте ни оказалась.

Не выезжая на шоссе, я сразу свернул на проселочную, идеально ровный асфальт, хотя всего две полосы, по обе стороны понеслись навстречу столбы.

Пальцы королевы на подлокотниках побелели еще сильнее, но что значит умение себя держать, успела заметить мой взгляд и тут же ослабила хватку, хотя, думаю, ей за это время не стало менее страшно.

— Ваше величество, — сказал я легко, — в этой повозке безопасно, уверяю вас и ваше величественное величество.

Она произнесла ровно:

— Скорость... не слишком?

— Повозка сама за нею следит, — сообщил я. — Не королевское это дело, как бы вот. Достаточно и того, что вожжи у моей особи. Да, вот это круглое — вожжи. Мода

у нас такая!.. Ибо век железный. У вас бронзовый, у нас железный.

Она обронила:

— У нас железный. Просто в нашем королевстве железной руды очень мало.

— Зато меди и олова с избытком? — спросил я. — Тогда нужно наладить взаимовыгодную торговлю. Хотя, конечно, хитрые короли постараются не дать вам доступа к стратегически важным ресурсам...

Слушая меня, она понемногу расслабилась, ничего не случается, повозка несется стремительно, но не трясет, словно катится по идеально ровному полу в зале королевских приемов.

Я спросил легко:

— Музыку?.. Какую?

Она посмотрела с недоверием:

— У тебя и здесь целый оркестр из демонов?

— Это мелкие демоны, — сообщил я. — Служивые. Они только играть и петь умеют. Ограниченные, как все люди этой профессии. Что-то повеселее? Или печальное?

Она покачала головой.

— Ничего.

— Может быть, — поинтересовался я, — марши? Королевские?

Она снова качнула.

— Это мешает думать... Хотя погоди. Королевские?

— Да, — сообщил я. — Есть «Боже, храни королеву», есть «Боже, храни царя», даже «Королевская застольная».

Она милостиво кивнула.

— На твой выбор. Кроме застольной, конечно.

— Только не рубите голову, — попросил я, — если не сумею угодить. У меня проблемы с классикой. Мне, как психически здоровому мужчине, главное, чтобы по-

громче!.. Врубаю «Королевская честь». Но если что не так, велите сменить. У нас демоны послушные, исполнительные, хоть и капризные.

Музыка пошла мощная, объемная, королева даже веки опустила, то ли вслушиваясь, то ли делая вид, что вслушивается, а сама тем временем строит какие-то козни, женщины все время этим занимаются во вред человечеству и людям.

Хотя, возможно, старается таким образом не сойти с ума от мелькающих по обе стороны дороги деревьев, хотя вообще-то ползем, мы же не на магистрали, я нарочито свернул в сторону от цивилизации.

Чемпионат мира по футболу в следующем году, это значит, сейчас вся страна живет подготовкой к этому величайшему событию в мировой истории человечества, с которым может соперничать разве что чемпионат по хоккею, в который теперь играют и афроамериканцы по всему афрочерному континенту.

Отец как-то рассказывал, что совсем недавно футбол смотрели только мужчины, но автоматизация труда высвобождает каждый день новые миллионы якобы работающих, потому сейчас даже хоть какую-то работу или ее видимость не удастся придумать, потому так стремительно растет единственная сфера труда: индустрия развлечений и спорта.

Все массы выброшенных на улицу надо чем-то занять, это римский плебс кричал «Хлеба и зрелищ», а сейчас все уволенные обеспечены хлебом с маслом на всю жизнь, также жильем, одеждой и сохранением жалованья, нужно только зрелищ, зрелищ побольше.

Так что подготовка к чемпионатам мира, будь это футбол или плевки на дальность, начинается за несколько лет, строятся особые стадионы и здания, проклады-

вают особо комфортные дороги и перебрасывают через реки мосты, а миллионы молоденьких девушек начинают отрабатывать особые прыжки и танцы, которыми будут забавлять публику в перерывах между соревнованиями.

Любой чемпионат, даже районного масштаба, привлекает любителей реальных зрелищ, а уж во время чемпионатов мира всяк забывает про пять-десять войн, что постоянно гремят на окраинах нашего цивилизованного мира, перемалывая дивизии и сравнивая с землей города, давая почти такое же по насыщенности адреналином зрелище.

Потому на дороге почти никого не встретили, кроме трех машин, что пронеслись на большой скорости, да еще одна обогнала, но вся черная, даже окон не видно, словно отлитый из одного куска металла болид, хотя, конечно, для следящих за дорогой камер нет тайн. Видят не только номер, но и кто внутри, тут же моментально сверяя их лица с картотекой разыскиваемых преступников.

После пяти минут асфальта автомобиль съехал на проселочную дорогу с нарочито оставленной глубоко вдавленной колеей, ямками и постоянным вилянием, чтобы объехать пень или колоду, это для любителей нетронутой природы.

Скорость пришлось сбросить до пятнадцати в час, но озеро уже видно издали. Я посмотрел по сторонам, дорога безлюдная и безавтомобильная, сказал негромко:

— Убрать верх.

Мягко шелкнуло, крыша автомобиля сложилась в гармошку и покорно уползла в небольшую щелочку, сверху радостно заблестало синее небо, а солнце опустило на затылок и плечи теплые ладони.

Озеро совсем дикое, с той стороны густой камыш и даже широкие листья неких растений, а с этой галька,

уходящая дальше в чистую прозрачную воду так, что видно и на большой глубине.

Конечно, я-то знаю, что месяц тому никакого озера не было и в помине, но кто-то сказал, что надо бы, и дизайнеры сдизайнерили скромненько и со вкусом. Даже с дороги, по которой завозили материалы, убрали асфальт и основательно поковыряли для естественности ямками.

Королева вышла без опаски, широко вдохнула чистый свежий воздух, хотя на самом деле в жилищах он еще чище и свежее, но женскую дурь и палкой не выбьешь, хотя вообще-то и мы, люди, такие же.

— Старомодное озеро, — объяснил я с гордостью. — По самым изысканным лекалам.

Она обратила на меня вопрошающий взгляд.

— Старомодное?

— Сейчас в тренде лягушки, — объяснил я. — Настало их время. Разводят, выставляют на конкурсы хорового пения. Бывают такие сложенные группы, что даже я балдею, как от сала... Вон там, слышите?

Она повернула голову, ясные глаза медленно устремили взор на скопище широких мясистых листьев кувшинок, где начали собираться лягушки, лягушонки и лягушищи. То одна, то другая негромко поквакивает, пробуя и прочищая голос перед совместной спевкой, усаживаются поудобнее.

— Станный у вас мир, — проговорила она.

— Оставайтесь, — предложил я, прекрасно зная, что откажется и почему откажется. — Ваше величество, вам понравится.

— Я нужна там, — ответила она ровно. — Без меня королевство ждут потрясения.

— Потрясения могут быть и хорошие, — заметил я.

Она покачала головой.

— Потрясение — плохо всегда. Ищи, как мне вернуться. Ты же мужчина! Ты должен.

— Да, конечно, — пообещал я. — Сперва думательный этап, это такое подготовительное мероприятие, потом прошупывание возможностей, а затем и завершающий этап. Пока что начинаю осторожненько переходить к первому. Медленно, чтобы не надорваться.

— Надо быстро, — сказала она отрывисто. — Могу не успеть.

— Неужели так плохо? — спросил я. — Мне кажется, большинство высших глердов вам преданы. Мяффнер, Иршир, Хоткингард...

Я запнулся, подыскивая имена, она смотрела с грустной иронией, хотя и по-прежнему свысока.

— И все?

— Просто я знаю очень немногих, — сказал я, защищаясь, — по крайней мере, Руперт Картер вам предан, а это немаловажно. Еще ваш человек Тархантер...

Она снова посмотрела свысока.

— Тархантер? Ты говоришь о герцоге Тархантере?

— Ну да, — сказал я. — Такому любителю охоты никакие потрясения не нужны. Присядьте вон сюда, ваше величество... Это покрывало, не пугайтесь, такое не совсем покрывалистое с виду, но это покрывало, накрывало и даже укрывало. Высокие технологии, в смысле, сложносоставное колдовство с примесью магии и волшебства...

Она посмотрела вроде бы с сомнением, или это мне только показалось, как я набросил на декоративное толстое бревно, что должно создавать иллюзию слияния с природой, тонкую кисею.

Кисея на глазах распухла в толстое покрывало толщиной с зимнее одеяло, а то и перину. Я ожидал, что королева на всякий случай для проверки потыкает паль-

цем, но не унизилась до такого простонародного жеста, для королевы подданные должны готовить самое лучшее и правильное, села спокойно и царственно, спина все такая же прямая и даже ровная.

Ящеренок, осмелев, начал слезать с моего плеча, задержался на коленке, на ходу опасно осматривается, мордочку поднял и жадно пронюхивает странные запахи чужого мира.

Я следил за ним, как он осторожно опустил переднюю лапу и щупает землю, а остальными тремя вцепился в штанину еще крепче.

Вдруг, я не успел крикнуть, прыгнул, ухватил в трех дюймах от моей ноги пробегающую жужелицу.

— Фу! — рявкнул я. — Плюнь!

Он повернул ко мне голову, в полураскрытой пасти торчат только задние ноги жука, сглотнул и посмотрел на меня с самым невинным и даже обиженным видом: тебе что, для меня и жука жалко?

— Дурачок, — сказал я с тревогой, — а вдруг наша еда для тебя закручена в другую сторону?

Королева посмотрела на ящеренка, на меня.

— Это... как?

Я отмахнулся.

— Не берите в голову, ваше величество. Человек не свинья, ест все, а животные — существа нежные, чуткие, отзывчивые... У него может быть несварение желудка.

Она наморщила нос.

— Не издохнет.

Я взял ящеренка на руки, почесал ногтем спинку, перевернул и погладил толстое белое пузо с нежной бархатистой кожей.

— Если все нормально, то... гм...

— Что?

— Тогда наши миры когда-то были одним, — сказал я. — Одним целым. Но случилась какая-то вселенская катастрофа... темная материя начала расслаиваться... или разделяться, как амеба... в общем, теперь два мира вместо одного.

Она рассеянным взором окинула озеро, в нем ничего нового, обычное средневековое озеро.

— Как, — перепросила она, — кто-кто?

— Амеба, — пояснил я, — это такое существо, каким мужчины хотят видеть женщину. По характеру. Хотя вообще-то вы такие и есть... Не вы, ваше величество, естественно! Вы — кремень. Да и какая женщина усидит на троне? Только с мужским характером, как пиво. Так вот моя гениальная идея объясняет многое... Даже все на свете, ибо она, скажу без ложной скромности, универсальна! Потому там и здесь люди, а не осьминоги или гигантопитеки.

— А как, — спросила она озадаченно, — одна земля могла разделиться на две? Кстати, разрешаю тебе сесть. Вот там, не ближе.

Я поклонился.

— Спасибо, ваше величество!.. Ах, как спасибо. Могли же велеть утопиться, вы же добрая.

Она покачала головой.

— Нет, сперва верни меня в мой мир. Но как наши миры могли быть одним?

Я воскликнул с укором:

— Ваше величество!.. Это уже частности, недостойные высокой мысли. В науке возможно все. Обосновывают только слабаки! Но мы видим, что, несмотря на космические расстояния, мы с вами все еще похожи!

Она в задумчивости провела ладонью по щеке, словно проверяя, в самом ли деле у нее такая же щетина, как у меня.

— Ладно, давай подумаем лучше о моем возвращении. В королевстве неспокойно. Тархантер не только тебя обманул, что ни о чем другом не думает, кроме как об охоте!.. Многие и в столице так думают.

Глава 8

— Сперва поедим, — сообщил я. — Когда выезжают на природу, сразу начинают есть. Как в поезде!.. Делать же больше нечего, потому едят и пьют... Вот и мы тоже. Не люди, что ли? Да и вы так ближе к народу в моем простоватом лице.

Она поморщилась, но не сказала ни слова, а я растелил на траве немнущуюся скатерть из полиграфена, роскошно пушистую, невесомую, что укрыла траву и неровности почвы, образовав почти идеально ровную столешницу.

Когда вытаскивал из багажника складной мангал, королева вскрикнула:

— Демон!.. Сверху!

Я дернулся, шарахнулся затылком о крышку багажника. Королева указывает в небо, я не успел всмотреться, она сказала быстро:

— Сейчас нападет!.. Отбиться сумеешь?

Я всмотрелся, дрон стремительно идет со стороны солнца, не сразу и рассмотришь, через минуту завис над нами и опустил на траву рядом с автомобилем.

Королева не двигается, я же самец, должен драться, а я, щупая шишку на затылке, шагнул к дрону, поднял крышку квадратного туловища.

— Ага, — сказал я, — все верно... шампанское, десять пирожных, мороженое трех видов, мясо для шашлыков...

вроде бы не совсем верно замоченное в белом вине?.. Ладно, это я придиричив, потому что эстет, у меня же вкусы...

Вытащив все, нажал кнопку «Заказ принят», вернул крышку на место. Дрон моментально приподнялся на суставчатых ногах, подпрыгнул и унесся в небо уже по крутой дуге.

Королева, стараясь делать это незаметно, перевела дух.

— Говоришь, — произнесла она с сомнением, — демоны завоевали ваш мир?

— Еще как, — подтвердил я. — Думаете, прислуживают?.. Взамен мы отдали свои бессмертные души! И почти прекратили размножаться, а ведь Творец нашего мира дал нам заповеди, где первая и самая главная гласила: плодитесь и размножайтесь... Ваше величество, можете пересесть сюда. Эта скатерть растягивается на несколько метров, это у нас ярды такие, только побольше.

Она смотрела, как я сел на краю, оставив еду в центре, подумала и, подойдя с другой стороны, села просто и по-женски грациозно, хотя и с должным величием и строгостью в лице.

И тут же сказала ровным голосом, но с затаенной горечью:

— Умеет прикинуться, умеет... И все ему верят!

— Чему, — спросил я, — что он завалил Финнегана? Тьфу, кабана, похожего на Финнегана?

— Что он охотник, — ответила она скупой.

— А он... не...

— Герцог Тархантер, — произнесла она жестко, — ненавидит охоту. А прикидывается охотником... сам догадайся, ты же смысленный... как недавно показалось. Или мне только показалось?

Я в изумлении отшатнулся.

— Зачем? Какой толк?

Она объяснила с явным презрением на лице, так объясняют только самым тупым:

— Если человек страстно увлечен охотой, от него не ждут захвата власти.

— Логично, — ответил я. — Он уже нашел свои радости.

— Он это и создает, — отрезала она. — Это... впечатление! Чтоб все так думали. Род Тархантера владеет несметными лесами, все его предки были заядлыми охотниками, замок весь в трофеях, потому ему легко делать вид, что и он тоже... все от него этого ждут, на самом деле уже несколько лет копает под законную власть...

— Под ваш трон? — уточнил я ядовито.

— Мой трон получен законно, — отрезала она. — Я дочь королевы. Или ты вообще против женщин на троне?

Я протестующе выставил ладони.

— Нет-нет, что вы, ваше величество! У нас была женщина, ее правление так и называли «золотым веком». И не только в нашем королевстве. А что герцог Хоткинггард?

Она вздохнула.

— Это еще та сволочь. У него нет прав на трон, как у Тархантера, но есть сильный характер, изворотливый ум и умение пользоваться человеческими слабостями.

— А Тархантер не умеет?

— Тархантер, — сказала она, — обожает говорить о себе, а Хоткинггард умеет говорить о собеседнике. А еще постоянно льстит, тем нравится, так что Хоткинггард создает себе репутацию умного и понимающего человека.

— А он понимает только, — сказал я, — как их дергать за ниточки? Мне он тоже не понравился... Ого, узнаю этот взгляд. Как это я осмеливаюсь обсуждать глердов?

Вы же такие благородные... Не то, что мы, серые и безответные.

Он ожгла меня таким взглядом, что даже мурашки пробежали по телу огромной злой стаей.

— Не прикидывайся.

— Я?

— Ты, — отрезала она. — Думаешь, не понимаю?

— Что?

— У простолюдина, — заявила она, — не может быть такой власти над могущественными демонами!

Я отмахнулся с мужской скромностью, что паче гордыни.

— Да какие могущественные... Так, мелочь. Сбегай, принеси, подай, подотри... Я ж говорю, мы отдали души. Хотя многим зачем они? Только жить мешают.

Она зевнула, оглянулась на автомобиль.

— Я бы лучше посмотрела в те волшебные зеркала... Или здесь это нельзя?

Я изумился:

— Почему нельзя? Все можно!.. Я думал, природа будет интереснее вашему величеству.

Она взглянула в недоумении.

— Природа? Почему?

— Все мы, — пояснил я, — выезжая на природу, стараемся забыть про опостылевшую цивилизацию. Хотя я просто забыл, у вас этой природы хоть... в общем, много. Хорошо, подождите минутку, я щас как бы прям расшибусь в коровью лепешку для вашего величества, но все устрою.

В машине у меня, как у всякого, есть и планшет. Королева молча смотрела, как принес и раздвигаю перед ней, пока не щелкнуло, предел, значит, у меня старая модель, шире пятидесяти дюймов не получается, но ко-

ролева впечатлена, хоть и по-королевски не показывает вида.

— Вот тут выбираем каналы, — сказал я, — но вам это рановато... Даже и не знаю, что предложить... Новости хайтека, загадки темных звезд, темная материя... а, вот это подойдет!..

Она в недоумении всматривалась в буйство красок, я включил как раз показы мод, они теперь идут раз в неделю, а зрителей набирается больше, чем на чемпионаты мира по боксу.

Сейчас время такое, хорошее, когда одеты все кто как, пришла эпоха, которую одни называют безмодьем, другие всемодьем, теперь можно встретить на улицах не только готов и панков, но даже римских патрициев или амазонок в тигровых шкурах. Одно время экстремалы пытались ходить вообще голыми, но даже в самых толерантных обществах возмутились, хотя не за мораль, кто с нею считается, а за то, что разносят свои бациллы, потому гениталии и даже сиськи закрывать обязательно, а кто нарушает, с того за первую попытку сдирают крупный штраф, а со второго раза отправляют в места, где такие же живут своим обществом на обнесенном высоким забором пространстве.

Выйди королева на улицу, на нее будут поглядывать с интересом, но не за ее богатый наряд, а из-за надменной красоты, тут уж признаю, в самом деле королева, как по внешности, так и по манере держаться.

Она произнесла холодно:

— Не понимаю... Почему все так... слишком?

Я всмотрелся, как она смотрит на экран, показалось вдруг, что вот так взять и понять, судя по ее лицу, ничего не может. Мне даже почудилось, что для нее на экране только чередование светлых и темных пятен, как для собак и кошек, однако же она, как оказалось, узнает лица

на экране, однако не улавливает смысла не то что фильмов, но даже простого репортажа.

Оказывается, наше умение воспринимать быстрые смены общего плана и крупного — это не врожденное, а воспитываемое долго с детства, воспитываемого незаметно, как вот еще совсем недавно дети принимали мобильники и компы как должное, а люди старшего поколения и мобильниками пользовались с опаской, и компов чурались.

— Давайте, — сказал я, — покажу что-нить попроще...

— Не королевское? — осведомилась она надменно. — А не унизит ли это мое достоинство?

— Ну, скажем, виды природы, — сказал я. — Как они могут оскорбить?.. Жвачник! Найти мою папку с видами природы. На экран с интервалом в секунду... нет, две... пусть даже пять секунд!

— Принято, — ответило с экрана. — Папка с файлами природы...

Королева вздохнула с облегчением, когда появился статический кадр, великолепный лес с картинными деревьями, проселочная дорога, синее небо...

Лес уступил место красочному водопаду, что широкой струей ниспадает с большой высоты в небольшой бассейн внизу, небо такое же синее, подсвеченные заходящим солнцем скалы...

— Нравится? — спросил я.

— Очень красиво, — ответила она, забыв поблагодарить, но все верно, королевы слуг не благодарят. — Да, красиво...

Я отошел в сторону, чтобы не мешать, сел и, растянув мобильник в стороны на десять дюймов, принялся выискивать в инете хоть какие-то зацепки, хоть намек на то, как выкрутиться и как-то да вернуть ее в свой мир.

Пусть и дальше королевствует, не мое дело вмешиваться в сбалансированные экосистемы, где одно завязано на другое, а то на третье. Я никогда в жизни не совал палку в муравейник, не разорял птичьих гнезд, потому правильным вернуть эту змею...

Королева повернула голову в мою сторону.

— Ты что-то сказал?

Я буркнул:

— Я сказал вслух?.. Ну да, это мудрые мысли рвутся наружу из моей широко зажатой души. Все думаю, как вернуть ваше величество в ваш мурашник. Вы же там вроде матки у муравьев, без вас все нарушится! А пока выберут новую, будут мятежи, восстания, баронская фронда и непомерные требования вольностей...

Она смотрела исподлобья, процедила сквозь зубы:

— Ничего не поняла. Вроде бы говоришь, как человек, и слова знакомые, но смысла в них нет.

— Это я к тому, — пояснил я, — чтобы вы не сомневались в моей жажде вернуть вас. В самом деле. Всеми фибрами.

Она сказала с готовностью:

— Я готова.

— Только как? — спросил я раздраженно.

— Ты мужчина, — напомнила она мне то, что я вроде бы и сам знаю, но она точно имеет в виду что-то другое... ах да, что мужчина обязан бдить и защищать женщин. Нет уж, да здравствует демократия с ее равноправием, сраной толерантностью и политкорректностью, что делает жизнь все-таки хоть и стыдной, но легкой и приятной.

— Понял, — ответил я угрюмо. — Работаю над этой проблемой, ваше величество!

— Трудись, — разрешила она величаво, — будешь поощрен.

— Спасибо, ваше величество, — ответил я. — Спасибо, что не вдадили!

Она снова повернулась к экрану, а я погуглил насчет трансформации материи, перехода материи во время и обратно в пространство, такая интересная хрень, голова кругом, кто-то ж выдает такое на-гора, еще и деньги получает, сказал бы еще, как применить в реальности, не прячась за терминами вроде супермегаблинлазера...

С того края озера в нашу сторону повернули двое лебедей, белоснежные красавцы с королевскими осанками, царственно неподвижные, гордые, не плывут, а скользят по водной глади, совершенно не прилагая усилий, хотя, конечно, там внизу всюю работают красными лапами с перепонками.

Королева даже не обратила на них внимания, подумаешь, лебеди, это дело крестьян их бить, потрошить, ощипывать и привозить на королевскую кухню, чтобы так подали для королевского стола.

Я пробормотал:

— Если их не кормить, издохнут?.. Они ж сами уже давно разучились корм искать...

Королева посмотрела на меня в недоумении, а я, положив раздвинутый смартфон на траву, сходил к автомобилю и вернулся с пакетом еды.

— Придется кормить, — сказал я со вздохом. — Ваше величество, не изволите вместе с лебедями? Они такие красивые... Пока не вылезают на берег, конечно.

Она посмотрела на меня с неприязнью.

— Нет, — ответила хрустально-чистым голосом, — не изволю.

И снова повернулась к экрану, я слегка дернулся, снова моя неряшливость: в папку с видами красивейших мест природы попали и фотки старинных замков, маяков и даже снимки кинозвезд и фотомоделей.

Оставив у самого края воды саморазрушающуюся коробку с едой, я шагнул к королеве, намереваясь предложить посмотреть что-то еще, косплей какой-нибудь или кошечек, но она сама повернулась в мою сторону.

— Почему, — произнесла с холодным недоумением, — у этих женщин такой цвет лица?

Я не сразу сообразил, что имеет в виду, ответил с таким же недоумением:

— Загорели. Под солнцем. Разве не видно?

— Видно, — ответила она высокомерно, — но почему одни простолюдинки? А в каких дворцах живут люди благородного происхождения?

— Это и есть благородные, — ответил я хмуро. — Благороднее не бывает.

Она сказала с достоинством и по-женски педантично:

— Женщина благородного происхождения и правильного воспитания поведения не должна позволять лучам солнца попадать на лицо.

— Почему?

Она объяснила холодно:

— Будет похожа на простолюдинку в поле!.. Или служанку. А это недопустимо.

— Ах да, — сказал я саркастически, — у вас же благородство можно увидеть только по загару, есть он или нет, а так все свиньи свиньями! А у нас благородство выказывают манерами, умением себя вести, держаться в обществе, не хамить, не тыкать своим происхождением... потому что оно ничего не значит, как будто у благородных людей не могут родиться дети-подонки!

Она нахмурилась, я видел, как борется, готовая возразить, но удержали от спора то ли страх, то ли женская хитрость, не знаю, не до того, голова пухнет от диких идей, как вернуть эту дуру в ее дурное королевство и забыть этот кошмар.

— А почему вот эти женщины легкого поведения, — проговорила она, — все голые или почти голые?

— Там пляж, — объяснил я. — Вон река, видите, ваше величество? В одежде не купаются. И утонуть можно, и плавать неудобно. А самое главное, конечно, на пляже вся на виду, и сразу видно, прямая у нее спина или горбатая, отвисает живот или подвязала шарфом, есть на коже отвратительные пятна или нет...

Она вспыхнула.

— Ты хочешь сказать, у нас женщины уродливые?

— Хочу сказать, — ответил я дипломатично, — даже сказал, что у вас уродливых не отличишь от красивых!.. У вас все скрыто! И кто женится, тот покупает кота в мешке! Разве это честно?

Она поморщилась.

— У нас достойные женщины. А здесь только легкого и очень легкого поведения. Общедоступные, верно?

— Верно, — согласился я.

— А почему они все так любят показываться... я правильно сказала?.. лежа?

— А вашему величеству догадаться трудно? — спросил я с издевкой. — Полагают, что так выглядят... интереснее. Когда лежа, как понимаете, грудь не свисает, а чтоб не слишком сдвинулась в стороны, как бывает с очень крупной и основательно размятой, можно как бы невзначай придержать локтями, а то и откровенно ладонями.

Она снова осмотрела слайды очень внимательно.

— А что, вот так особенно интересны?

Я пожал плечами.

— Эти дуры полагают, что да, очень даже. Ну, вы же знаете, ваше величество, женщины все дуры. Если что в голову одной взбредет, другие тут же переймут и сделают

вид, что сами додумались. Потому все такие одинаковые, как из инкубатора.

Она брезгливо передернула плечами.

— Как хорошо, что я не женщина!

— Вообще-то у женщин набор поз очень невелик, — сообщил я. — Это особенно видно, когда запустишь вот такое слайд-шоу. Не больше четырех-пяти, а каждая дает небольшие корреляции в количестве двух-трех штук. Но основных все-таки четыре-пять. Может быть, даже меньше.

— А почему многие прижимают к груди пушистые игрушки?

— Косят под малолеток, — объяснил я. — Многие из мужчин предпочитают помоложе, еще моложе, а иные так и вовсе цапают несовершеннолетних. Эти, что с мишками, рассчитывают на педофилов, что наравне с инцестом и скотоложством было признано расширенной нормой гуманного и демократического общества.

— А чего вон та закусила ожерелье? — не унималась она. — Это же некрасиво — брать его в рот!

— Зато можно показать зубки, — возразил я. — Вон, дескать, какие, белые и ровные, как жемчужинки в ожерелье!.. Заодно и губы, а еще и рот приоткроет, влажный и зовущий...

Она пробормотала в недоумении:

— А рот зачем?

Я взглянул на ее средневековое лицо, замялся.

— Да так... дуры просто. У дур всегда рот приоткрыт. Потому и пользуются спросом. Ваше величество, у вас на свежем воздухе аппетит еще не разыгрался?.. Сейчас шашлычки будут готовы.

Она вскинула брови, в голосе прозвучала настороженность:

— Что это?

— Куски мяса на прутиках, — объяснил я, — жарятся на угольях. Как у дикарей и принято!.. Хочу вас чем-то родным обрадовать.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Здесь нет ни мяса, ни дров...

— Не беспокойтесь, ваше величество, — сказал я бодро. — Все будет! Вы пока досматривайте слайд-шоу, а я тут мигом...

Глава 9

Она в самом деле повернулась к экрану, а я вытащил из багажника древесный уголь, у меня полмешка осталось с прошлого раза, в субботу собирались с братвой оттянуться тут же на озере...

Наверное, простого человека слишком быстро тащим в хайтековское будущее. Чем технологичнее работа и квартира, тем с большей охотой выбирают вот так «на природу», мечтают жить в лесу в шалаше, в отпуск едут в самые дикие места, на байдарках спускаются по опасным горным речушкам...

Для самого массового бегства в приятную дикость существуют эти выезды на шашлыки. Я потыкал в экран мобильного, экран сразу показал спрятанные в кустах мангалы и шашлычницы с набором шампуров, это для дикарей, что вообще приходят пешком, но у меня все в багажнике, а вытащить и разложить до нормальных размеров занимает пару минут.

Она поглядывала иногда, как я из крохотной коробочки сделал большую, вытянул суставчатые ножки и установил ящик мангала на комфортной высоте, чтобы готовить, не нагибая спину.

Едва насыпал древесный уголь, он вспыхнул сам, в мангале чувствительное дно из особого сплава. Нанизав мясо с дольками лука, я повернулся к королеве, дальше пойдет само, шампуры будут проворачиваться, а нагрев отрубится, когда мясо будет готово.

Королева при всей ее величественности... или величавости, надменности и высокомерии, все сильнее выдает в себе женскую основу, что невозможно увидеть в ее мире.

Там все знакомо, а здесь, в непонятном и страшноватом мире, в первую очередь замечает женщин, и в первую очередь ненавидит их.

По ее лицу всякий раз пробегало выражение неудовольствия, когда появлялась очередная кинозвезда или фотомоделль, а при виде красоток на пляже или в спальне вообще вздрагивала и кривилась.

— Ваше величество, — сказал я, — в чужой монастырь не ходят со своим уставом. Уверен, в королевствах Гельмия, Пиксия, Дронтарий или еще в каких-то женщины одеваются как-то иначе, чем в королевстве Нижних Долин.

— Нигде не ходят обнаженными! — возразила она. — Даже в самых-самых борделях!

— А у нас весь мир бордель, — сообщил я. — И слово «распутная женщина» вычеркнуто, так как все женщины стали распутными, это стало нормой, и принято считать, что это хорошо. Даже те, кто с этим боролся, согласились, что да, вообще-то хорошо и так удобно, так удобно...

За спиной послышался шорох. Я оглянулся, лебеди выбрались на берег и, тяжело ступая широкими лягушачьими лапами, двинулись к нам, тяжело переваливаясь с боку на бок, словно перегруженные грузовики на узких колесах.

— Прожоры, — сказал я. — Ладно, сейчас дам еще...

Лебеди прекрасны только в воде, а когда выходят на берег, то самые толстожопые гуси рядом с ними кажутся верхом изящества и грации, но мы толерантны от природы, любим не только красивых детей, уродливых ласкаем даже больше, так что достал последний бутерброд и сунул самцу в пасть.

— На!.. И королеве своей дай.

Лебедь грузно повернулся к нам мокрым толстым задом со слипшимися перьями, лебедиха пошла рядом, а уже у самой воды он выронил бутерброд, и они принялись расклевывать добычу.

Королева сказала ровным голосом:

— Демоны не истребили эту красоту?

— Демонам красота по фигу, — сообщил я.

— А что им нужно?

— Рациональность. Правильность. Торжество закона... Да много чего, но это неважно...

— А что важно?

Я потянул ноздрями.

— Важно то, что шашлычками уже пахнет... Еще пара минут, и можно начинать жрать. Если, конечно, ваше величество не предпочитает с кровью, а то в наших религиозных запретах нельзя с кровью, там проходит граница между людьми дикими и цивилизованными...

Шампуры не отличишь от деревянных прутьев, кое-где даже кора как бы не содрана, это для любителей дикости и естественности, но мне важнее то, что остывают мгновенно, не обожжешься.

Я с преувеличенно почтительнейшим поклоном передал первый шампур с ломтиками жареного мяса королеве, у женщин отсутствует чувство юмора, во всяком случае у высокопоставленных, она приняла как должное

и мой поклон, и все мои ужимки, мне даже стало почти неловко, я снял другой как бы прут и сел на бревно, но на самый дальний конец.

Она ела неспешно, ухитряясь даже процесс пожирания мяса делать с королевским достоинством, взгляд не отрывался от экрана, где сменяются кадры красоток, останавливаясь с каждой на пять секунд.

— Женщины предпочитают, — пояснил я, посмотрел на нее и поспешно уточнил: — Женщины нашего мира предпочитают смотреть на мужчин снизу вверх. Так удобнее, тем самым внушают им мысль быть увереннее, ведь они сильнее, они хозяева жизни, ну же, не трусь, ты же видишь, я уже лежу и смотрю на тебя с пугливым ожиданием...

Она поморщилась.

— Это отвратительно! Неважно, кто сильнее, но выказывать это нельзя... так откровенно.

Я посмотрел на нее с удивленным уважением.

— Ох... ваше величество, а ведь это основа политкорректности! Кто бы подумал, что ее корни идут из такой мохнатой и дикой древности... Вот так и узнаешь порочащие наше общество сведения... Простите, забыл предложить вам вина, это просто преступление с моей стороны. Скажу в оправдание, что в нашем мире идет такая мощная пропаганда здорового образа жизни, что вот эта штучка на моем запястье подсчитывает, сколько я выпил и съел, и тут же ябедничает Главному Демону... ну, не самому главному, но все-таки крупному, а тот набрасывает штрафные баллы... Увы, демоны следят, следят за каждым.

Она кивнула на экран.

— А не развратных женщин у вас нет?

— Только в колыбели, — сообщил я. — А эти вот взрослые, гм... Видите, поза выбирается в зависимости от

того, у кого что круче. У кого сиськи большие, те ложатся вот так, смотрите на эту, а у кого мелковаты, зато жопа большая и оттопыренная, то обязательно этим местом кверху и смотрят вот как эта, видите, ваше величество?

Она посмотрела, ее передернуло в сильнейшем омерзении.

— Отвратительно!.. Как можно так унижать женщину?

— Это их право, — возразил я, — и желание! Они уверены, как уже и мы, что ничего в этом унижительного нет, а совсем напротив... Как только слово «сексуальная» перестало быть ругательством и оскорблением, а без всякого перехода стало комплиментом, то все женщины, как можно догадаться, тут же...

Она вздрогнула.

— Прекрати!.. Ты что-нибудь придумал, как мне вернуться?

— Думаю, — ответил я. — У меня голова такая, что все время думаю. Даже в неподходящие моменты.

— И что придумал?

— Что надо придумать, — заверил я. — А это уже половина успеха! Даже больше. Все-таки раньше варианты были насчет психушки, утопить в ванной, закопать в саду, скормить опарышам... Шучу-шучу, ваше величество! Сейчас в нашем сытом и благополучном мире в тренде черный и даже чернящий юмор. Как бы для равновесия. Сейчас даже светлые в виртуале сражаются за Темных Властелинов! Переели сладкого, так хочется дерьма глотнуть...

Она поморщилась, перестала жевать и хотела опустить шампур с оставшимися ломтиками мяса, но я вскрикнул в раскаянии:

— Ваше величество, простите, занесло на повороте! Кто же не любит быструю... ага, езду, потому и слу-

чается!.. Позвольте капну соусом... Просто чудо, а не соус...

Она величественно позволила, я капнул пахучей жидкостью на каждый из ломтиков, аромат обалденный, смотрел, как она так же царственно и с достоинством ест, кто бы мог подумать, что и это можно проделывать так грациозно и по-королевски.

— Все равно, — произнесла она. — Я могу постараться представить себе жизнь в вашем королевстве, у королей должны быть широкие взгляды и огромная терпимость, но что-то в ваших женщинах глубоко неправильное.

Я пожал плечами.

— Одни просто рассчитывают на завлекательность своего юного женского тела, другие умело выставляют самые лакомые места, а самые хитрые и опытные еще и пускаются на разные трюки: то в коробке из-под пищи сфоткаются, то детское платьице наденут... Роль обиженной девочки самое то! В вашем мире, ваше величество, такую тут же бросились бы все защищать...

— А в твоём?

Я вздохнул.

— В моем жестоком мире, признаю, нам себя бы защитить. Потому женщины вынуждены защищать себя сами, воевать сами, работать сами, чтобы обеспечить себя и детей...

Она воскликнула с презрением:

— У вас мужчины такие ничтожные?

— Ну-у-у, — возразил я, — это на первый взгляд. Правда, на второй тоже. И на все остальные. Просто жизнь так усложнилась, что мужчины уже не в состоянии все тянуть на себе. Сперва начали перекладывать на женщин ту работу, что попроще, затем более сложную... наконец, уравнили их во всех правах, а потом и

обязанностях, с мужчинами. Это не от хорошей жизни, вы правы... хоть и не правы.

Она напомнила холодно:

— Я королева! Значит, права всегда.

Я поколебался, спросил остороженько:

— Ваше величество, а как насчет обращаться к вам по имени... если мы окажемся не одни? Мне бы хотелось сохранить ваш титул в тайне. А вам?

Она повела в мою сторону грозными очами.

— Почему вдруг?

— Короли, — сказал я, — это такая редкость, что могут... ну, к примеру, захватить вас в плен, а там обижать и мучить, требуя выкупа. А какой я выкуп могу?.. А то, что смогу, вас так обидит, что и выкупаться не возжелаете, у вас же и гордость должна быть королевская? А до вашего королевства за выкупом не дотянуться...

Я промолчал, что в ее королевстве могут и не дать выкупа, если требование попадет к заговорщикам. Только обрадуются, что королева сама попала в какую-то ловушку.

Судя по ее помрачневшему лицу, о таком подумала тоже, подняла на меня тяжелый, как горный хребет, взгляд.

Выждав минуту, так королевское достоинство смотрится выше и значительнее, произнесла холодно:

— Только в случае самой крайней необходимости. В виде исключения... как здесь принято, чтобы не стать слишком заметными... но только при посторонних!

— Ваше величество, — сказал я терпеливо, — в моем предполагаемом обращении по имени нет ничего оскорбительного или унижающего вас. Также нет и намека на попытку сближения. Скажу откровенно, я лучше начну флиртовать с гремучей змеей, чем с вами.

Она вскинула подбородок и ожгла меня взглядом. Не знаю, как это получается: лопать шашлыки и оставаться такой величественно-надменной, но королеве это удается легко и естественно.

— Продолжай.

— Насчет гремучей змеи, — сказал я смиренно, — это не я придумал. В вашем дворце услышал от ваших придворных. Хотя там вас сравнивали, как мне кажется, с коброй. А еще один из высших глердов назвал вас Царицей Змей... Все, как ни странно, согласились. Единодушие у ваших придворных. Монолитные, надо признать, ваши сторонники.

Она процедила сквозь зубы:

— А не вижу в этом оскорбления.

— Правда?

Она произнесла высокомерно, держа шампур за кончики обеими руками:

— В гербе нашего рода змея в самом центре. По легенде, в глубокой древности люди жили рядом с племенем змеев. Потом среди них появилась мудрая и могучая царица, что объединила оба народа и создала первое на земле королевство.

— Мудрая была гадюка, — согласился я. — То-то вижу фамильное сходство.

Я взглянул на запястье, рекламный ролик тут же исчез, и высветилось время с точностью до секунды, остальные знаки я велел убрать еще при настройке, ну прям жить не могу без тысячных и миллионных долей вплоть до фемтосекунд.

— Ваше величество, — сказал я, — можно возвращаться.

Она поинтересовалась:

— Тебе сообщили?

— Еще нет, но...

Я переключил на номер работника социальной службы, на экране сразу же появилось его довольное лицо.

— Все готово, — заверил он. — Еще час назад!

— А что ж не сообщили?

Он хитро улыбнулся.

— Вы уехали с такой бесподобной женщиной, просто королевой... Как я мог прервать... гм... нарушить?

— Ну спасибо, — сказал я.

— Работаем все быстрее и лучше, — заверил он. — Возвращайтесь, вас ждет сюрприз.

— Спасибо, — ответил я сдержанно. — Через пятнадцать минут будем на месте.

Королева искоса наблюдала за нашим разговором, а когда я повернулся к ней и вежливо поклонился, молча поднялась и, не отряхивая платья, на это есть фрейлины, направилась к автомобилю.

Я крикнул поспешно:

— Двери!

Глава 10

Обе передние распахнулись вовремя, чтобы королева не ударилась лицом, а она неспешно села на сиденье справа, нащупала ремень и пристегнулась уже вдвое быстрее, чем в прошлый раз. Просто удивительная женщина с огромным самообладанием и все моментально схватывающая, это что за жизнь, никогда не расслабляться, никогда не позволить себе побыть просто душой... Наверное, никогда и вина не пьет. По крайней мере, крепкого, чтобы как-то ненароком не уронить королевское достоинство.

Я принес и бросил в багажник мангал и все причиндалы, а когда вернулся к своему сиденью, навигатор робко вякнул трусливым женским голоском:

— Есть еще один маршрут обратно, но чуть длиннее...

— На фига он нужен? — буркнул я.

— Зато асфальт, — пискнул навигатор. — Прямо от озера...

— Как, — ответил я, — минуя романтику проселочной?.. Да конечно, езжай, это я пошутил. Шуток не понимаешь? А еще облачный сервис. Учат вас, учат, интеллект обещают, за что налоги платим...

И хотя налоги никакие не плачу, что с безработного взять, но я ощутил себя значимее, а навигатор стыдливо умолк.

Королева сидит с каменным лицом, хотя милый женский голосок незримого демона заставил вздрогнуть, но в кресле не сдвинулась, только чуть повела глазами в мою сторону.

Автомобиль поспешно объехал озеро по периметру, там в двадцати шагах от воды уже идеальный асфальт, и бодро понесся на приличной скорости.

Попался только один перекресток со старомодным светофором, да и тот поспешно включил красный, чтобы показать нам, кто здесь хозяин.

Автомобиль остановился сам по себе, даже в старинные авто встроена эта простейшая прога, не позволяющая переть на красный.

Королева сперва смотрела вперед, потом в недоумении покосилась на меня.

— Мы не джигиты, — пояснил я со вздохом. — Сейчас загорится зеленый...

Рядом с визгом тормозов резко остановился, качнулся и застыл на месте блестящий архэйдж настоящего пламенного цвета, стремительный и с открытым верхом.

Две молодые женщины хохочут, что-то рассказывая друг другу, весело блестя глазами и белыми зубками. Та, что не за рулем, повернулась в нашу сторону, мгновенно оценила нас и особенно надувшуюся королеву.

— Парниша!.. — крикнула она задорно. — А у меня сиськи больше, чем у твоей!.. Смотри!

Она задрала маечку до самого горла. Обе груди в самом деле полные, крупные, налитые той горячей тяжестью, которая так хорошо ложится в наши жадно подставленные ладони.

Я показал большой палец и завистливо вздохнул. Вспыхнул зеленый свет, их машина рванулась и помчалась, набирая скорость быстрее нашей.

Королева застыла рядом на сиденье так, что не сдвигается ни на миллиметр даже при резком торможении или мгновенном наборе скорости.

Я подал машину в левый ряд, где тут же по закону подлости сразу же затормозилась, а по соседнему пошла обгонять даже всякая мелкота.

Я вздохнул с досадой и начал прикидывать, стоит ли вернуться ближе к середине шоссе или же ждать, пока здесь рассосется.

Наконец она проговорила чужим голосом:

— Это почему... она...

— Затор? — спросил я. — Либо дорогу ремонтируют впереди, потому сужение, либо один дурак цапнул другого, и теперь два дебила перегородили три полосы, выясняют, кто кому будет платить...

— Нет, — прервала она, — почему та женщина... или то была демонесса?

— Показала сиськи? — догадался я. — Ну, если такие классные, то почему не похвастаться?.. У демонесс они тоже бывают весьма...

— Но... как такое можно?

— Простая шутка, — объяснил я. — Ничего серьезно-го. Подразнили и умчались две горячие штучки. Обыч-ное подростковое озорство.

— Они не подростки! Это зрелые женщины!

— И что? — удивился я. — Взрослые тоже шутят.

— Но не так же!

Я посмотрел на ее злое и даже гневное лицо.

— Ваше величество, оцените мою кротость. Я мог бы посоветовать вам засунуть свои высокие нравы себе в анус, это в задницу, чтобы понятнее и доступнее. В жопу, как говорят в королевстве Нижних Долин. Но я благород-ден и учтив, изю всех сил терплю ваше наглое вторжение со своим уставом в наш монастырь, заметили?..

Она произнесла надменно:

— Я королева! А короли вне правил.

— Хорошо сказано, — сказал я с сарказмом. — По-тому и свергают вас! Вы сами рождаете бунты и мятежи. А то и восстания. Но здесь не там, ваше величество! Мы здесь весьма тут и здесь, и вы зависите от того... как долго смогу спасти вас от здешних демонов.

Она произнесла с прежней надменностью:

— Но я королева.

— Не моя...

— ...и женщина, — закончила она.

Я сказал победно:

— А у нас, как уже сказал, равноправие полов. Жен-щины сами дерутся за себя!

— У вас настолько ничтожные мужчины?

Я поморщился.

— Ну-у-у... это как посмотреть. Когда жизнь — борь-ба, оружие берут в руки и женщины. У нас жизнь, как в сказке, чем дальше — тем страшнее. Потому у меня нет в крови древнего поклонения перед слабостью жен-щины. И нет врожденного инстинкта защищать... Ваше

величество, я не призываю вас принять наши законы. Я призываю не навязывать свои.

Она проговорила с брезгливостью:

— Но у меня единственно правильные!

— Ага, — сказал я едко, — еще бы. Ну, а как же. С этого и начинаются все войны... Блин, прогресс тоже с таких заявлений идеологов, ученых, политиков...

Она сказала сердито:

— Что у тебя за мания?.. У ваших женщин нет других достоинств?

Я возразил, защищаясь:

— При чем тут я?.. Это общее, как сказать, мужское... Вон смотрите, как все мужчины в волшебном зеркале инета комментируют женщин! Если сиськи мелкие, то «тема сисек не раскрыта». И везде, сами проверьте, я помогу, высшие баллы получают те, у кого сиськи не помещаются в ладони!..

— Но это же некрасиво, — воскликнула она.

— Некрасиво, — согласился я. — Хотя... как посмотреть. Если из времен тургеневских девушек, то да, а если по-современному... Знаете ли вы, что каждая третья женщина уже увеличила сиськи на пару размеров, а еще треть собирается сделать то же самое в ближайшее время?.. То-то. И нечего мне навязывать вкусы каменного века. Тогда у вас всех вообще их не было.

— Кого?

— Их, — ответил я. — Ну, вы поняли, ваше величество.

Она произнесла с глубоким отвращением:

— Ты о чем-то еще рассуждать можешь?

— Могу, — ответил я нехотя, — но не с таким азартом, ваше величество! Человек создан для радостей. И чем радости проще, тем приятнее.

— Какой отвратительный, — сказала она холодно, — и насквозь прогнивший мир!..

— Это да, — согласился я, — гнием мы здорово и с огромным удовольствием... Но зато видно издали, что все мы здоровые и ох какие красивые! А на вас столько платьев, да еще и голова закрыта платком, любые пороки можно скрыть!.. Нет, не на вас лично, но женщины вашего королевства... просто тюрьмы ходячие!

— Ни в одном королевстве, — возразила она с достоинством, — нет таких свобод для женщин, как в нашем.

— Представляю, — пробормотал я, — какие порядки там... Ну да, вы же как бы женщина в какой-то некоторой мере! Феминизм поддерживаете, хоть и тайно. Но все равно... пока не станут сиськи показывать на улице — нет у женщин свободы! И воли тоже нет. И вообще ничего нет, потому что сколько женщине ни дай, ей всегда мало.

Она покачала головой.

— Как же тебя женщины обидели... интересно, чем?

— Всем, — отрезал я. — Музыку? «Боже, храни королеву»?

— Нет, — отрезала она.

— А что?

— Пусть играют тишину, — сказала она. — Умолкнут. Как можно думать, когда играют?

— Дикие вы, — сказал я, — думаете!.. А у нас целая индустрия работает на то, чтобы мы развлекались и ни о чем не думали...

Но музыку вырубил полностью, в самом деле не вяжется, я бездумно треплю языком, а сам все-таки ломаю голову, как бы ее взад, пусть этот кошмар закончится побыстрее...

В левом зеркале показался быстро настигающий нас огромный мощный мотоцикл, черный, как ночь, и в ад-

ских языках пламени. В седле байкер весь в черной блестящей коже и тоже как будто только что из ада.

Королева сразу, державно не поворачивая головы, скосила глаза в его сторону, а байкер, поравнявшись с нами, мотнул головой, и шлем стал прозрачным.

— Ого, — крикнул я, — привет, Веста!.. Сменила байк?

— Уже с неделю, — ответила она, живо блестя зубами. — А вы, смотрите, с озера?

Она оценивающе оглядела королеву, а та с не меньшим, хоть и тщательно скрываемым жадным интересом окинула ее цепким взглядом. Веста, жгучая брюнетка с породистым лицом уверенной женщины и крепким накачанным телом, сидит красиво и даже эротично, но с вызовом, байки пока что последние островки свободы: на них еще не удастся властям установить систему автовождения.

— С озера, — ответил я. — Репетировали кое-какие моменты.

Веста расхохоталась.

— Зная тебя, понимаю, что за моменты... Меня ты тоже возил туда репетировать. Знаешь, бросай стонать за жизнь, вливайся!.. У нас такая команда, даже из тебя сделаем человека!

Я ответить не успел, королева произнесла неожиданно:

— Вы зря с ним так...

Веста спросила с интересом:

— Как?

— Неуважительно, — ответила королева с достоинством. — Он уже офисный планктон.

Веста оживилась.

— Евгений, удалось?

Я бросил злой взгляд на королеву.

— Не совсем. Я пока только феодал и граф. И у меня имение...

— С двумя сотнями крестьян, — добавила королева. Веста понимающе расхохоталась.

— Ты тоже там?.. Интересно отдыхаете!.. Но и в планктонное море стремись!

Она дрыгнула ногой, и ее унесло на байке, как низко летящую крылатую ракету, оставив нас так быстро, словно мы стоим на месте.

Королева неотрывно смотрела ей вслед. Когда заговорила, я, к своему удивлению, не услышал презрительного замечания, как ожидал, голос ее прозвучал почти печально:

— Как она похожа на Гекару...

— Кто, — не понял я, — Веста?.. Хотя вообще-то... что-то есть. Да, мы ездили на озеро, но не вязались... я с такими вообще боюсь интима. Такие женщины слишком... даже слишком слишком. Я как бы поэт почти, хоть стихи и не пишу, а Веста, как и ей подобные, полагает, что самое главное достоинство для мужчины...

Я поморщился, умолк, спохватившись, зачем такое рассказываю и такому человеку, а она поторопила:

— Ну-ну?

— Умение драться, — ответил я со вздохом. — Все остальное на втором, а то и на десятом месте. Его ум, знания, умения... а это ценится, но только в отдельные периоды непрочной стабильности. Но даже и тогда считается, что драться должен уметь, иначе какой он мужчина...

Она вскинула брови.

— Все верно, иначе какой он мужчина?

— Драться умеют все, — ответил я, — даже муравьи дерутся, а человек, царь природы...

— Короли тоже дерутся, — напомнила она.

— Ну вот, — сказал я со вздохом, — а кто, казалось бы, должен подавать пример миролюбия?..

Она сказала уверенно:

— У вас все плохо, потому что королей нет!

Я пробормотал:

— Почему, у нас они тоже есть. Я же рассказывал. В отдельных королевствах. Мы милосерднее вас, не везде вырезали королевские семьи начисто. Только те, что оставлены, что-то вроде клоунов. Это шуты такие... И вообще... все это цирк!.. Народ ходит смотреть на них, как на дикарей племени мамбо-юмбо.

Ее лицо потемнело, словно на него упал отблеск грозовой тучи.

— Что-о?

— Особенно, — добавил я, — когда эти короли и королевь при всех регалиях. Можно уржаться, эти клоуны такие ва-а-а-ажные... Ваше величество, я говорю про королей нашего мира! Возможно, у вас это в самом деле достойные люди, но у нас просто дешевые актеры... хотя нет, все-таки дорогие актеры, хоть и бесталанные.

На экране навигатора поверх карты наложилось лицо хорошенькой телеведущей, она сказала быстрым, но все равно кокетливым голоском:

— Только что на перекрестке Урапитеков столкнулись две колонны трансгуманистов, что шли на митинг на площадь Согласия, и постчеловеков, те двигались к месту проведения своего митинга на площадь Единения...

На весь экран пошли сперва фото, а потом ролики яростных схваток, у той и другой стороны откуда и взялись широкие легкие щиты, в руках бейсбольные биты, началась яростная схватка, дерутся с упоением, видеокамеры выхватывают залитые кровью головы, тела упавших, которых топчут напирющие толпы.

Появился кто-то из правительственных чиновников, спросил со строгим лицом, но ликующим голосом:

— Кто начал схватку, трансы или постяки... простите, постчеловеки?

— Если просмотреть на фотофинише, — живо ответила ведущая, — что наши специалисты сейчас делают, то первый удар, опередив оппонента на сорок милисекунд, нанес постяк, однако если учитывать градус камней, то со сторон трансов первый камень на четверть секунды раньше пересек пространство между двумя уже сшибающимися колоннами мирных демонстрантов...

— Компетентные органы разберутся, — заверил чиновник, — а пока с упоением следим за происходящими беспорядками! Пользуясь случаем, заверяем население района, что им ничего не грозит. Власти города пристально следят за происходящим, потому за два часа до неожиданного столкновения усиленные наряды полиции двумя цепями обеспечивали движение колонн только по данным улицам...

На боковом экране, который врубаю очень редко, появилось разогретое до красноты лицо Бориса.

— Слышал? — крикнул он зло.

Я буркнул:

— Ага, все неожиданно и случайно, но полицию вызвали и разместили заранее. Блин, даже не скрываются...

Он наконец заметил застывшую на соседнем сиденье королеву, проглотил то, что вертелось на языке, сказал только с сердцем:

— Или дураков набрали!

— Кто сейчас не дурак? — спросил я. — Только тот, кто умен недостаточно. Проговариваться тоже можно намеренно. Зачем? Догадайся. Ты сейчас где?

— Сам догадайся!

— Понятно, — ответил я. — Снова морду набьют...
Как же ты любишь это дело.

Он бросил взгляд на королеву, чуточку приосанился, а лицо сделал гордым и мужественным.

— Мужчина должен сражаться за идеалы!

Глава 11

Королева бросила в его сторону милостиво одобрительный, даже одобряющий взгляд, а Борис стал еще мужественнее и отважнее.

— А что власти? — поинтересовался я практично.

— Как всегда, — ответил он с презрением, — прошляпили, не успели, не знали, не предупредили...

— В самом деле не предупредили?

Он отмахнулся.

— Да все предупредили. Только в последний момент оказалось, что впереди ремонтируют дорогу, у нас их будут ремонтировать даже когда Солнце превратится в красный гигант... или в карлик, не помню, но знаю. В общем, пришлось пойти по параллельной, а те киборгоидные гады тоже сдвинулись в нашу сторону.

Королева делает вид, что не прислушивается к нашему непонятному разговору, по ее лицу вижу, что Борис в ее представлении герой, сражающийся за какие-то рыцарские идеалы, а я вот некое говно за рулем.

— И в одно, — спросил я, — и то же время?

— Да, — сказал он обозленно, — хотя власти и заявляют, что время было разнесено на три часа разницы, столкнуться на перекрестке никак не могли, но...

— Одни запоздали, а другие поспешили?

Он кивнул с видом великого стратега, который непонят современниками.

— Как всегда, Евгений, как всегда. Человеческий фактор! Иногда думаю, что эти постяки быстрее придут к точности, которой так не хватает людям.

Я сказал авторитетно:

— Все было запланировано наверху! Это же ясно. Вас столкнули нарочито, идет месиловка, все масс-медяки подняли вой, инет уже заполнен роликами с места, полно фоток с рукоприкладством, общественность негодует, во всех странах снова начнут осаждать наши посольства... Причем, как и в прошлые разы, осаждать будут трансы и постяки в равной мере.

Он сказал зло:

— Точно!

— Сейчас возле посольств тоже завязываются драки, — сказал я. — Можешь проверить.

Он скосил глаза, рассматривая нечто невидимое мне, посмотрел на меня с великим изумлением.

— В точку! Ты прям бабка Ванга!

— Элементарно, — сказал я с полнейшим чувством превосходства. — Не все ходят смотреть футбол, другим подай косплей, а кому-то и вот такое... Это нам хорошо, мы всеядные, а есть гребаные эстеты, им либо только футбол, либо игра в наперсток, остальное за виды искусства не признают. Правительство старается всему народу дать понятное ему удовольствие, иначе зачем мы его выбираем?

Он посмотрел в другую сторону, охнул:

— Все, исчезаю!

Экран погас, королева промолвила, не поворачивая головы:

— Очень удобное колдовство. Он далеко?

— Не очень, — ответил я, — но удобно, согласен.

— У нас так могут только великие чародеи, — сообщила она. — И только друг с другом. А у вас могут летать?

— Нет, — ответил я.

— А у нас летают, — ответила она с видом полнейшего превосходства. — Правда, тоже только чародеи.

По экрану словно огненный болид прошваркнул через нижний слой атмосферы. Не успел погаснуть, как на его месте заблистала во всей яростной красе неистовая драка. Парни сражаются уже металлическими штырями, выплыло и заняло весь экран залитое кровью лицо Бориса.

— Евгений, — крикнул он хриплым голосом, — захвати меня отсюда!

— А твой «Майбах»? — спросил я.

— Мой автоводитель, — прокричал он, — в эту зону не пройдет!

— Ага, — сказал я с удовлетворением, — человек все еще отважнее машин!

Королева молча следила, как я переключил скорость и круто развернул машину. На экране колонны демонстрантов давно перестали быть колоннами, драка разбилась на группы и даже одиночные схватки.

Я крикнул на ходу:

— Борис, выбирайся мне навстречу. Следи по маяку.

— Вижу тебя, — ответил он, тяжело дыша, — иду...

Королева посмотрела вперед, направо, налево, наконец сказала без эмоций, но с недоумением:

— Я не вижу человека с разбитым лицом...

— Это в двух десятках миль, — ответил я.

— Но... как он нас видит?

— По мобиле, — ответил я раздраженно. — Расслабьтесь, ваше величество, и получайте удовольст-

вие. Смотреть на драку еще приятнее, чем участвовать, верно?

Она промолчала, а Борис с экрана крикнул:

— Левее! Прямо за тем киоском, что у тебя впереди слева!

Лавируя между выбегающими людьми, одного чувствительно задел левым крылом, я круто свернул за угол, и тут же навстречу выбежал Борис с картинно залитым кровью лицом, белоснежная рубашка на груди тоже вся в красных пятнах.

Я распахнул ему заднюю дверь, он ввалился и сразу крикнул:

— Гони!

Круто вывернув руль, я избежал удара о группу парней с битами и металлическими штырями в руках, свернул почти на двух колесах и понесся обратно, набирая скорость. Потом пришлют штраф за превышение, плевать, у меня смягчающие обстоятельства, спасал человека, в дни таких волнений полиция на все нарушения смотрит сквозь пальцы.

Он на заднем сиденье шупал окровавленными пальцами голову, морщился.

— Не удивлюсь, — сказал я, — если к этому перекрестку за час до незапланированного столкновения прибыли лучшие операторы телекомпаний.

Он ответил бодро:

— Ну и что?... Увижу свою рожу в новостях! Меня со всех ракурсов снимали.

— Все цело?

Он отмахнулся.

— Нос распухнет. Он у меня всегда был слабый, помнишь? Еще в школе кто стукнет, сразу кровь ручьем. Зато как зрелищно!

Королева спросила:

— Кто с кем дрался?

— Сторонники мастера Страуда со сторонниками мастера Рундельштотта, — ответил я, кивнул Борису, — это у нас свои термины, киношные. В духе сериала.

Он вскинул брови, но смолчал, только продолжал ощупывать лицо, а королева посмотрела на меня с вопросом в глазах.

— Одни и те же, — проговорила она озадаченно, хотя вряд ли что-то поняла, но суть, похоже, уловила. — Одни и те же, но разные...

— В точку, — сказал я. — Когда-то были единым ручейком, а когда превратились в реку, тут же разделились.

— Нас разделили, — сварливо поправил Борис. — Лучшие остались с трансами, а придурки ушли к постикам.

— Те утверждают то же самое, — согласился я, — только наоборот. Кому-то выгодно разделить и властвовать, а то стали сильны слишком. И кандидат в президенты не один общий, а два: Ицков и Медведев... Биоконны могут победить.

— Медведик одержит верх, — сказал Борис уверенно. — У него электорат шире.

— Этого мало.

— И международные связи!

— А Ицков ориентирован на Россию, — напомнил я, — что чихала на международную поддержку, неподдержку и даже санкции. Здесь у него голосов побольше... Ладно, скоро все увидим. Тебя где выбросить?

— Давай у центра Буки, — сказал он. — Моя колясочка уже мчится навстречу!

Я покосился на экран, на карте города в нашу сторону ползет зеленая точка, минут через десять пересечемся.

— Хотя бы рубашку сменишь?

Он ухмыльнулся.

— Ты что?.. И потеряю облик героя?..

— Ладно, — сказал я. — Только жену не пугай.

Он взглянул на меня с укором.

— Евгений, ну что ты меня позоришь в присутствии красивой женщины? Я кольцо снимаю сразу, как только выезжаю из дома!..

— Так можно сразу погуглить, — напомнил я.

Он отмахнулся.

— Да кто это сразу делает? Это потом, когда мне уже все равно, что обо мне узнают порочащего, а женитьба — самый большой порок... А, вон и моя лапушка!

Навстречу на предельно разрешенной скорости мчится «Майбах», все еще роскошная машина, хотя уже есть класс и повыше.

Высчитывая скорость и время, плавно затормозила у обочины, а я подрулил и поставил свое авто рядом.

Борис улыбнулся королеве.

— Простите, леди, что знакомство произошло в таких обстоятельствах. Приглашаю к себе в гости... можно с Евгеном, он мне конкуренции не составит, а я покажу вам свои старинные ковры...

Я распахнул дверцу.

— Давай двигай, вагинолав. Привет жене и детям!

Он успел крикнуть королеве за миг до того, как я хлопнул дверь:

— У меня нет детей! Он нагло врет...

Я развернул авто и погнал в обратную сторону, а потом выехал на свою магистраль. Королева, что все время хранила молчание, спросила:

— А у кого сильнее магия, у Медведя или Ицкова?

— Это не та магия, — ответил я мягко, — что нужна вам, ваше величество. Приятно видеть, что вы смотрите в корень, не обращая внимания на заигрывание это бабобаба.

Она вскинула брови.

— Кого, этого твоего друга?.. Я его и не заметила. Он абсолютно пуст.

Я пробормотал пристыженно:

— Все мы здесь пустоваты, если судить по гамбургскому счету.

Глава 12

На шоссе то и дело выходят группы молодежи с транспарантами и плакатами, машина то и дело сбрасывает скорость, иногда даже ползем, я злился молча, зато королева вздохнула свободнее, непривычная скорость все-таки пугает, хотя, конечно, ее величество не может позволить себе выказать страх перед таким простым существом, как я.

На экране в окошке появилось лицо Бориса. Я повел глазом, приказывая вывести на весь экран, Борис возник там, все еще в крови, уже почти подсохшей.

— Ты еще едешь? — удивился он. — Чё так долго?

— Впереди митинг, — буркнул я. — Биоконны напоминают о себе... У них, мол, самая правильная программа. Такая толпа перегородила дорогу, прямо стадо диких свиней, даже хрюкают...

Он фыркнул:

— Старухи?

— Молодых тоже немало, — ответил я.

— Дураки!

— Или не любят власть, — сказал я. — Понимают, что на этих выборах президентом станет трансгуманист или постчеловек. Вот и бунтуют заранее.

— Дураки, — повторил он с убеждением. — Только мы несем человечеству... Ладно, меня уже засняли все смявки, пойду умоюсь и рубашку сменю.

— А эту оставишь, как боевое знамя?

Он гордо ухмыльнулся.

— Еще бы! Внукам буду показывать, в каких кровавых боях завоевывали им светлое трансгуманистическое будущее. Скажу, хирурги всякий раз спасали мне жизнь, которую я беззаветно отдавал за наши великие идеалы, ха-ха!

Королева проронила негромко:

— Бывает третья сила, которую недооценивают, и побеждает...

— Вот-вот, — крикнул Борис с таким напором, что чуть не выпал из экрана. — Представляешь, что будет? Каменный век!

— Биоконь не против прогресса, — напомнил я. — Не надо так уж привычно демонизировать и оглуплять противника. Они всего лишь против ускоряющихся темпов прогресса. Помедленнее, кони, ох, помедленнее!.. Чтоб успевали понять и приспособиться даже самые заторможенные. Нет, не кони успевали, коням всегда хорошо, это люди даже в раю вечно скулят и жалуются...

— А Ратадер? — крикнул Борис с экрана. — А Цеденбул? Смарка вообще зовет в лесу жить!

Я отмахнулся.

— Это радикалы. В любом движении есть крайне правые и крайне левые. А в целом биоконь всего лишь самая осторожная часть населения.

— Самая трусливая! — крикнул он. — Ты так говоришь, словно ты уже и сам за этих... гадов, тормозящих прогресс!

— Я за справедливость, — ответил я. — Противника нельзя недооценивать. Иначе что-то просмотрим, и президентом станет кто-то из этих... ну, этих!

Королева, что слушала молча и только поглядывала краем глаза на экран, вдруг сказала быстро:

— Стой, а что там?

Я повернул голову, вдали у самого леса пламенеют как огромные цветы пурпурные, желтые, оранжевые шатры коспиистов. Я скривился: по мере того, как автоматизация высвобождает все больше народу, косплеистов, как и вообще маскарадников, становится все больше, фестивали и праздники придумываются по каждому пустяку. Я сам видел реконструкцию Бородинского сражения в трех местах, так как само поле под Бородином успели захватить косплеисты Авиационного завода в связке с Историческим архивом.

— Похоже, — сказал я, — там не то Азенкур, не то Пуатье...

Она всмотрелась, вскрикнула:

— Я вижу скачущих всадников с опущенными копьями!.. Поверни к ним?

— А надо ли, — проворчал я, но послушно крутнул баранку руля. Асфальта в ту сторону нет, но телеги землю уже укатали. — Там не только опущены копья... но и забрала.

Она спросила встревоженно:

— Нападут?.. Там враги?

— Противники, — уточнил я. — Между ними поле... довольно просторное. Ух ты, землю уже взрыли, инженеры по технике безопасности отрабатывают жалованье... Еще бы перины настелили!

Она покосилась на меня с непониманием, но смолчала, а автомобиль послушно на малой скорости пробирався через поле. Место для автостоянки обозначили в

двух сотнях шагов от ближайших шатров, там уже сотни две сверкающих машин, от самых простеньких до баснословно дорогих лимузинов.

Я осторожно присматривался, где приткнуться, чтобы припарковаться ненадолго, а королева, всмотревшись, спросила:

— Кто с кем воюет?

— Здесь не война, — объяснил я, он взглянула с непониманием, я терпеливо объяснил: — Это тренировочный лагерь. Для отработки боевых навыков.

— О, — сказала она с уважением, — ударные отряды?

— Да, — согласился я. — Лучшие из лучших. Потом уже, конечно, в бой. Но не раньше, чем признают годными. У нас новичков в бойню не посылают. Берегут людей!

— У вас так мало населения? — спросила она с сочувствием. — Женщины мало рожают?

— В точку, — ответил я с уважением за ее проницательность. — Рождаемость падает, приходится людей беречь. Всяких, даже дураков, кто бы подумал! Дураки на войне ценятся особо.

Из пурпурного шатра вышел рыцарь в полном доспехе, королева рядом завистливо вздохнула.

Я указал взглядом на имя Карла в высветившемся меню, сказал громко:

— Карлуша, привет!..

Рыцарь, который, конечно, не Карл, но здесь все под никами, остановился, посмотрел по сторонам.

— Евген?.. Тьфу, Юджин, ты где?

— В десяти шагах, — ответил я. — Извини, я с пассажиром, тороплюсь, заскочил просто по дороге.

Он отыскал взглядом мое авто, подошел, а королева не сводила с него зачарованного взгляда. Доспехи у Карла из настоящей стали, укрывают не только руки и ноги, но даже пальцы. И это еще не знает, что доспех у

Карла из графена, по пальцам можно ударить острым и тяжеленным мечом, но тончайшие, как папиросная бумага, трубочки даже не прогнутся, и, конечно, на них не останется ни царапины.

На шлеме развевается плюмаж из крашенных перьев, забрало поднято, лицо загорелое и красиво мужественное, издали улыбнулся нам сверкающей белозубой улыбкой.

— Юджин, рад тебя видеть!.. Почему не присоедини... А-а, понимаю!

Он снял обеими руками шлем и, держа на сгибе левой руки, церемонно поклонился королеве, разом охватив взглядом ее королевское платье, высокую прическу и золотую цепь на груди.

— Приветствую, — проговорил он. — Надеюсь, вы примете участие...

Я перебил торопливо:

— Карл, мы очень спешим. Просто ее величеству королеве Орландии то ли восхотелось, то ли возжелалось взглянуть на лагерь доблестных воинов поближе.

— Прекрасно, — сказал он с энтузиазмом.

— И хотя я бешено спешу, — прервал я, — все же на пару минут свернул, но сейчас мы помчимся, мы поскачем на оленях утром ранним...

Он кивнул.

— Ладно-ладно, только оленей смени. Они недостаточно шикарны, чтобы возить ее величество! Надеюсь, ей понравится, и она примет верное решение...

Он улыбнулся, отступил, я кивнул и быстро вырлил на дорогу обратно, понимая, что теперь снова начнет приставать насчет участия во всякого рода исторических реконструкциях, маскарадах, фейерверках, гуляниях...

Королева скосила глаза на зеркало заднего вида.

— Он великий воин... или просто очень богатый?

— Уместный вопрос, ваше величество, — ответил я. — Начинаю уважать вашу проницательность. Все верно, такие доспехи в первую очередь говорят именно о богатстве человека. Доблесть от крепости доспехов не зависит.

Машина, переваливаясь с боку на бок, выехала на шоссе, королева оглянулась.

— Но такие доспехи... в них и трус станет героем.

— Закажите такие же для своих воинов, — посоветовал я.

— Никто не сумеет, увы.

— А гномы?

Она поморщилась.

— Гномы? Ни за что! Это мерзкий народ.

— Принципы, — сказал я понимающе. — По ним хорошо жить властелину мира. Но в повседневности одни принципы сталкиваются с другими.

— И что?

— Побеждают третьи, — пояснил я. — У которых вообще нет принципов.

Она не ответила, в молчании доехали до ворот поселка, на въезде шлагбаум дрогнул, но не поднялся.

Я ждал, удивленный, выскочил дежурный, я опустил стекло, он сказал торопливо:

— Вас не стали дожидаться, велели передать, что все установлено и настроено.

— А ключи? — спросил я.

— Не понадобятся, — ответил он. — Ваша новая аппаратура видит всех за триста метров и сама решает, кого впустить. В смысле, сейчас впустит только вас, а потом вы сами расширите список многоуровневого доступа...

Я отмахнулся.

— Ладно...

Шлагбаум поднялся, дежурный сказал вежливо:

— Счастливого новоселья!

Я вырулил на боковую дорожку, оттуда ближе, миновал с полсотни домов отвратительно богатеньких, перед королевой все же неловко, надо было другой дорогой...

— Промышленные цеха, — сказал я небрежно. — Вон в том доме коженные, в том дубильня... а вон там за деревьями упрятана бойня. Ага, а вон и наш домик!

Она посмотрела в ту сторону, переспросила педантично:

— Наш?

— Мой, — поправил я себя. — Не сочтите, что я вам предлагаю половину. Вам полкоролевства еще так-сяк, да и то чтоб побогаче, верно?.. А мне и... блин, они и забор сменили!.. Ох, гады...

Она произнесла бесстрастно:

— Что?

— Еще и третий этаж надстроили, — сказал я с возмущением. — На фига?.. Я и на второй поднимаюсь раз в год!.. Там, наверное, уже сычи и совы жили, а ночью всякие там летучие мыши...

Машина вышла на прямую, мягко понеслась по идеально ровному асфальту, мой участок не узнать: вместо хилого дощатого заборчика красивая ограда из красиво выгнутых, даже вычурно выгнутых металлических прутьев, похожих на старинные копыя, побывавшие в руках пьяного мага, возомнившего себя художником.

Створки ворот моментально отпрыгнули в стороны, то ли сложились в гармошку, то ли куда-то спрятались. Машина въехала по широкой дорожке.

Во дворе ухоженные газоны, которые подстригают сто лет, так что трава густая и плотная, куда дели мой заросший бурьяном участок, это же свинство, а вдруг у меня именно такое самовыражение, что за тоталитаризм — стричь всех под одну гребенку? А если я изволю

засрать весь участок, запустить дом и сам ходить в лохмотьях — почему не имею на это права в демократичной стране, как самостоятельный свободомыслящий и свободовыражающийся на все стороны демократ и либерал?

— Деспоты, — прорычал я, — свободу душат... Как же вы достали с этой правильностью!.. Да и праведностью...

Королева сказала тихо:

— Ты же сказал, что ваш Верховный Демон всех слышит?

— Слышит, — сказал я зло, — но позволяет клясть его сколько угодно и как угодно!.. Он пресекает только неугодные действия. А ругань что... Когда пар уходит в свисток, он не рванет.

Ворота гаража прыгнули вверх и пропали в узкой щели карниза. Я даже вздрогнул, в гараже непривычно чисто и сверкающе, как в кабинете дантиста. Свиньи, уничтожили все неповторимое очарование! Теперь у меня, как у всех, порядок и все такое, а это унижает мое человеческое достоинство и самобытность, вот они, плоды тоталитаризации общества!

В центре сияет, как дитя солнца, новенький автомобиль, я с понятным трепетом узнал последнюю модификацию «Инфинити», «majesty» называется, совсем недавно авто миллионеров, а теперь автомобиль верхней строки лоукласса.

Глава 13

Наш авто остановился, ящеренок все понял и покарабкался мне на плечо, я выскочил наружу, церемонно помог выйти королеве. Она приняла как должное, не оценила, какого мне это стоило усилия, тоже мне венценосица и самодержица.

— Как прекрасно, — произнесла она холодным и чистым, как горный ручей, голосом. — Эта новая повозка сверкает, как драгоценный камень... уступишь своего управителя?

— Нехило, — пробормотал я. — Насчет управителя подумаю, подумаю. Вообще-то он неплох, неплох. Пойдемте в дом, ваше величество.

Она оглянулась.

— А повозка? С новой поместятся?

— Могут, — ответил я, — места хватит, но вряд ли. Сами договорятся, не обращайтесь ваше высокое внимание. Это извозчицьи дела, не королевские...

Она шепнула с чисто женским пониманием:

— Старая уйдет?

Я кивнул.

— Мне жаль, уже сроднился. Неловко даже... Но теперь старая тихонечко уедет со двора, чтобы я не видел.

— Почему?

— Чтобы не травмировать мою нежную душу, — объяснил я.

Она покосилась с некоторым удивлением.

— Что-что?

Я пояснил с неохотой:

— Многие сродняются со своими авто, даже женятся. Теперь это можно даже официально. Как понимаете, в них есть все, что нужно мужчине от женщины. Да-да, вы меня правильно поняли, ваше величество. В автомобилях настолько много дополнительных функций и гаджетов, что о половине мы даже не догадываемся. К тому же у любимой автомобиля никаких капризов. Потому, когда стареют так быстро, это травма для мужской души! И новую красотку хочется, мы же мужчины, и старую любишь за ее верность, преданность и безотказность...

Она промолчала, только взглянула несколько удивленно. Думаю, постоянно напоминает себе, что нельзя к жуткому существованию в мире демонов применять критерии единственно правильной жизни мира Королевства Нижних Долин.

Крыльцо теперь из старинного мрамора, такого чистого, словно только что из знакомой мне каменоломни. Конечно, мрамор искусственный, но королеве объяснять не стану, перила с широкими поручнями тоже под старину, архитекторы постарались соединить архаику с хайтеком.

Массивная с виду дверь распахнулась перед нами с той легкостью, словно вся из пористого картона, а изнутри дунуло сильным ветром.

Я тупо посмотрел на холл, раньше не было, теперь все сияет и блещет, вон лестница на второй этаж, в дальней гостиной из-за выступа стены виден краешек роскошной люстры...

Я вздохнул, поддержал королеву под локоть, помогая переступить через символический порог, его видно только по рисунку пола, дальше ее величество пошло само, величаво поводя глазами из стороны в сторону, но не двигая головой, как всякое там простонародье.

По социалке такие дома не ставят, но раз уж я владелец, то чтобы не портить вид поселка, службы из какого-то фонда помощи бродячим собакам и безработному планктону доплатили малость, пусть и по самому минимуму.

Старую мебель убрали, заменив новой, это уже социалка, все по минимуму: телестены, автоматизированная кухня, но блоки умного дома на порядок выше тех, что были у меня до ремонта, те уже давно не ремонтируют, проще менять целиком всю систему.

Королева впечатлена, я прошелся по гостиной и кухне, что одно помещение, просто зал, заглянул в аппаратную, на дисплее бегут цифры поглощения солнечной энергии пластинами на крыше, уровень расходования воды, тепла и всякое такое, во что по природной лени вникать не люблю, не хочу и не стану. Я за дружественный интерфейс, который за нас все делает, и за наступление AI, тот за нас будет даже думать.

Ящеренок, насидевшись на моем плече и уверившись, что и здесь жить можно, быстро сбежал по мне, а с высоты колена даже лихо прыгнул, упал на скользком полу, где никак не вогнать коготки, ринулся исследовать нашу новую пещеру.

— Терпимо, — заключил я. — Вообще-то терпимо. Ничего не тронули, только добавили одну комнату вот там... а еще третий этаж надстроили. И крышу, естественно, заменили... Ваше величество, присядьте! А то вы когда вот так, то мне и вовсе не по себе.

Она презрительно приподняла бровь, но отыскала взглядом кресло с белоснежной обивкой и высокой спинкой с широкими шляпками золотых гвоздиков по краю, медленно и величаво опустилась, с достоинством уходящей на дно атомной подлодки.

Я все еще осматривался с недовольством, она посмотрела на меня несколько странно.

— Ты еще и ворчишь?... Да, твой дворец снесли, зато новый поставили! Еще краше.

— По своему вкусу, — прорычал я. — А у меня он другой!

— Какой?

— Не знаю, — огрызнулся я, — но изысканный — точно! Я эстет и живая легенда! Хотя здесь уже полуживая. И не совсем легенда.

Она заметила:

— И двор, что был пустырем, превратили в сказочный сад!.. У тебя хорошие слуги.

— Да? — изумился я. — Блин, даже не заметил... Ух ты, а что там еще во дворе настроили?

Она посмотрела в окно, куда уставился я, пояснила презрительно:

— Беседка. Для уединенных разговоров и прочего. А вон там два фонтана... за той высокой клумбой!.. Аллеи из неизвестного камня...

— Какой камень, — буркнул я, — это... да ладно, какая разница.

Она посмотрела с подозрением.

— Не камень?

Я отмахнулся.

— Камень, камень... Я вот думаю над вариантами вашего возвращения, но в упор не вижу, а когда не видишь вовсе, то можно рассматривать и самые дикие.

Она выпрямилась еще больше, уже не женщина и даже не человек, а кремень.

— Говори!

— К примеру, — сказал я, — как-то связаться с Рундельштоттом и по-королевски велеть, чтобы запустил установку снова.

Она спросила с надеждой:

— Как связаться?

Я буркнул:

— Думал, это вы мне скажете, ваше величество! Простые гонцов гоняют, а короли, наверное, могут как-то магией?

Она покачала головой.

— Любая магия либо на близко, либо... на недолго. У королевских гонцов просто лучшие кони, только и всего.

— У вас же магия, — напомнил я. — Неужели не придумали, как разговаривать на расстоянии?

Она снова покачала головой.

— Нас с детства окружают маги. Но все, что они делают, это защищают королевскую семью. И обучают нас защищать себя, потому что короли...

— Самые уязвимые люди, — договорил я. — Это понятно. От убийства бродяги ничего не изменится, а вот от убийства короля... А кто-то другой, не королевских кровей, неужели не пытался?

Она покачала головой.

— Желания у людей простые. Заполучить больше золота и власти. Если можно с помощью магии, то будут стараться с магией... Ох, у тебя там... во дворе!

Я быстро посмотрел в окно. Прямо перед крыльцом на землю опускаются два дрона, в метре от земли выпрямили суставчатые лапки и крепко уперлись в брусчатку.

— Это не я, — сказал я быстро, — холодильник что-то мудрит.

Она насторожилась.

— Этот слуга тебя не слушается?

— В нем всякие счетчики, — объяснил я, — шпионит, гад, за количеством калорий, микроэлементов, витаминов, хотя и сам не знает, что это. Да и я не знаю, если честно. Заказывает, морда, то одно, то другое, привыкнуть не успеваю!.. А если вдруг температура поднимется, то вообще замучает режимом и криками во все инстанции, что подвергаю себя риску... Не обращайтесь внимание, ваше величество! Сейчас заберу, что они там принесли, и оба улетят.

Она встала и подошла к окну, а я выскочил наружу. Дроны, завидя меня и быстро признав как заказчика, разом раздвинули крышки.

Я вздохнул с облегчением, холодильник ни при чем, это я сам заказал пять картриджей для универсального принтера, а второй принес пакет с двумя бутылками шампанского, любой напиток с алкоголем дома производить запрещено.

Когда я внес картриджи и пакет с бутылками в дом, королева уже снова в кресле, как на троне, спина выпрямлена, руки властно возлежат на подлокотниках, взгляд прям, но лицо мраморно неподвижное... как бы слишком.

— Тебе служат могучие демоны, — произнесла она ровным голосом. — Даже крылатые.

— Правда? — спросил я. — Как-то не заметил у них крыльев.

— Но они же... по воздуху?

— У вас тоже есть милкнеры, — напомнил я.

Она не сводила с меня пристального взгляда.

— Если у вас мир демонов, то как получилось, что служат тебе?

— Это сложно, — ответил я уклончиво. — У нас вроде бы другая задача, ваше величество?

— Да, — ответила она и чуть повела глазами в сторону широчайшего окна, не появились ли во дворе летающие чудовища покрупнее, — что-нибудь уже надумал?

— Думаю, — сообщил я. — Упорно. Как в каменоломне.

Она чуть поморщилась, каменоломня выглядит как укор, но до оправданий не снизошла.

— Думай. Ты мужчина!

— Это я умею, — согласился я. — Такое надумаю... Только другие называют это мечтами. А кто-то и вообще грезами. Зато как красиво, как возвышенно, хотя иногда и не совсем...

Она оборвала холодно:

— О низменных грезах не стоит. Ты же мужчина... или только самец?

— Я разносторонняя личность, — возразил я. — Во мне такое богатство, такое богатство... и никто не ценит! Обидно. Все еще нет внимания к человеку. В несовершенном мире живем... Для веселия планета мало оборудована, надо вырвать радость у грядущих дней...

Из дальней комнаты примчался галопом ящеренок, устался на меня, раскрыв пасть.

— Есть хочешь? — спросил я. — Ну да, а как же... Сейчас найдем для тебя мисочку. По твоим размерам, а то и сразу на вырост...

Она внимательно посмотрела на ящеренка.

— Где ты ухитрился его найти?

— В лесу, — ответил я, а когда она кивнула с самым безучастным видом, уточнил: — Зачарованном.

Она едва заметно напряглась, но я успел заметить это микроскопическое изменение.

— Зачарованном? — спросила тем же безразлично прохладным голосом. — И как ты туда попал?

— Когда ходил туда за травой-синюхой.

— Зачем?

— Рундельштотт послал, — огрызнулся я. — Думаете, сам попер? Я по своей воле только до дивана... Если бы знал, что еще и третья луна выскочит, когда тащился через то открытое место, там такая огромная поляна... чуть не сдох!

Она покачала головой, не слишком, но заметно, короли контролируют каждый вздох.

— Тебе повезло. Очень повезло. Три луны... это почти наверняка смерть. Или уродство.

Я буркнул:

— У меня хорошая иммунная система. Витамины не забываю, качаюсь, но все равно чуть было не откинул ко-

пыта. И уродства вроде бы нет так уж заметного. С другой стороны... одежда зачем-то придумана?

Она переспросила:

— А ничего в тебе не изменилось? А то и выжившие обычно что-то теряют. Например,глохнут или слепнут. Хотя, конечно, иногда что-то и на пользу...

Я оживился.

— А с этого момента можно подробнее? Что на пользу?

Она ответила безразлично:

— Один из наших глердов, что заснул пьяным в лесу и попал под свет трех лун, стал ночью видеть так же хорошо, как и днем. Еще кто-то с того дня, точнее, ночи, не спит... Так что присмотришься к себе. Удивительно, что и жив, и не урод...

Я пробормотал:

— Так я туда и пришел уже уродом. У нас теперь большинство уродов. Правда, моральных. А так... вроде бы я стал чувствительнее. Футбол смотреть не тянет... Может быть, попробовать петь в церковном хоре? Или вышивать крестиком?.. Надо скрипку купить, вдруг с ходу всех перепаганию?..

Она аккуратно двумя пальцами взяла пирожное, я снял с подноса принтера чашу на высокой ножке, где как облако вздымается сливочное мороженое, придвинул на ту сторону стола.

— Твоя ящерица, — проговорила она, — тоже может быть в чем-то иной.

— Вырастет в дракона?

Она чуть изогнула губы.

— Это понятно, но может быть и что-то иное... Ты присматривай за ним. Если что не так, убей сразу, пока еще можешь.

— Потом не смогу?

Она покачала головой.

— Никто не сможет.

Я скосил глаза на ящеренка, он перевернулся на спину и, блаженно посапывая, смешно приоткрыл рот и, высовывая розовый язычок, лакает во сне молочко.

Королева наблюдала, как я вытащил из стола блистер с таблетками бэсрабла, что всего лишь старый добрый алертек, только доочищенный и без вредных примесей, хотя я и в старой формуле не видел вреда.

Взбодрился, голова прояснилась, это же за всю ночь не сомкнул глаз ни на секунду, дрался с троллями, жабо-людьми и даже с эльфами, а чего они, и все это время пробирался через Зачарованный лес, где на каждом шагу подстерегали опасности.

Она посмотрела с подозрением.

— Это... не еда?

— Магия, — сообщил я. — Хотите?.. На вас тоже действует.

Она покачала головой.

— Нет.

— Хорошо вштырит!

— Нет, — отрезала она. — Мне чужая магия не нужна. Короли не имеют права поддаваться чужому влиянию.

— Бэсрабл как раз проясняет, — ответил я, — хотя вообще-то, весь мир старается затуманиться. Самое большее горе бывает от ума. Это еще Грибоедов сформулировал, был у нас такой видный дипломат, служил послом в соседнем королевстве. Потому все ученые из всех сил работают, чтобы люди могли глотнуть таблетку и балдеть, отключая эти беспокойные мозги. Самые счастливые люди вообще безмозглые!.. Они всегда счастливы, а ведь человек рожден для счастья, как пингвин для полета.

Она смотрела на меня надменно, не меняя выражения лица, но я замечал в ее холодном взгляде некоторое замешательство.

— Это хорошо, — проговорила она медленно.

— Чем? — поинтересовался.

— Еще немного такой жизни, — объяснила она, — и мы вас завоюем.

— Ух ты... Почему?

— У нас рождаются, — объяснила она, — чтобы сделать счастливыми наших далеких внуков.

Глава 14

С моей веранды хорошо смотреть на закаты, здесь они сказочно прекрасны, я не раз с гордостью демонстрировал их друзьям, словно они мои собственные, и сейчас кивнул в сторону широко распахнутой входной двери.

— Прекрасное зрелище, хотя и всего одно солнце. Ваше величество...

Она произнесла с холодком:

— Слушаю.

— Второй деликатный момент, — проговорил я, — первый насчет туалета мы уже решили по дипломатическим каналам, теперь не позволите ли провести вас в спальню?

Она посмотрела на меня свысока, голос прозвучал так, словно год хранился в баке с жидким гелием:

— Что-что?

— Уже поздно, — пояснил я, — я уступлю вам свою постель...

Ее взгляд стал холодным.

— А где ляжешь ты?

— На диване, — ответил я. — в гостиной. Заодно и посторожу... во сне. Разве ваше величество не нуждается в охране? Вон сколько бриллиантов блестит и сверкает!.. Заодно и вас при таком платье поохраю.

Она поморщилась.

— Хорошо. Мне приходилось в походах спать и на охапке сена.

— Прекрасно, — сказал я обрадованно. — Просто чудесно. Душ принимать и чистить зубы вы не станете, не королевское это дело, так что позвольте я покажу вам постель...

Она прервала:

— С порога! Не переступая.

— Конечно-конечно, — согласился я поспешно. — Ни одна свинья не смеет переступать порог вашей спальни... которая на самом деле моя, но ради королевы на какие только жертвы не пойдешь... Хотя диван у меня еще мягче, но вот насчет статусности не уверен... Хотя можно вообще избежать этих невероятных жертв!

— Говори.

— У меня, — сказал я торопливо, — как и положено во времена моего деда, есть и гостевая комната, ее тронуть эти гады-перестройщики не решились... Там не ахти, я уже посмотрел, но кровать есть, есть!..

Она слушала, не меняя выражения лица, дескать, а что у тебя вообще есть, но гостевая у меня вообще-то не самая дыра, там есть еще кресло со столом и двумя стульями, и расположена очень удачно, чтобы ни гости не тревожили меня, ни я их.

— Хорошо, — проронила она, — если эта комната меня устроит...

— Другой нет, — предупредил я смиренно, — разве что можно еще в моей...

Она поморщилась, но сочла ниже своего достоинства даже ткнуть меня мордой в мое дерьмо, не королевское это дело, чуть-чуть кивнула.

— Хорошо.

Я вскочил, шагнул в коридорчик и с поклоном сделал жест в сторону двери гостевой комнаты.

— Ваше величество...

Она повернула голову, свет вспыхнул в тот же момент, а дверь моментально вдвинулась в стену.

Комната открылась маленькая, но чистая, где кровать, стол и два стула, а на стене, что естественно, огромный экран.

— Да-да, ваше величество, — сказал я нетерпеливо. — Сюды.

Она помедлила, посмотрела в ярко освещенное пространство, потом на меня.

— Твои демоны... зажигают свет и для меня?

В вопросе что-то таится, словно уже прикидывает, сумеет ли подчинить демонов или хотя бы их часть, а если не подчинить, то как-то переманить.

— Вы моя гостья, — сообщил я. — Демоны это видят, хотя еще не знают, что вы еще та гостья... Но я им пока не скажу, а то они у меня... гм... ну, убивать очень уж любят. И не просто убивать, а с вывертами. Проходите, ваше величество. Там никто не бросится...

— Это безопасное убежище?

— Весьма, — заверил я. — Даже весьма-весьма. Вам что-нить потребуется? Если понадобится, только скажите!

Она посмотрела с королевским высокомерием, голос прозвучал так, словно прямо из Антарктиды:

— Что ты имеешь сказать?

— Только то, — сказал я торопливо, — что уже брякнул!.. Не насчет спинку почесать, а если вдруг за-

будете, как свет зажечь... у нас тут немножко другие свечи.

Она посмотрела в глубину комнаты.

— А как зажечь?.. Нет, не входи!

— Сейчас настрою на ваш голос, — сказал я быстро. — Нет-нет, не войду. Если нужен свет, так и скажите: «Свет!», а чтобы погасить, скажете «Свет убрать!». И все. А я не зайду, ваше величество, вы зря что-то подумали обо мне такое лестное. Если совсем уж честно, то я вас побаиваюсь. Да что там побаиваюсь, вообще боюсь!

По ее губам промелькнула то ли гордая, то ли горькая, но вполне удовлетворенная улыбка.

— Так и надо.

— Наверное, — согласился я, — в нашем захудалом королевстве однажды Макиавелли написал труд «Государь», где задавался сложным вопросом, должны ли короли стремиться, чтобы их любили, или чтоб боялись...

— И что он решил?

Я пожал плечами.

— Смутно помню, что этот Макиавель долго и путанно рассуждал, рассуждал, все тянул и тянул из клопа резину... я все это пропустил, заглянул в самый конец, мне интригу и погони надо, а не рассуждения, как вот сейчас, а там вывод: хорошо, чтобы любили, но лучше, чтобы боялись!.. Блин, целую книгу написал, заработать больше хотел, воды целое море налил, хотя мог бы все в одной фразе сказать!.. Спокойной ночи, ваше величество. Где туалет, вы помните, а все остальное терпимо... Кстати, ваше величество...

Я замялся, она спросила с подозрением:

— Что еще?

Я проговорил осторожно и крайне почтительно, даже глазки опустил:

— Ваше величество, могу помочь вам раздеться...

Она повернула голову, смерила меня изумленным взглядом.

— Что с тобой?

Я промямлил:

— Но ваше платье... как я понимаю, зашнуровывают служанки... в смысле, фрейлины... или все-таки служанки?.. Я не силен в геральдике, но вы скажите, что делать...

— Убирайся, — сказала она холодно. — Я справлюсь.

Я отступил глубже в коридор, оттуда продолжил в том же диком замешательстве:

— Но там же невозможно... Хотя... простите, ваше величество, это я с понятиями моего мира... У нас королевы сами уже давно не одеваются... В общем, если захотите тайком пожрать, то, как уже видели, продукты в холодильнике... Пищалку я отключил, не выдаст.

Не дослушав, она захлопнула дверь, едва не прищепив мне нос. Вот так и заботься о королевах. Вообще самодержцы не самые лучшие гости. Как и собеседники тоже.

Зачем-то поклонился закрытой двери и отступил, упершись спиной в стену. Дверь захлопнулась, оставив меня в коридоре. Я скосил глаза в сторону гостиной, там на экране снова появилась Аня Межелайтис, вот уж забота о моем здоровье, жестикулирует в молчании, звук я отрубил, что-то ее щебетание уже раздражает, из всех моих френдов еще у двух такие же Ани, но френды серьезные и работающие, и Ани у них тоже серьезные, деловитые и постоянно подсказывающие что-то нужное и даже полезное, а моя только предлагает интимные утехи, это же сколько лет назад я ее запрограммировал такой, неужели еще год назад был таким повернутым?

Конечно, королева не подозревает, что видеокамеры теперь торчат везде, хотя задействовано не так уж и много, нет смысла следить за простым обывателем, если он даже пустую улицу переходит только на зеленый свет, но как только купит в магазине, к примеру, удобрения для подкормки растений, но которые можно использовать и для приготовления бомб, то сведения из магазина мгновенно включают все камеры в его доме, даже в ванной и в туалете.

Я небрежным взглядом включил все три камеры в гостевой спальне, вывел изображение на большой экран и деловито смотрел, как она раздевается, довольно интересно, не думал, что все так просто, потом встала нагишом перед зеркалом и придиричиво рассматривала грудь, поворачиваясь то одним боком, то другим, выпячивая ее и приподнимая обеими ладонями.

И хотя в моем мире подсматривать нормально, само слово «подсматривать» уже утратило негативный оттенок, как еще раньше исчезли такие понятия, как «развратная женщина», «безнравственный», но я сказал себе, что с нею все в порядке, головой в стену не бьется, никакого отчаяния, выключил камеры, хотя сам не понимаю, почему я, чудо природы и современный человек, потакаю диким обычаям средневековой женщины.

Спал несколько нервно, часто просыпался и прислушивался, но вроде бы не слышно истошных криков ужаса, это мне снятся всякие кошмары, а самый страшный, это будто вошел в спальню и полез к ней под одеяло, а там вместо голы королевы огромная кобра, тоже голая, с вот такими зубищами и раздвоенным языком!

Утром она вышла из гостевой комнаты свежая, величественно безмятежная, хотя лицо стало чуть строже, а скулы красиво заострились.

Я вежливо поклонился, пусть чувствует себя в своей тарелке, я, как бы все ее придворные и фрейлины, приседать не стал, но красиво развел руки в стороны.

— Доброе утро, ваше величество, — сказал я жизнерадостно. — Черти, надеюсь, не снились?.. На новом месте это бывает, привыкайте.

— Что такое, — произнесла она хорошо контролируемым голосом, — черти?

— Демоны, — пояснил я. — Местное название. Местечковое. Их везде по-разному называют, как и женщин. Но женщин все же чаще.

— Мне снилось только мое королевство, — ответила она величественно.

— Ох, то-то у вас лицо такое... королевское. Туалет прямо и направо, зубы чистить не будете, руки тоже можете не мыть, кто их теперь моет, а я к вашему триумфальному возвращению приготовлю завтрак...

Она высокомерно вскинула подбородок и, окинув меня сверху презрительным взглядом, пошла прямо и направо, а я заторопился на ту часть помещения, что зовется кухней, хотя какая это кухня, одно название, но раз уж пообещал к ее торжественному выходу из туалета что-то приготовить, то надо приготовить...

Она появилась достаточно быстро, что значит нет проблем с кишечником, лицо строгое и деловое, светских бесед не будет.

— Ваше величество, — сказал я почтительно, — позвольте, я придвину вам кресло... Вот так, усаживайтесь... Хочу сказать не в виде комплимента, а в качестве голого, как головастик, факта, я сотрясен и потрясен!

Она поинтересовалась без всякого интереса, ибо интересные могут быть только королевы и еще немножко короли:

— Чем?

— Что обходитесь без фрейлин, — пояснил я, — и слуганок. Мне казалось, это невозможно.

Она поморщилась.

— Это для ваших королев невозможно. Они родились на троне.

— А разве вы не...

Она ответила ясным голосом:

— Я родилась на троне, но мой отец часто бывал в походах и очень страдал, что рядом нет сына, которого бы учил. Мне было больно, страшно и тяжело, но я приучилась жить в шатре, есть солдатскую еду и даже скакать на коне. Это не утешило отца, но зато я усвоила уроки власти, что пригодилось, когда пришло время...

Она умолкла, я подождал чуть, однако королева продолжает завтракать в молчании. Я так же молча дивился дико быстрой, даже невероятно быстрой адаптации, сама взяла вилку и пользуется ею, почти как человек. Во всякой случае, не как обезьяна или слон за столом, что выполняют просто заученные действия, а она в самом деле ухватила и поняла целесообразность вот таких приспособлений, как вилка и столовый нож.

Я сказал вежливо:

— Да, это пригодилось вам даже очень. У вас ничего не пропадает даром, ваше величество?

Он посмотрела чуточку исподлобья.

— Ты на что-то намекаешь?

— Что вы, ваше величество! — воскликнул я. — Разве посмею?

— Посмеешь, — ответила она. — Ты дерзок и развязен. Несмотря на вроде бы почтительность, ты держишься без должного трепета перед королевой. Впрочем, это объяснимо...

— Правда? — переспросил я. — Ваше величество, вы меня убиваете... Мне так стыдно, так стыдно, хотя и не разумею, за что можно стыдиться в нашем прекрасно бесстыдном и свободном от всех моральных норм мире. Просто я очень чувствительный, даже перед собакой бывает стыдно, этому нас Чехов научил... Позвольте положить вам этот кусочек сыра па-де-ламанш! Он такой отвратительный, такой отвратительный, многие по нему с ума сходят!

Она с подозрением посмотрела на крохотный ломтик зеленоватого сыра, покрытого густой плесенью.

— В самом деле отвратительно. И это... едят?

— И большие деньги платят, — заверил я. — В благополучном и пристойном мире люди готовы платить сумасшедшие деньги, и не только деньги, чтобы ощутить неблагополучие и отыскать хоть что-то, что еще можно назвать бесстыдным, отвратительным и безнравственным!..

Она уже привычно поморщилась, хорошая защитная реакция на непонятные речи.

Печь мигнула и сказала щебечущим голосом:

— Готовы кракозан и улюлюк, а кека будет через две с половиной минуты!

— Обождем, — ответил я, повернулся к королеве, — обождем, ваше величество? А пока отведайте простой козий сыр по рецепту великого Целея, он за это получил Нобелевскую премию! Да-да, теперь высшие награды получают не какие-то там сраные ученые, а повара и клоуны... Не считая футболистов, понятно. Просто великолепно как на средневековый вкус!

Она умело наколола на острия вилки ломтик сыра, спросила с покровительственным интересом:

— У тебя все слуги женщины?

— Не все, — заверил я. Подумал, перебирая все приборы в доме, наконец сказал победно: — забор!.. Это самец!.. Еще какой, суровый, непреклонный, с мужским характером. Правда, он не разговаривает, но работу делает, как в каменоломне... не за столом будь помянута. Днем и ночью. Даже без флирта: нет — и все. Без всякой дискриминации по полу, возрасту или вероисповеданию!.. Но муравьев пропускает, им я дал особый доступ... Ваше величество, простите за умный вопрос, как я слышал, в провинции Нижних Долин магия процветает?

Она нахмурилась, я видел, вопрос неприятен, но уклоняться не стала, взглянула прямо.

— Природа человека такова, как говорила моя мать, всегда надеяться на удачу.

— У нас был один мир, — согласился и вздохнул, — и людишки те же.

— Успех, — продолжила, — скучно, а выпавшая удача сладостна... Вот и пытаются с помощью магии получить сразу все или хотя бы очень много.

— И как... удастся?

Она нахмурилась.

— К сожалению, некоторым удастся. И это служит дурным примером. Один что-то получает, но тысячи, глядя на него с завистью, забрасывают работу и семьи, проводят жизнь в бесплодных поисках и в старости приползают в пыли к городским воротам, умоляя подать кусок хлеба.

Я кивнул, она глубоко права, но как-то дико соглашаться с тираншей и самодержицей или даже самодержавницей, я подумал и спросил тихонько:

— Но ведь вы, ваше величество... что-то умеете? Или пусть не умеете, но какие-то защитные амулеты... для королей законы не писаны, так ведь?

Она покачала головой.

— Почти ничего. На королевей часто совершают покушения, потому членов королевской семьи обучают распознавать яды в еде и прятаться. И все.

— И то важно, — одобрил я. — Позвольте положить вам этот салат? Это ничего, что он не шевелится, эти существа очень вкусные, а ученые уверяют, что и полезные...

Она трапезовала некоторое время молча, потом спросила неожиданно:

— У тебя вся еда для женщин? А что мужчины у вас едят? Для них еда в другом месте?

— Каком другом, — пробормотал я, — это дискриминация, такого сразу в черные списки... У нас даже туалеты общие! Ваше величество, вы меня поставили, да, поставили. Даже не пойму, то ли в тупик, то ли на уши, то ли вообще в позу собирающей цветы тургеневской девушки...

Она насторожилась.

— В чем же?

— Это и мужская еда, — пояснил я. — Что делать, у нас такие мужчины... Гендерные различия стираются, некоторые вообще в платьях ходят.

Она брезгливо вздрогнула.

— Это же позор!

Я вздрогнул, съежился, посмотрел наверх и сказал громко:

— У нас все хорошо!.. Мы счастливы!.. Слава нашему гуманизму и либеразму!.. Ваше величество, позвольте предложить вашему высокому вниманию эти сорта мороженого... Ах, вы еще пирожные не оценили! Их можно назвать королевскими, вкус изысканный... наверное. Я даже в пиве не разбираюсь, если честно, хотя друзьям никогда не признаюсь, но вы не друг, к счастью... с вами могу быть откровенным. Или казаться таким.

Глава 15

Она неспешно взяла двумя пальчиками пирожное, медленно откусила, зубы ровные, белые и блестящие, соревнуются с жемчугом на ее шее.

— Изысканное, — согласилась она. — У тебя повара лучше моих. Ты, наверное, разворовал целый склад могущественного мага?

— Ваше величество, — сказал я с укором, — я так похож на вора?

Она осмотрела меня ясными глазами с головы до ног.

— Похож.

— Ваше величество!

— Тогда откуда столько чудесных вещей у такого, — она проглотила какое-то интересное слово, наверное, королевский комплимент высшей пробы, — что все делается по твоему велению?

Я почувствовал себя припертым к стене, посмотрел на нее с укором.

— Ваше величество!.. Не вы ли сказали, что стараетесь не вникать в то, что и как в нашем мире?.. У вас задачи поважнее, вернуться и спасти королевство! Которое без вас ну прямо рассыплется.

Она посерьезнела, вытерла пальцы о салфетку.

— Я бы взяла тебя к себе поваром. Хотя и стыдно мужчине быть таким умелым в приготовлении еды... но ты ведь бесстыжий, верно?

— Ваше величество!

— Ты сам так говорил, — напомнила она. — Теперь вижу, как низко пал ваш народ!.. Так изощряться в еде, какой позор...

Я поддакнул:

— Да, ваше величество, мы так низко пали, так низко рухнули... Вот бы вас к нам на трон, а? Вы бы всех в железный кулак, верно? Быстро бы отучили вкусно есть и хорошо одеваться!

Она нахмурилась, посмотрела с подозрением.

— Что-то не то говоришь. Вкусно есть и вот так изощряться в еде — не одно и то же.

— Ну да, — ответил я, — ну да... Хотя сермяжная правда где-то чувствуется, но не слишком ли это... гм... высоко?

— Все должны стремиться к высокому, — заявила она.

— Господи, — сказал я со вздохом. — Мало ли что мы должны! Я вон там даже на стене написал, что я должен, теперь если бы кто-то за меня все выполнил, я бы президентом и лауреатом Нобелевской стал!..

Она уже не слушала меня, по лицу проплыла тень, а голос прозвучал уже строже:

— Ты прав. Что-то придумал?

— Отчасти, — ответил я.

— Говори!

Я окинул ее внимательным взглядом, остановился на высокой груди, пусть думает, что рассматриваю узоры и сверкающие камешки.

— У вас это просто драгоценности? Или есть среди них... магические?

Она чуть помедлила с ответом.

— Да, просто драгоценности.

Мне показалось, что врет, хотя смотрит прямо, а взгляд честный, но не секрет, что женщины умеют не только врать честно и вдохновенно, а и вообще умеют то, что нам, честным мужчинам и вообще людям, и не снилось.

— Жаль, — сказал я, — а то бы можно как-то посигнать Рундельштотту. Не передать снова, а просто помигать или постучать. Чтобы он сообразил, что мы живы и пытаемся вернуться. Я имею в виду, если поставить подзарядник с этой стороны портала...

Она спросила быстро:

— Что это?

— Чтобы заработало Зеркало Древних, — пояснил я, — Рундельштотту пришлось не только восстановить его работоспособность, простите за тавтологию... нет, я не знаю, что это, но так говорят... но и обеспечить энергией! Он восстановил и запустил, но энергии хватило только на пару минут...

— Дальше, — потребовала она. — Говори дальше.

— Что, — сказал я медленно, — если попробовать добавить ему... этой, так сказать, простонародное слово, силушки? Моченьки?

— Как?

— У нас есть универсальные накопители, — пояснил я. — Не у меня, а вообще. Есть и у меня, но слишком слабенькие. Вот в мобильнике, к примеру... И еще беспроводная подзарядка вполне... На сто метров — с гарантией! А толщина портала... даже не знаю, микроны. Если он снова запустит с той стороны...

Она в волнении не поднялась, а почти вскочила с кресла, хотя по-прежнему по-королевски властно и напористо.

— Так сделай это!

Я помотал головой.

— Во-первых, это не теория, а гипотеза. Даже догадка. Может быть, даже не гениальная, у меня бывают и такие, попроще... Во-вторых...

— Ну-ну, — поторопила она.

— Кто знает, — проговорил я, — какую энергию потребует Зеркало Древних? Боюсь, нужно начинать с доступного нам максимума...

— Так начинай!

Я посмотрел в ее ясные глаза, ни тени сомнения, что нужно только приказать, и все будет исполнено.

— Ваше величество...

— Говори!

Я подумал, прикинул стоимость мощного трансформатора, даже без гугла знаю, социалка не покроет.

— Нет, — сказал я. — Увы и ах, но не получится.

— Почему?

— Он стоит кучу денег, — пояснил я. — А я человек романтично бедный, свободный художник, странствующий рыцарь, поющий дервиш... выбирайте, что нравится, но у таких не бывает денег, даже если они бывшие принцы или короли, такое уже бывало в смешной истории человечества.

Она сказала в королевском нетерпении:

— Говори яснее!

— Как бы это сказать, — произнес я. — Думаю, даже королям иногда недостает средств, чтобы закончить победоносную войну или даже начать. Вон у нас Кёльнский собор четыреста лет строили, все денег не доставало... или разворовывали? Так вот, ваше величество, я даже не король, вдруг если вы не знаете.

Она посмотрела исподлобья.

— Тебе недостает средств?

Я скромно потупил глазки.

— Совершенно верно. Как всем существам на свете. Только мне больше всех... хотя я в них и не нуждаюсь, я бедный, потому что...

— Дурак? — досказала она.

— Честный, — возразил я с достоинством бедного художника. — А честные всегда бедные.

Она спросила в нетерпении:

— Сколько требуется?

— Не знаю, — ответил я честно. — Мне хватало накопителя в моем мобильнике. Но тут нужен покрупнее и помощнее. Даже не представляю, насколько. А это дорого.

Она спросила быстро:

— А как у вас получают деньги?.. Зарабатывают, воруют, грабят, продают поместья и замки родителей?

Я пробормотал:

— Все способы существуют, но у всех серьезные изъяны. Зарабатывать пришлось бы лет сто... я же безработный, грабить непросто, за всеми следят постоянно, продать тоже нечего...

Она на миг задумалась.

— А если есть? В вашем мире демонов как относятся... к бриллиантам?

— Бриллианты форева, — ответил я, — они вечны и неизменны в этом мире, хотя цена и колеблется, но чуть-чуть. Вместе с колебаниями генеральной линии партии, так теперь именуют рынок.

Она взглянула мне в глаза.

— Ты уже догадался, вижу. Возьми вот этот, с рукава. Если недостаточно, возьмишь больше. Даже все!.. Мне очень важно вернуться как можно быстрее.

— Да, — сказал я поспешно, пряча глаза, — бриллианты у вас еще будут. Все королевство ваше... Ваше величество, я возьму с вашего разрешения эту штуку, что вы любезно предложили. Пусть его оценят, а там увидим...

Она передала мне этот блестящий ограненный камешек в затейливой оправе, наши пальцы на мгновение

соприкоснулись, я ощутил холод, словно потрогал лапу земноводного.

— Тебе надо будет уехать?

Я помотал головой.

— Нет, покажу прямо сейчас...

Она произнесла просто и по-королевски:

— Отдаю все украшения с платья, а также серьги и ожерелье. Это самое дорогое, что есть в королевстве Нижних Долин.

— Ваше величество, — произнес я в сильнейшем смущении, — это как-то нехорошо лишать женщину самого ценного в ее жизни... вы за эти побрякушки убить можете, но я готов рискнуть и попытаться с вашего позволения и одобрения такого святотатства. Этот бриллиант, не самый крупный и заметный, я отнесу в ювелирный... В смысле, покажу... Ох, что я несу, вы меня смутили, ваше величество...

— Соберись, — велела она резко.

— Хорошо, — ответил я, — отдохните в гостиной, а я пока пообщаюсь с ювелирами... Если насобираем денег, то можно купить и мощный трансформатор. Если поставить у той стены, откуда мы вывалились... то...

— Что? — спросила она в королевском нетерпении. — Ну?

— Думаю, ваше величество, — отрезал я сердито. — Мужчины часто думают, не знали? Это у женщин все на рефлексах. Ладно, на алгоритмах... А мы все думаем и думаем, и вовсе не всегда о том самом, в чем нас постоянно обвиняют люди так называемого искусства, три ха-ха! Если трансформатор заработает во всю мощь, то есть шансы, передаваемая им энергия поддержит работу угасающей установки Рундельштотта?

Она покачала головой.

— Ничего не поняла, но это не важно. Ты мужчина, тебе решать. Что нужно, чтобы купить этот транс... транс...

— Форматор, — подсказал я. — Он формирует пространство. Хотя бы в одном-единственном параметре. Электрическом поле, что часть нашего мира. Как и вашего, кстати. И если эта идея осуществима...

Она сказала резко:

— А другие есть? Нет. Тогда давай быстро купи этот форматор!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Поиск по инету выдал сотню ювелирных контор, я положил на стол бриллиант и дал на экран увеличение. Через долгую минуту, пока программы рассматривали, сверяли и оценивали, на экране появилось улыбающееся и крайне доброжелательное лицо типичного менеджера средней руки.

— Ганс Перепеляк, — представился он. — Фирма по закупке, огранке и продаже драгоценных камней. Вы хотите предложить этот камешек для продажи?

— Уже предложил, — сообщил я.

Он с заметным интересом начал рассматривать камешек, поворачивая его изображение во все стороны, увеличивал и отодвигал, поморщился, что оправка из золота чуточку закрывает одну сторону, наконец повернулся ко мне и приятно улыбнулся.

— Прекрасно. Интересная вещица. У вас есть на нее документ?

Я пожал плечами.

— Я что, похож на человека, кто хранит документы? Для того есть всякие там службы.

Он улыбнулся.

— Да-да, теперь такой замечательный сервис даже со стороны бюджетных структур... А история покупок?

Я покачал головой.

— Шутите?

Он улыбнулся еще дружелюбнее.

— Тогда хотя бы чек?

— Эта вещь досталась мне от бабушки, — сообщил я, повторяя слова королевы. — А ей от ее бабушки.

Он вздохнул, развел руками.

— Боюсь, тогда...

Я сказал:

— Спасибо, до свиданья...

Он вскрикнул:

— Погодите, я не закончил! Мы все-таки сможем оценить и купить у вас. Но, как понимаете, многие покупатели желают получить на руки и подробную историю своих драгоценностей. Чудаки, верно? Им почему-то льстит, что те переходили из рук индийских раджей в руки монголов, а потом побывали у крестоносцев, у Борджиа или Сфорца...

Я буркнул:

— Понимаю.

Он закончил:

— ...потому круг покупателей значительно сужается. Ими могут быть только те продвинутые и прогрессивные личности, кто не обращает внимания на историю. А таких еще мало, хотя становится все больше. Трансгуманисты на марше к постчеловеку, слышали?

— Да кто о них не слышал, — буркнул я. — Своего в президенты выдвигают, Данилу Медведева... Во сколько оцениваете? Я хотел бы продать как можно скорее. Что делать, деньги нужны срочно. Но это не значит, что отдам даром. Вон у меня в списке еще двести тридцать контор...

Он улыбнулся.

— Они слабее. И связаны предрассудками в деле покупок. К тому же не настолько... гм... предприимчивы. Вы заметили, что мы отозвались первыми?

— Заметил, — ответил я нетерпеливо. — Сколько?

— Примерно, — сказал он задумчиво, — от трех тысяч аянкоинтов до восьмидесяти тысяч семисот... Разброс большой, но по внешнему виду и если вот так простым глазом... Вам нужно прибыть в нашу контору лично. Там определим цену уже точнее. Если вас устроит, то сразу и переведем на ваш счет.

Я всячески старался сдерживать ликование, произнес сдержанно:

— Хорошо. Прибуду через полчаса.

Экран погас, королева некоторое время с тревогой смотрела на темную стену, по моему щелчку там сперва появился роскошный сад, но я покосился на ее напряженное лицо и превратил телестену в простую стену.

Она произнесла ровно:

— Ничего не поняла. Он покупает?

— Да, — ответил я. — Блин, никогда не думал, что эти ерундишки на ваших платьях могут стоять так дорого!

— На формер хватит? — спросила она.

— Штук на пять, — ответил я. — А у вас есть что-то подешевле?

Она посмотрела на меня свысока.

— Я королева!

— Простите, ваше величество, — сказал я с язвительным смирением, — конечно же, у вас все должно быть лучшее. Сожалею, ваше величество, но мне придется оставить вас на время... и вам на радость.

— Надолго?

— Надеюсь, — ответил я, — не очень. А вас пока пусть развлекает мой ящеренок Вася. Или Буся... Ладно, потом придумаю имя. Я же бедный, у меня даже собаки нет, а я всегда так хотел собаку...

Она сказала в нетерпении:

— Не тяни время, езжай. Королевство в опасности!.. Кстати, а через твои удивительные зеркала... не можешь? У тебя их больше, чем в моем дворце!

Я покачал головой.

— У нас Зеркала Наблюдения, а не Перемещений, как было у вас в седой и непонятной древности. Можно только смотреть, но не шупать... А жалко, правда?

— Это хорошо, — ответила она, — а то слишком уж вы...

— Могушественны? — спросил я с самодовольством.

— Это опасно, — отрезала она.

Звякнул сигнал вызова, на экран выплыло лицо сравнительно молодой женщины, величественно красивой, хотя по старым видеозаписям в молодости была еще та оторва, травку курила, по подъездам и паркам вязалась с кем ни попадя, а теперь вот такая леди.

Говорят же, когда черт постарел, в монахи пошел, так и моя мама теперь такая строгая, благочинная и правильная, что вокруг мухи дохнут в радиусе ста метров, а цветы вянут. И одевается так, как во времена Тургенева. Тем более, что сейчас всемоде: каждый одет во что изволит, да еще и заявляет гордо, что это его собственное дизайнерское решение.

Я согнул указательный палец, словно выстрелил, женское лицо сразу ожило, губы растянулись в приветливую улыбку, а глаза ну прямо излучают любовь

— Привет!

— Здравствуй, мама, — сказал я покорно. — Как жизнь?

— Лучше скажи, — спросила она, — как твоя? Вижу, дом перестроил?

— Социалка, — объяснил я. — Ничего особенного.

— А машина?

Я охнул.

— Когда ты ее углядела?

Она сказала с укором:

— Сынок, мамы обязаны видеть. Думаешь, я совсем не умею пользоваться счёчем?.. Пока не передам тебя в руки другой женщины, за тебя отвечаю я.

— Почему?

Она отрезала:

— Мы, женщины, так устроены!

— Машина тоже по социалке, — ответил я нехотя. — Она ж растет с каждым годом на двенадцать процентов.

Она заговорщицки улыбнулась.

— Сынок, я видела в твоём дворе женщину... Нет-нет, я не подключена к твоей системе наблюдения, что ты! Это все со спутника, видела ее во дворе... Рассмотреть не рассмотрела, но раз уж ты к ее приезду так решительно сменил весь дом, а не просто подмел...

— Мама, — воскликнул я, — это совпало! А дом меняли уже при ней!

Она покачала головой.

— Я не верю в совпадения. Когда я сказала твоему отцу, он сразу же захотел приехать.

— Мама!

— Не мамай, — отрезала он сурово, — я уже сказала и повторю еще раз: мы успокоимся за тебя, когда передадим с рук в руки надежной женщине. Вы, мужчины, без нас ничего не можете!.. Так что сейчас выезжаем.

Я вскрикнул:

— Мама, не смей!.. Ты все испортишь!

Она вскинула брови, всматриваясь в меня с настороженностью во взгляде.

— Что испорчу? Ты ее обманываешь?.. Сынок, это нехорошо, хоть и нужно.

Я сказал с жаром:

— Мама, у нас заключительный этап очень трудной работы!.. Вот закончим, тогда и. А пока не. Патамушта. Как-то вот так. Ну, ты поняла.

Она смотрела с недоверием.

— Это что за... работа? Как-то не могу представить, что можешь быть связан с какими-то секретами.

Я ответил, морщась, как от зубной боли:

— Это не секреты... но требует огромной сосредоточенности. Просто огромной и постоянной!.. Нельзя выходить из роли ни на секунду. Сразу же штрафные очки...

Она насторожилась.

— Что за роль? Снова косплей?

— Бери выше, — сказал я и добавил в голос торжественности: — Это актриса! Ей осталось всего сутки, чтобы закончить пробу. Я очень хочу, чтобы получила роль королевы Орландии!

Она сказала с удивлением:

— А мы чем помешаем? Мы любим искусство. Я в детстве «Муму» читала и плакала!

Я воскликнул:

— Мама!.. Ты как будто и не знаешь о тотальном наблюдении!.. Мы привыкли и не обращаем внимания, раз наблюдают не люди, а программы, а им все равно, чешем себе живот или соседу гениталии, они реагируют только на оружие, наркотики и противозаконные действия, а вот в кастинге требования строже...

— Ну-ну?

— Неделю должна вести себя как королева, — пояснил я. — Всюду, везде, со всеми! Чтобы войти в роль. Сериал рассчитан на три сезона по двадцать четыре серии в каждом, это изнурительная нагрузка и заранее требует полной отдачи! Если пойдет хорошо, продлят по просьбе

зрителей, так называются теперь результаты кассовых сборов. А это такая ответственность! Потому и предварительные требования. Та актриса, что будет выбрана в конце этого испытания, должна играть королеву в течение трех лет и не подписывать никакие другие контракты!

Видно было, как из соседней комнаты вышел отец, хоть он не отец в том старом смысле, прислушался, обронил осторожно:

— Евгений, это большие деньги.

— Что деньги, — возразила мать, — это же какая будет слава! Она уже играла где-нибудь?

— Для этого сериала, — объяснил я, — решено набрать совершенно новых актеров, которые играли только в театрах и потому широкой публике неизвестны. Сейчас кто ходит в театры? Новых хотят потому, что у каждого известного актера уже свой образ, и когда на экран выйдет королева Орландии, нужно, чтобы все видели только королеву, а не Аню Межелайтис в роли королевы!

— Разумно, — согласилась она. — А то да, появление именитых актеров вносит диссонанс. Некоторый. Сначала всегда замечаешь, что это тот же, который играл там-то и там-то... Потом половину фильма привыкаешь. А с новыми сживаешься сразу, это да, заметила.

— Вкладывают огромные деньги, — напомнил я, — выстроят настоящие замки...

Я запнулся, однако мать кивнула с экрана с полным пониманием на лице.

— Да-да, когда вкладываются такие деньги, актеры не должны отвлекаться ни на что, кроме работы... Хорошо, мы будем к ней обращаться, как к королеве. И пусть видеокамеры фиксируют каждый шаг и каждое слово, мы ничего не испортим.

— Испортите, — сказал я решительно. — Одновременно будете улыбаться, а то и хихикать. Нет уж, не надо. Я не хочу испортить ее карьеру!

Она посмотрела на меня с незнакомым выражением.

— Сынок, а это у тебя серьезно?

— Мама, — сказал я нервно, — с чего ты взяла?

— Ты так ее защищаешь, — заметила она. — Так переживаешь за нее. Ты никогда ни за кого не переживал...

Я запнулся, сказал медленно, подбирая слова:

— Просто и я подвязан в том проекте... Не могу пока посвятить в подробности, все пока очень шатко, тьфу-тьфу, не сглазить бы!.. но если у нее получится, то выйдет и у меня, я там отвечаю за некоторые детали... очень серьезные детали...

Она охнула, а отец сказал с недоверием и надеждой:

— Никак работу получил? Или хотя бы пообещали?

Я кивнул.

— Можно сказать, получил. И не улицу подметать! Я пока ничего не могу сказать, но впереди перспективы как бы да. Потому я вцепился вот так!

Они переглянулись, отец сказал очень серьезно:

— Сынок, держись. Удача не стучит дважды. Не откроешь двери сразу, обидится и уже не придет.

Я взглянул на часы, охнул.

— Мама, прости, не могу болтать, убегаю! Дела, дела...

— Чмок, — сказала она.

Я выскочил за двери, понимая, что смотрит сейчас через систему спутникового наблюдения, как выхожу, бегу к гаражу, где уже услужливо исчезла с дороги дверь, а новенький «Мэджести» выкатывается на брусчатку.

Глава 2

Королева подошла к окну, я видел ее бледное лицо с темными провалами на месте глаз, даже мелькнула мысль взять ее с собой. Посидит в автомобиле, пока продаю бриллиант. На ее наряд никто не обратит внимания. Сейчас народ, одурев от безделья, всюду ударился в маскарады, косплеи, реконструкции, а сама мода вообще сошла с ума, уже и не мода, что-то вовсе непристойное: наряды от звериных шкур до космических костюмов, как их представляют умники, но больше всего, конечно, костюмов из средних веков, эпохи просвещения и колониальных времен с их дикими шляпками и вздернутым задом.

Дверь «Мэджести» распахнулась только слева, автомобиль уже настроился на меня и следит, сколько человек со мной, хозяином.

Я привычно сел за руль, рука потянулась к ключу зажигания, но напомнил себе, что это уже новая модель.

— Центр, — сказал я, — улица Ингрид, двадцать один.

Мягкий женский голос, просто постельный, ответил быстро:

— Принято. Выполняю.

Я откинулся на спинку кресла, еще поколение, и эти рули с баранкой вообще уберут, но пока что вот так. Впрочем, сами автомобили сперва почти не отличались от карет.

Автомобиль ринулся к распахнувшимся воротам, а я, развернув трубочку планшета и отыскав список всех существующих в продаже трансформаторов, углубился в описание характеристик и возможностей.

Автомобиль прет с такой скоростью, что придорожные столбы мелькают, как спицы в колесе велосипеда.

Рекламные щиты появляются далеко-далеко и через мгновение остаются позади, только и успеваешь понять, что там вроде бы буквы и как будто некая картинка.

Вообще мир не успевает перестраиваться одновременно: что-то в нем уже из сегодняшнего дня, даже из будущего, но большинство объектов и явлений дожило чуть ли не со средних веков.

На въезде в город пошли широкие развязки над магистралью, но мой авто прет по прямой, лишь ближе к центру чуточку попетлял, постоянно сверяясь по спутниковой связи с обстановкой на дороге, наконец тот же милый женский голосок интимно прошептал:

— Конечная остановка через три минуты семнадцать секунд... Отсутствовать будете долго?

— Что, — спросил я, — надо масло сменить?

— Нет, — игриво ответил женский голосок, — но в баке меньше половины. Заправиться?

— Если недолго, — ответил я. — Не люблю ждать даже женщин.

— Спасибо, — пискнула она.

Стоянка рядом, но авто остановилось у бордюра, где на той стороне тротуара высокий добротный дом с вывеской «Ганс Перепеляк, золото и драгоценности», и едва я вышел, тут же отъехало и понеслось к ближайшей автозаправке.

Надо на теслу переходить, мелькнула мысль. Жаль, социалка не покрывает, дорого, зато сразу бы все подружки увидели, едет хозяин жизни...

Ювелирный Перепеляка издали больше похож на банк, чем на магазин, такое же величаво громоздкое обрамление, чуточку помпезно, что и понятно, кому на хрен нужны теперь эти бриллианты, это для консервативной элиты.

Дверь открылась сама, но с той стороны я почти уперся в грудь настоящего живого охранника в форме и с кобурой, какой анахронизм, хотя достаточно крутой анахронизм, на меня посмотрел таким взглядом, что даже спрятанный перочинный ножик сразу бы высветился на его экране.

Я прошел по красной дорожке к прилавку, с той стороны все еще эффектно красивая женщина.

На меня взглянула с сомнением, словно я забежал переждать дождь по дороге к пивному бару, но проговорила красивым звучным голосом:

— Добро пожаловать в «Ганс Перепеляк». Что-то желаете особое? Для себя или женщины?

— Да, — ответил я. — Желаю. Для себя женщин. Меня пригласил ваш Ганс, который еще и Перепеляк.

Она смотрела на меня все еще с сомнением, поднесла руку к уху и пошевелила пальцами.

— Пан Перепеляк?.. Здесь посетитель, уверяет, что пришел именно к вам лично... Серьезно?.. Тогда предложить ему кофе?.. Коньяк?.. Сразу к вам?.. Хорошо-хорошо...

Опустив руку, улыбнулась мне так, словно только что очень довольная встала из моей постели.

— Пан Перепеляк ждет вас в кабинете. Вторая дверь налево.

— Спасибо, — ответил я и тоже посмотрел на нее так, словно хочу позволить ей залезть туда снова. — Налево... это хорошо.

Она улыбнулась понимающе, люблю женщин, которые все понимают с полуслова, а я прошел по короткому коридорчику, где с ходу толкнул вторую дверь с левой стороны.

Кабинет пана Перепеляка это что-то вроде помещения для совещания банкиров, величественное, роскош-

ное, постоянно напоминающее, что нищевродством здесь и не пахнет, люди появляются только солидные и значимые.

Он живо вскочил из кресла, весь кругломорденький и приятно улыбающийся, быстро указал на кресло с моей стороны стола.

— Рад вас видеть вживую!.. Пожалуйста, присядьте... У вас с собой то, что хотите показать нам?

Я ответил легко:

— Не только показать, могу и предложить. Если, конечно, цена будет соответствующая.

Он приятно улыбнулся.

— Вы сами как-то уже оценили для себя?

— Нет, — ответил я честно. — Мне нужны деньги для дела, потому я погуглил насчет оборудования, что мне понадобится. Вот от той суммы я и пляшу.

Он заулыбался еще дружелюбнее.

— Прекрасно, прекрасно! Деньги нужно вкладывать в дело, чтобы они приносили еще больше денег. И какая сумма вам потребовалась?

Я тоже улыбнулся.

— А вдруг вы на моих конкурентов работаете? Потому лучше промолчу. А мой камешек вот...

Я поставил на стол деревянную коробочку, в которой когда-то хранил мелкие гвозди. Крышка отщелкнулась, я вытащил завернутый в носовой платок бриллиант с золотым ободком с краю, вообще-то ничего так стекляшка, но все-таки не понимаю, почему их вообще покупают.

Пан Перепеляк впился взглядом, лицо чуть изменилось, я успел увидеть восторг, но когда он заговорил, голос прозвучал почти равнодушно:

— Позвольте, мы рассмотрим поподробнее...

Я внимательно наблюдал, как он аккуратно сдвинул бриллиант на пару дюймов левее, под ним загорелся свет,

вся столешница — сплошной экран, да не просто экран, а нечто сканирующее и осматривающее.

На стене вспыхнул еще экран, мой бриллиант появился там во всей красе, а рядом побежали цифры, масса цифр и букв, я только успел понять, что там сколько-то каратов, какой-то необычный цвет или оттенок цвета, преломление... и много чего еще.

Перепеляк всматривался в быстро сменяющиеся цифры с каменным выражением лица, уже понимает, что имеет дело с лохом, профи по этим цифрам понял бы то, что и он, а я, сразу видно, смотрю как баран на алгебру.

— Прекрасно, — произнес он со вкусом. — Вы не ошиблись, что принесли этот камешек. Он достаточно ценный, хотя, конечно, мелковат, да и примеси в нем есть, сами видите... Но нет трещин, что хорошо, иначе цена упала бы совсем...

Я вздохнул.

— Жаль. Ладно, пойду в другой ювелирный. Авось, там не такие высокие специалисты, как вы. Вдруг да не заметят примесей, дадут больше.

Он запротестовал живо:

— Погодите-погодите!.. Вы еще не слышали самое главное!

— Слушаю, — ответил я любезно.

— Мы даем десять тысяч аянокointов, — сообщил он победно.

Сердце мое дрогнуло, сумасшедшие деньги, но усилием воли заставил себя поморщиться.

— Это несерьезно. На карманные расходы разве что... Нет, такая цена не устраивает...

— А что хотели вы?

Я покачал головой.

— Слишком далеко от ожидаемой. Даже торговаться бессмысленно.

Он вздохнул, развел руками.

— Ладно, я готов рискнуть и заплатить в самом деле сумасшедшие деньги... но только потому, что бриллианта с такими характеристиками просто нет в нашей коллекции. Есть крупнее, есть ярче, есть с дивными вкраплениями, но этот чем-то уникален... И даже оправа отдает невероятной стариной, наши анализаторы зашкалили.

— Сколько? — спросил я с деланным безразличием.

— Сто пятнадцать тысяч аянкоинтов, — ответил он со вздохом. — Хозяева выгонят меня с работы, но... просто не могу удержаться! Я эстет, люблю эти камни чисто и бескорыстно...

— Двести тысяч, — сказал я твердо. Взглянул на его лицо и добавил великодушно: — В результате долгого и отвратительного торга могу скинуть до ста восьмидесяти, но ни одним коинтом меньше!

Он заколебался, на лице отразилась целая гамма чувств, наконец сказал с тяжелым вздохом:

— Хорошо, ваша взяла... Сто восемьдесят тысяч!.. Опустите вот сюда на панель ладонь... подождите десять секунд... когда такие суммы, то сверяются по всем протоколам...

Его взгляд то и дело упирался в экран на стене, наконец там вспыхнуло: «Трансфер завершен».

Я поднялся, а он торопливо сгреб бриллиант, проигнорировав платок и коробочку, сунул в бронированный сейф и закрыл с металлическим лязгом.

— Поздравляю с удачной продажей!

— А вас с удачной покупкой, — ответил я.

Мы по старинке пожали друг другу руки, он сказал доверительно:

— Если у вас вдруг появятся как-то еще подобные... вещи, то мы всегда открыты для таких клиентов!

— Спасибо, — ответил я, — буду иметь в виду.

Он лично проводил меня до выхода из магазина, красotka за прилавком смотрела на него и меня с изумлением.

Авто уже на стоянке, а когда увидело меня, тут же сорвалось с места, подкатило и распахнуло дверку с левой стороны.

Пан Перепеляк сказал одобрительно:

— Вы правильно сделали, подъехав на такой бюджетной модели. Никто не заподозрит, что ворочаете солидными суммами.

— Маскировка, — ответил я солидно, — великое дело.

Мы еще раз пожали друг другу руки, он сам придержал для меня дверцу, хотя в этом нет необходимости, просто жест уважения, я кивнул, и автомобиль начал разворачиваться к выезду на шоссе.

В зеркало заднего вида я успел увидеть, как этот гусь покачал головой, а потом словно бы кивнул в мою сторону. Пустяк, конечно, но моя трусливая душа сразу же беспокожно заскреблась.

Глава 3

Прогодал, конечно, сильно, теперь понимаю, можно было выдавить сумму в полтора раза выше, это я увидел по его торговому лицу, когда он дал слабину и прятал бриллиант в сейф с некоторой поспешностью, ну да ладно, я всегда такой умный, такой умный потом, на лестнице, а то и на улице, это для таких мудрых поговорка насчет крепких задним умом.

Хотя, конечно, обидновато, на эту сумму мог бы купить пять самых мощных трансформаторов. Ну да ладно, где наша не пропадала, обдирайте, гады, интеллигентно-

го человека, я оптимист, всегда найду себе утешение в любом положении, просто расслаблюсь и постараюсь получить удовольствие, а их потом пусть совесть мучает.

Охранный комплекс не стал останавливать на въезде в поселок и спрашивать, к кому и зачем, значит, еще при выезде занес параметры моей новой машины в память и теперь сразу поднял шлагбаум, заведя нас издали.

Ворота моего участка тоже распахнулись моментально, а фонтаны ударили выше и окрасились празднично-красным, ну еще бы, это же я прибыл, природа должна ликовать, а то могу перекрыть ей воду или что-то еще весьма важное.

Сердце немножко сжалось, в гараже пусто, моя «Инфинити» ушла тихонько, чтобы не травмировать грубую нежную душу хозяина. Это людей я не очень жалую, а животных и свою машину люблю нежно, они же зависят от нас в этом жестоком неуютном мире.

Двери открылись красиво, как перед королем, я быстро шагнул в холл и ликующе заорал:

— Ваше величество! Грандиозная победа!.. Наши шансы растут, как грибы в Чернобыле после теплого дождя!

Королевы нет, то ли в туалете, то ли пытается понять, как тут пользуются ванной, я вошел в гостиную, огляделся.

— Ау, ваша величество!.. Коза пришла, молока принесла... Вы где?

Быстро заглянул за высокую спинку дивана, могла задремать на таком уютном сиденье, но там пусто, торопливо ринулся к комнатке для гостей, тоже никого, с чувством нарастающей паники огляделся...

— Ваше величество!..

Охнул, чувствуя, как похолодело внутри, пометался по всему дому, заглядывая во все щели и чуть ли не под половички, наконец догадался крикнуть:

— Аня!.. Не ты, а Межелайтис!

Миловидная девушка в модном стиле сю-сю исчезла с экрана, вместо нее появилась моя Аня, сочная и раскованная, провоцирующе облизала пухлые губы и промурлыкала крайне эротично:

— Мой господин желает остудить жар в его чреслах?

— Иди в жопу, — сказал я сердито, — мне как-то не до шуточек. Где королева?

Она вскинула брови в безмерном изумлении.

— Изволила удалиться... Крайне красиво, я бы сказала, если бы имела такое право от своего господина и повелителя. И вообще какие-нибудь права насчет избирать и быть избранной...

Я вскрикнул:

— Куда удалилась?

Она хихикнула.

— Не сообщила.

— Но, — закричал я, — как?

— Разве не вы сменили дом, — ответила она чуть обиженным голосом. — Но, дорогой, может быть, я сумею утешить?.. Я знаю все-все ваши грязные и потаенные желания... И даже те, о которых вы и не догадываетесь, но они у вас упрятаны между восьмым и девятым позвонками в нервном узле под названием...

— Заткнись, — прорычал я. — А пароли?

— Предыдущая система, — пояснила она уже чуть более деловым, но все еще эротичным голосом, — слишком стара и несовместима с новой, что базируется на иной архитектуре, не говоря уже про операцию. Потому все пароли придется ввести снова, если вы еще помните... Или же придумаете новые. Я могу помочь даже в этом

деле, я вообще могу помогать не только в интимае, вы и не знали?

Я со злостью ударил кулаком по столешнице.

— Но как ее могли выпустить?

Она сказала обиженно:

— А вы дали распоряжения насчет сохранения всех паролей и переноса на новую систему?

Я сказал зло:

— А ты на что? Только о сексе думаешь! Не стыдно? У всех операционные системы, как системы, а у меня шалава какая-то...

Она пропела нежно:

— Хозяин, я автоматически подстраиваюсь под ваши высказанные запросы... Но знаю и про остальные, которые вы стыдитесь выхрюкивать даже мне. Но как раз мне можно все... Приступить?

— Да, — ответил я. — Дура, приступай к ее поиску, а не! А ворота как и почему выпустили?

— Новая электроника, — напомнила она. — Ваша спутница по дефолту автоматически включена в круг лиц, у которых полный доступ.

— Полный доступ и полный выступ, — прорычал я зло. — Блин, я даже родителям не даю полный! Это от дорогого и любимого правительства у меня нет тайн... вы слышите там, я всем доволен!.. а от родителей... тем более от женщин... эх, давай быстро ищи!

Она спросила деловито:

— Начать с аварий на дорогах?.. Это сократит поиск.

— Везде, — прорычал я. — Кто знает, куда занесет эту дуру и где вляпается!

Она подтвердила довольным голосом:

— Мы непредсказуемы, мой повелитель. Может быть, пока ищу, могу и о вас позаботиться? У меня параллельные вычисления, пойдете на сопроцессоре. Лю-

бые причуды... У мужчин вообще-то убогая фантазия, все на автомате, но у вас будет более четкое мышление... Я же о вас забочусь, это моя обязанность! Гормональное равновесие просто необходимо, особенно в вашем странном возрасте...

Я промолчал, она щебечет, но на скорости поиска это не сказывается, на экране в сумасшедшем темпе мелькают лица, картинки с мест, куски видео, хотя я вижу только мерцающий серый свет. Аня способна обрабатывать и распознавать десятки миллионов изображений в секунду, одновременно могла бы заниматься моими потаенными желаниями, что за хрень, я же весь открыт, откуда у меня потаенные, и что они за... нет, лучше не вникать, не погружаться и вообще об этом не думать. Вниз опускаться можно стремительно, это взбираться вверх тяжело и скучно.

Блин, вообще-то сам виноват, электроника сама обо всем заботится, но это если уже настроена, а когда покупаешь новую, то натрахаешься так, что думаешь со злостью, а надо ли было менять...

В поселок попасть действительно трудно, зато выйти легко, программа распознавания лиц на въезде уже получила от моего слишком умного и чересчур услужливого дома ее портрет и характеристики, проверила по всем базам, никаких преступлений не числится, не замешана и не привлекалась, столовые ложки не сперла, потому шлагбаум любезно поднялся, выпуская ее на просторы.

— Морги и больницы проверь, — велел я.

— Но там же...

Я прервал:

— У нее нет уничица, пойдет как неопознанный труп... Ох, только не труп! Ну куда эту дуру могло занести?..

Она доложила почти совсем деловым голосом, все время мониторит мой пульс, давление, уровень сахара и прочую ерунду:

— В моргах неопознанных нет, в больницы тоже не поступали... Милый, успокойся, у тебя подскочило... прямо подпрыгнуло давление!

— Хрен с ним, — бросил я. — Ищи, морда, ищи!

— Я обижусь, — ответила она таким капризным голосом, что я понял, давление если и подскочило, то чуть-чуть. — Мое лицо рендерил сам Лебедев!.. Да, тот самый!

— На дорогах хорошо смотрела? — прорычал я. — В нашем регионе еще треть идиотов, у кого нет автоводителя!

— Идиоты, — согласилась она и посмотрела на меня намекающе.

— Точно не успеют затормозить, — сказал я с тоской, — если на дороге неожиданно появится человек или женщина... а сворачивать в канаву не станут, сейчас все демократы и берегут себя еще как...

— Грубый ты, Юджин, — сказала она еще капризнее. — Как я еще от тебя не ушла?.. Вот только некуда... Разве что в виртуальный мир?.. Оп-па, что-то есть!

Я подпрыгнул.

— Где?

Она ответила с короткой паузой:

— Вхожу в их систему наблюдения... Сейчас выведу на большой экран...

Замелькали куски видео, сейчас этих камер наткано везде столько, что тебя снимают с разных углов, я охнул: королева с распущенными волосами, впервые увидел их во всем страшном великолепии: черные, блестящие, победные, длинные и густые, но вместо королевского платья сейчас в белом халате с плотно привязанными к телу рукавами.

— Психушка? — вырвалось у меня.

— Клиника, — уточнила Аня. — Лучшая в нашем районе! Имени Бехтерева.

— Что за хрень, — вырвалось у меня, — как же мне вытаскивать тебя, дура венценосная, из психушки?

Аня сказала деловито:

— А давай, Юджин, там ее и оставим?..

— Ты чё?

Она промурлыкала:

— Неужели и она знает все твои грязные секретики?..

Но я могу удовлетворить их полнее...

— Теперь нет грязных секретов, — отрезал я. — При демократии позволено все! А ты слишком наглая.

— Ты сам добавлял параметры, — напомнила она. — Все вы такие! Говорите насчет независимых женщин, а самим подавай тупую покорную дуру!.. Вот список всего персонала клиники, нужно?.. Система охраны. Если взорвать бомбу у входа, а потом ворваться на танке... Или если из крупнокалиберного сперва по персоналу, а потом... Кстати, бомбу изготовить я помогу, знаю как! Правда, обязана буду доложить о тебе, я же законопослушная...

— Заткнись, — велел я. — Никого не впускать в мое отсутствие.

— Даже родителей?

— Ни приятелей, — подтвердил я, — ни друзей, ни родителей! Ни-ко-го!.. Вернусь, поменяю дефолтную на пользовательскую с разными уровнями допуска, а пока просто никого не пускай. И не вздумай посылать от моего имени приглашения всяким наглым бабам, как ты сделала на мой день рождения!

Она вскрикнула обиженно:

— Мой господин! Это был подарок!.. Стриптиз с увертюрой, миттельшпилем, кульминацией и фингалом...

Я не слушал ее щебет, старается развеселить, она же еще и медсестра, как и киберврач, заботится, но сейчас у меня в самом деле давление такое, что вот-вот взорвусь, как граната.

До психбольницы сорок минут, план придумал не очень умный, но затратный, пришлось остановиться по дороге у мелкого автоцентра, быстро поменял с доплатой «Мэджести» на последнюю модель элитного «Стронг-холда» от Элона Маска, три автомобиля среднего класса можно купить, но мне сейчас нужен именно такой, нахально крутой, заметный и дорогой.

План не очень умный, признаю, но дерзкий, а для успеха нужно пустить пыль в глаза: я назвал адрес, навигатор выдал схему проезда на лобовое стекло.

Понятно, корпус клиники в стороне от дорог в зеленой роще, психам и сдвинутым нужна природа, как будто они в силурийском или триасовом периоде.

— Сколько ехать?

— Двадцать минут, — ответил все тот же приятный женский голос, женщине ответил бы красивый мужской баритон, гендерные предпочтения все еще рулят в массовом сознании, несмотря на...

— А полета?

— Десять, — ответила она, — включая взлет и посадку.

— Тогда летим, — велел я. — Тесла рулит!

— Запираю двери, — сообщила она.

Послышались щелчки, теперь даже я не сумею открыть, пока не прибудем на место, все предусмотрено, а то бывали случаи...

Автомобиль взлетел без разгона, эта модель вообще может вертикально, но в городских условиях вправе ползать только по земле, зато за городом ширь и простор...

Я смотрел с замиранием сердца, как удаляется земля, потом «Стронгхольд» перешел на горизонтальный, помчался на небольшой высоте, внизу зелень, небольшое озеро, крохотная речушка, а вон уже вырастает в размерах продолговатое здание старинного типа с колоннами и черепичной крышей, похоже, натуральной, без установленных поверх панелей по улавливанию солнечной энергии приливных лунных волн.

Острый шпиль больницы виден издалека за деревьями, но если бы по земле, то даже с этого места пришлось бы попетлять по нарочито извилистой дороге, это чтобы не гоняли, а любовались природой, но природа не храм, а мастерская, а человек в ней Базаров, так что как ни кряхти, ни кривись, но приобщат к любованию природой, приобщат...

«Стронгхольд» пошел на посадку с ходу без всяких зависаний, не человек ведет, а безошибочная электроника, мягко опустился в полусотне метров от главного входа, там небольшая стоянка для авто, и выключил двигатель.

Я выскочил, не захлопывая дверь, машины такого класса со всеми проблемами справляются сами.

На крыльце, греясь на солнышке, флиртуют двое разнополых в белых халатах, веет тургеневщиной, хорошо, на меня уставились широко распахнутыми глазами, хотя и с разным выражением, что и понятно.

— Привет, — сказал я жизнерадостно. — Новые поступления сегодня были?

Девушка посмотрела на меня, на автомобиль и снова на меня. По ее лицу и заблестевшим глазам я понял, что совсем не тургеневская, по-современному смотрит не на парня, а на его машину.

Все-таки обидно, почему они все такие, хотя машина у меня бизнес-класса, но я-то понимаю, что купил на чужие деньги и для выпендрежа, правда, для нужного

выпендрежа, тот все оправдывает... хотя меня вообще-то все и всегда оправдывает, как я абсолютно уверен, ибо я живая легенда, и как жаль, что здесь об этом не знают.

— Были, — ответила она щебечуще. — Молодая женщина с манией величия...

— Отлично, — сказал я бодро, — тогда ваш клиент — мой клиент!

Девушка спросила игриво и с надеждой:

— Вы адвокат?

Я гордо усмехнулся.

— Берите выше!.. Я продюсер. И одна из моих звезд попала к вам...

— Ой, — прощепетала она так счастливо, что я сразу увидел ее голой в моей постели. — Фильмы снимаете?..

— Еще выше, — ответил я, — сериалы!

Она открыла рот, сериалы это не какие-то устаревшие фильмы, а я подмигнул ей и прошел мимо ставшего меньше ростом парня и сразу посеревшего.

Рецепционистка выскочила навстречу, явно видела на экране, на какой тачке я изволил, заулыбалась широко, показывая свои возможности.

— Слушаю вас?

— Нужен главный, — сказал я быстро. — И срочно.

Она запнулась.

— Но он занят...

— Милая, — сказал я и прошелся ощупывающим взглядом по ее низкому вырезу платья, потрогал им белые округлости. — Если мне нужен кто-то, то его доставляют сразу, будь это сам президент Торговой палаты. Где он?

— На втором этаже в своем кабинете, — пролепетала она, разрываясь в страстном желании быть полезной и готовая раздеться прямо здесь, и стараясь оставаться в рамках правил больницы. — Но туда нельзя.

— Это прекрасно, — сказал я и посмотрел тем взглядом, чтобы она ощутила себя лежащей на спине, — никому нельзя, это прекрасно!

И побежал по лестнице бодро и уверенно, как человек, которому принадлежит все, в том числе и эта больница.

Глава 4

На втором этаже пусто, персонал наверняка смотрит футбол, огромный длинный коридор просматривается на километр, я на ходу сканировал таблички, вторая от входа гласит «Главный врач Константин Генер».

— Молодец, — одобрил я, — в случае пожара... или бунта зомби, что постоянно в таких больницах... очень удобно смыться первым...

Стучать в дверь не стал, ногой открывать тоже, выбрал компромиссный вариант, толкнул ладонью с силой и вошел быстрым упругим шагом победителя.

— Здравствуйте, — сказал уверенно и напористо. — Я слышал, к вам попала наша кинозвезда?.. Вы ведь главный врач этой... гм... больницы?

Он подхватился, настоящий интеллигент, тонкий, чуткий и нервный, только такому и работать с психами, с ходу поймет любого.

— Да, я главврач... а простите, кто вы...

Я спросил врача с напряжением:

— Она сказала вам, кто она?

Он покачал головой.

— Нет. Только твердит насчет королевства каких-то Нижних Долин...

Я вдохнул с облегчением:

— Слава богу!

Он взглянул с недоумением:

— Что тут хорошего? Такая устойчивая шизофрения даже в наше время поддается лечению с трудом.

Я повторил:

— Слава богу!

Он спросил с беспокойством:

— Да в чем дело?

Я вскрикнул:

— Вы представляете, если бы она отказалась от этого образа? Нет, вы не представляете! Все рухнуло бы! Все мироздание затрещало бы по швам... И роль наверняка отдали бы другой, а она готова к ней лучше кого-либо!..

Он вскинул брови.

— Что-что? Поясните...

— Готовятся, — сказал я со вкусом, — съемки шикарнейшего сериала о королевстве Нижних Долин. Ну вы знаете запросы массового зрителя: средневековые короли и королевы, знатное рыцарство, великолепные дамы, роскошные костюмы, поединки, флирт, интриги, борьба фавориток... На главную роль королевы Орландии было пять сотен красоток! Представляете? Нет, не представляете... После трехступенчатого отбора осталось девять. Всем им было дано задание в течение недели вживаться в роль, постоянно вести себя по-королевски...

Он пробормотал:

— Это при постоянном наблюдении?

— Хватаете на лету, — похвалил я. — Программное обеспечение анализирует их слова, движения, поступки и расставляет оценки. Кто к концу недели наберет больше баллов...

Он поморщился.

— Как же достали эти косплеи! Ну что за тяга к старине?... Нет, чтобы стремиться в постчеловеческое будущее... Дикари.

— Простому человечку, — сказал я как трансчеловек трансчеловеку, — прошлое знакомо и потому приятно. А будущее незнакомо и страшновато. Не всяк может заставить себя учиться, когда можно и не учиться!

Он вздохнул.

— То-то и смотрю, томограф сообщает, что ее мозг в полном порядке. Вот почему она все время твердит...

Я поморщился.

— Да, по контракту обязана на все реагировать по королевски.

Его лицо прояснилось, а я постарался выглядеть рассерженным и одновременно виноватым.

— Так вот в чем дело, — сказал он с облегчением. — Понятно, сейчас работу получить непросто. Да еще и такую... А что она так часто упоминает магию?

Я пояснил со скукой одухотворенного интеллигента, который доверительно объясняет другому одухотворенному, как родственная душа родственной:

— Это все сценаристы... Чтобы обеспечить охват публики пошире, додумались перенести действие в магический мир. Простому народу сейчас на что смотреть приятнее всего?... Правильно, всем хочется побыть в мире, где даже учиться не надо, а дунул-плюнул — и все готово! Какая сказка самая популярная и любимая в мире? Правильно, о золотой рыбке в медной лампе, что лежит в проруби.

Я смотрел как умный на умного, дескать, дураков больше на свете, чем умных, потому лучше с дураков по доллару, чем с умных по сотне, и он понимающе улыбал-

ся, все верно, они такие, а вот мы потому и бедные, что честные и умные.

— Хорошо, — сказал он с явным облегчением. — Сейчас отдам все распоряжения... Забирайте свою королеву. Надеюсь, ей недолго терпеть пробу?

— Осталось семнадцать часов!

— Да, — согласился он, — обидно было бы все потерять перед финишем...

По его жесту распахнулась дверь, вбежала молоденькая санитарка, косящая под медсестру, зыркнула на меня соглашающимся на все взглядом.

— Профессор?

Он велел отрывисто:

— Пусть интерн Шердер немедленно подготовит пациентку... гм... которая назвалась королевой Орландией, к выписке.

Она кивнула, снова стрельнула в меня глазками.

— Все сделаю!

И выскочила так же шустро, эффектно вильнув из стороны в сторону задом так мощно, что он ударился сперва о правый косяк двери, потом о левый.

Мне показалось, что это «все сделаю» предназначалось и для моих ушей, а подтекстов и обещаний в нем вообще море.

— Спасибо, — сказал я. — Буду ждать на выходе?

Он учтиво поклонился.

— Желаю создать хороший сериал. Хотя, конечно, лучше бы на трансгуманистическую тему. О постчеловечестве...

— Такие мало смотрят, — пожаловался я. — Дикость, верно? Идем в постчеловечество, но смотрим в прошлое. Вот так и живем, зарабатываем на приторных сказках в стиле сю-сю, а потом снимаем о постчеловечестве, которые почти никто не смотрит...

Он грустно и понимающе улыбнулся, а я, не убирая скорбности с лица, вышел в коридор.

Некоторое время рассматривал стены, наконец из дальней комнаты вышел молодой медик с крупным бейджиком на лацкане потрепанного и потертого халата.

— Кот Баюн, — представился он. — Сейчас ее готовят к выписке... Подождите минут пять.

— К чему готовят? — спросил я опасливо.

Он покачал головой.

— Просто возвращают ее одежду, обувь, причесывают. Натуральный шелк, а драгоценности совсем как настоящие... Задолбали этими косплеями. Такие деньгихлопывают, а сколько сил... Больше заняться нечем? У меня жена с ума сходит от таких сюсюльных романов. Всю спальню завалила этими розовыми соплями. Ладно, распишитесь вот здесь и вот здесь. Передаю под вашу ответственность. Если, конечно, она будет вести себя адекватно, а то снова не поймут и приволокут сюда...

Я расписался, то есть приложил палец с внедренным поглубже чипом, сказал с обидой за вытесняемое роботами человечество:

— Это у вас работа, да и то скоро автоматика вас попрет, а как тем, кто еще месяц тому вытачивал детали на токарном или работал таксистом?.. Скажите спасибо, что их занимаем этими дурацкими косплеями! Это лучше, чем наркота или выйдут грабить вас в темном переулке.

Он сказал со вздохом:

— Да, вы правы, пусть уж косплеют, чем воруют. Задано историю подучат, хотя кому нужна история?.. Вы тоже косплеист?

Я помотал головой.

— Что вы!.. Я продюсер, угадываю чаяния публики и умело так это под них ложусь, как говорят в нашем

мире, хотя на самом деле мы просто умело выпускаем пар из недовольной части населения... Сейчас главное, чтоб не воевали. Нам нужно как можно быстрее достичь бессмертия! А еще колонистов в следующем году на Марс послать, дабы рассредоточить человечество на случай астероида или какой другой гадости...

Он улыбнулся с некоторой долей зависти.

— У вас работы будет все больше.

— Обращайтесь, — предложил я. — Дам рекомендацию.

— Ой, — сказал он, — спасибо! Мы сами понимаем, наше время тоже подходит к концу. Почти все операции делают роботы-хирурги, только психически больные все еще за нами, да и то поговаривают о роботах-психиатрах.

В коридор вышла медсестра, посмотрела на меня, потом на него и больше на меня уже не смотрела. Наверное, не видела, на какой я тачке прибыл.

Интерн сказал ей отрывисто:

— Пациентка из палаты номер шесть готова к выписке?

— А лечение, — начала она, он отмахнулся:

— Отменить. Главный уже отменил.

— Слава богу, — сказал я.

Он произнес торопливо:

— Хотя все назначено, но еще не приступили... Когда в мозгу никаких нарушений...

Медсестра сказала с облегчением:

— Как хорошо! А то достала своим королевством. Видно же, что прикидывается.

Она все еще игнорировала меня, я подумал, что если видела мое авто и все еще не обращает на такого орла внимания, то хотел бы на такой жениться.

Когда ушла, так и не взглянув на меня, интерн кивнул ей вслед.

— На третьем курсе медвуза, а уже с лету хватает. Сразу поняла, что не шизофреничка, а что-то играет...

— Растут кадры, — согласился я. — Но профессию менять придется... Как и нам всем. И с каждым годом все чаще.

Глава 5

Королеву в сопровождении медсестры вывели два санитары. Прежнюю одежду уже вернули, вроде бы ничего не сперли, да и не сопнешь при таком обилии видеокамер, и даже прическа почти та же. Она держится по-прежнему величественно и бесстрастно, однако я заметил, как по ее лицу на краткий миг скользнула тень огромного облегчения.

Впрочем, тут же надменно вскинула подбородок и посмотрела на меня свысока.

— Ваше величество! — воскликнул я преувеличенно радостно, стараясь пройти по тончайшей грани, чтоб королеве показать, мол, все улажено, и врачам продемонстрировать, что я всего лишь подыгрываю актрисе, которой лишь день простоять и ночь продержаться, и главная роль в будущем суперхите целиком ее. — Ваше величество... позвольте вашему покорному слуге... что трепещет в вашем присутствии... па-а-а-азвольте... Карета подана, восемьсот демонов под капотом!.. Мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним... Олени — это такие смешные кони. Хотя люди тоже бывают оленями. Да еще какими... Осторожно, здесь ступеньки...

Я преувеличенно низко поклонился, подмигнул украдкой интерну, что с медсестрой вышли на крыльцо и наблюдают оттуда.

— Позвольте распахнуть перед вами дверь вашей кареты...

Она прошла мимо, не проронив ни слова, только повела по мне пренебрежительным взглядом.

Интерн проговорил с пониманием:

— Настоящая королева!

Медсестра сказала с ноткой зависти:

— Да, умеет держаться... Актриса!

— Сериальная, — подтвердил я. — Даже анимации не требуется...

Я услужливо поддерживал королеву на ступеньках, в таком длинном платье точно уже наступил бы себе на хвост и позорно грохнулся рылом в землю, но женщины готовы терпеть любые неудобства, если это добавляет им, по их глупому мнению, шарма или чего-то важного и нужного.

Автомобиль сорвался с места и в мгновение ока подкатил к подъезду, распахнул обе двери.

Королева уставилась на него с недоверием.

— Это что?.. У тебя была другая повозка.

— Пришлось поменять, — сообщил я. — Что делать, ваше величество, ваше освобождение требует расходов. Эта повозка... впрочем, сейчас увидите.

Она села молча, уже почти без задержек пристегнулась, чуть скосила глаза в мою сторону, ожидая объяснений.

Я назвал адрес поселка, на лобовом стекле возникла цветная карта, красной линией пролег маршрут. Пол дрогнул, деревья справа и здание слева быстро пошли вниз.

Королева ухватила за поручни, на щеки легла смертельная бледность.

— Что это?

— Летим, — объяснил я. — Как птицы, хотя и не как. В смысле, не каркаем и не крикаем.

Она осторожно повела взглядом по сторонам.

— Но... где крылья?

— Я ж говорю, — сказал я, — мы не совсем как птицы.

— Магия?

— Да, — ответил я. — Магия.

Она заметно успокоилась, поглядывала по сторонам с интересом, окна панорамные, потом что-то вспомнила, взглянула с неудовольствием.

— А чего это ты шута корчил?

— Шута? — переспросил я. — Ваше величество...

Она сказала злым голосом:

— Ты говорил так, словно я не королева!

— Напротив, — воскликнул я тем же подхалимским тоном, чтобы не сразу выходить из роли, — все время повторял, что вы, ваше величество, самая настоящая королева Нижних Долин!.. Вообще-то, это я от ликования... в самом деле, в самом деле!.. Если мы действительно отвечаем за женщин как своих, так и чужих, то я, сами понимаете...

Она величественно наклонила голову.

— Понимаю. Так и должно быть. Ты же мужчина.

Машина вышла на прямую и понеслась с крейсерской скоростью в полтыщи километров в час.

— Ты поменял повозку, — сказала она, — потому что эта и летает?

— Спешил спасти вас, — пояснил я виновато. — Надо было не просто бежать, а лететь!.. Что я и сделал. Хоть вы и тиранша, но пока международный суд в Урюпинске не определит степень вашей вины, вы считаетесь как бы условно невиновной. Потому и спасаю, а вы что подумали?.. Ладно, знаю, что подумали... А вас, между прочим, уже готовились препарировать, ваше величество!.. Это

значит, разрезать на части, одну превратить в овцу, другую в... гм... в общем, сами можете представить, на что способны демоны. Спасти можно было только обманом, ваше величество!

Она оглянулась, хотя на боковой панели прекрасно видна убегающая от нас дорога за спиной.

— За нами погоня?

— Не знаю, — заверил я, — но у этой повозки скорость повыше, ваше величество.

— Молодец, — произнесла она снисходительно, — ты быстр и решителен.

— Да, — согласился я, — я как бы такой!

— Я это сразу в тебе ощутила.

— Для вас старался, ваше величество, — заверил я. — Мне такая повозка собственно ни к чему, я же глубоко внутри свободный художник и бунтарь, почти Стенька Флинт...

— Такая повозка лучше, — сказала она, но едва заметно передернула плечами. — Хотя летит она как-то странно... Почему не машет крыльями?

— Пусть птицы машут, — ответил я гордо, — и всякие там летучие мыши и драконы. А мы не они... Надеюсь, теперь вы убедились, что выходить вам одной смертельно опасно?

Она сказала сломленным голосом:

— Но что-то надо делать... королевство в опасности! Мятеж уже созрел, мне оставалось только взять под стражу главарей. И в это время я исчезаю!

— Ваше величество, — заверил я, — думаете, не думаю? О чем только не думаю!.. Я человек очень тонкий, ранимый и впечатлительный! Как-то посмотрел копуляцию пауков, так потом неделю снились!.. А сейчас как увижу что-то хоть чуть-чуть похожее на змею или гадюку,

тут же о вас вспоминаю... Вам не дует? Это охладитель воздуха, а то сейчас снаружи жарко.

Она чуть приопустила длинные ресницы.

— Пусть. Мне этот зимний воздух нравится. Ты уже продумал, как дальше?

— Вот ломаю голову, — ответил я. — Даже о тибетских мудрецах подумал. И о восточной мудрости. У нас так, чем дальше от нас, тем больше мудрости. Но йоги помогут вряд ли, у них главная и единственная мудрость: плюй на все и береги здоровье, а ее наша западная цивилизация уже усвоила. Сейчас просмотрим каталоги трансформаторов... вам какие: розовые или с цветочками?... Ладно, это я нервничаю, ваше величество...

Она спросила встревоженно:

— Можем упасть?

— Исключено, — заверил я. — Воздушная подушка под нами, а парашют сверху... Ага, уже прибыли.

Авто стремительно пошел по крутой дуге вниз, королева снова вцепилась в ручки кресла, взгляд ее не отрывается от быстро вырастающего поселка, а в самом центре, так это выглядит, мой участок с домом, теперь уже трехэтажным, вот дурилы, деревья вдоль забора по всему периметру, цветники, все в газонах, даже с фонтанами, никак не привыкну, вообще ни в одни ворота, я и фонтаны...

Приземлился мой «Стронгхольд» так осторожно, что толчка даже я не ощутил, а королева и вовсе, и только когда дверки отщелкнулись и распахнулись, выпуская на волю, вздохнула с огромным облегчением.

— Как быстро... И что ты надумал?

— Прошу в дом, — ответил я. — Конечно, вы привыкли решать государственные дела на ходу, но я человек, не привыкший к умственному труду, как и к любому дру-

гому, мне нужны комфортные условия, а это скоростной инет, хорошее питание и возможность ничего не делать...

Она позволила проводить себя в гостиную, я церемонно усадил ее в кресло, на диван сесть она по-прежнему отказалась наотрез, а я вернулся к столу.

На трансформаторы спрос просто дикий, каждый год выходят в продажу более компактные и мощные, это же счастье жить без проводов, когда эта штука собирает все виды энергии и снабжает ею дом. Увы, народ какой-то мелкий и с мелочными запросами: всем нужны трансформаторы с кулак, чтобы питали дом и участок, этого им достаточно, никакого полета мысли и высоких запросов.

Дроны сразу же доставят вас в любую глушь, но когда я только вякал, что мне нужен предельно мощный, я, дескать, металлопрокатный завод хочу поставить на участке, тут же делали большие глаза, мямлили о штучном товаре, и что мне нужно явиться лично, осмотреть, подписать договор, и только тогда можно заключить сделку о продаже.

Я порылся на сайтах, выбрал фирму пусть не самую солидную, но поближе, сделал знак вызова.

На экране появился мужчина в криво застегнутой рубашке, нехотя улыбнулся, менеджеры улыбаться должны.

— Старший менеджер Краус. Слушаю вас?

— Трансформатор, — сказал я. — Предельной мощности!.. Кажется, это СЧ-12. Верно?.. Покупаю. Заверните и пришлите, даю адрес...

Он прервал достаточно невежливо:

— Сожалею, но так уж получилось, мы не пирожками торгуем. Трансформаторы такой мощности, как вы запрашиваете, — товар штучный.

— Мне и нужна всего адын штука, — пояснил я сговорчиво.

Он улыбнулся шутке.

— Их покупают только крупные заводы, огромные строительные фирмы, а еще заказывают для этих... как их, ага, коллайдеров всяких!

— Ладно, — сказал я сварливо, — буду у вас через двадцать четыре минуты. Заверните адын штука. И перевяжите красной ленточкой. Ни в коем случае не голубой. Ненавижу намеки.

Он взглянул на экран слева, ответил с сомнением:

— Судя по тому, где вы сейчас, даже по прямой дороге от вас добираться около часа...

— Засекайте время, — ответил я.

Глава 6

«Стронгхольд» опустился на парковочной площадке вблизи ангара, я выскочил и прошел почти до входа в главное здание, когда дверь распахнулась и выскочил запыхавшийся Краус.

— Простите, — сказал он быстро, — что не встретил! Не думал, что у вас такое чудо... Сколько стоит? Хотя нет, не надо дразнить, все равно мое жалованье... даже не буду смешить!..

— Да что вы, — сказал я скромно, — это у меня для будней и рабочих поездок. А чтоб дур охмурять, у меня есть пара моделей повыше классом.

Он завидующе вздохнул.

— Тогда вам только такие трансформаторы и покупать.

— Точно, — сказал я, — этот я беру, чтобы аквариум подсвечивать для рыбок. Ваши люди установить сумеют?

— Это входит в пакет доставки, — заверил он. — Прошу в главный кабинет.

— Не смущайтесь, — сказал я ободряюще, — я вообще начинал с разносчика пиццы!.. Но постепенно вырос до генерального управляющего. Что, молодо выгляжу?.. Пять процедур омоложения, инъекции крекокса, хряп-пинг, бойлерд, три цикла минохондрирования... Каждый раз лет по двадцать-тридцать как рукой снимает! Хотя вы правы, пока что это дорого, но скоро пойдет в массы...

Он провел по длинному проходу между исполинскими установками, все здание вовсе не офис, как я подумал, а склад, чисто мужское решение, точно женщин здесь нет, хотя даже дуры могли бы догадаться, что именно здесь надо искать в мужья настоящих мужчин.

В конце в самом деле кабинет, но стена с этой стороны стеклянная, так что изнутри и без экранов видно, где что на складе происходит и кто чем занимается, как и служащие видят, что директор если и вызывает кого к себе, то по делу, а не для.

— Садитесь, — сказал он, — сейчас посмотрим на модели, что в наличии.

Я сел, положил руки по-королевски на подлокотники, у тиранши Нижних Долин подсмотрел, а Краус сказал с усмешечкой:

— Тогда вы еще должны помнить времена, когда трансформатор был просто трансформатором... Как первые мобильные телефоны были просто мобильными телефонами, а потом в них начали всобачивать фотоаппараты, диктофоны, телеприемники, счетчики калорий... Так и трансформаторы давно уже не просто трансформаторы...

Я улыбнулся, важничает и одновременно старается повысить цену, напоминает о разных функциях, обычно рядовому потребителю не нужных, но в данном случае как раз все наоборот, мне как раз чем больше в трансформаторе от присобаченного к нему накопителя, тем лучше.

— По размеру эта модель вдвое крупнее предыдущей, — сказал он виноватым голосом и тут же добавил с энтузиазмом: — Зато накопитель крупнее впятеро, а энергии запасает на порядок больше!

— Так уж и на порядок? — спросил я.

Он улыбнулся.

— Почти. В восемь и семь десятых. Значительный прирост?

— Верно, — согласился я. — Сколько стоит?

— Погодите, — сказал он, — посмотрите вот ту модель! Это самый универсальный накопитель, он дороже на треть, зато собирает рассеянную энергию не только солнечного света, но и отраженный от Луны, работает при разнице температур, скорости ветра, даже от дальних гроз, использует дрожание почвы, энергию голоса, не говоря уже о любом излучении, что достигает Земли из космоса!

— Впечатлен, — сказал я. — Беру этот.

Он заверил торопливо:

— Он может снабжать не только особняк в пять тысяч метров и участок в десять гектаров, как у вас в заявке, но еще обеспечивать бесперебойный полив, а ночью освещение по всему периметру и работу охранной сигнализации!

— Здорово, — сказал я.

Он сказал с подъемом:

— А еще останется энергии на работу небольшого завода по прокату графена!.. Вам завернуть?

— Да, — ответил я весело. — И перевяжите, как уже сказал, ленточкой.

— Синей? — спросил он понимающе.

— Розовой, — напомнил я.

Он вскинул брови.

— Уже не красной?

— Подарок женщине, — объяснил я. — Вместо духов.

Конечно, шуточки, к миниатюризации стремиться все, но трансформаторы такого рода все же великоваты, как все ранние модели, что теперь с накопителями. Когда-то станет размером с горошину, а пока что я ломал голову, как его засунуть в багажник, да и потащит ли мое авто по воздуху такой массивный груз.

— Ладно, — сказал я, — доставьте сегодня же. Вот адрес.

Он взглянул на высветившиеся буквы.

— А-а, за городом? За дополнительную плату.

— Хорошо-хорошо, — пробурчал я. — Я хоть и нищий, но олигарх. Нищий олигарх. Олигарх-нищий. Романтик.

— Да, — согласился он. — Вижу по этой штуке. У вас не иначе, как завод по металлопрокату?

Я отмахнулся.

— Стану с такой ерундой возиться! У меня имение, нужно то да се, да еще участок в сто гектаров обеспечить поливом, освещением, аэрацией, и чтоб муравьи там были счастливы. Это очень важно, Всемирная ассоциация муравьеведов каждый год проверяет...

— Делать им больше нечего, — проворчал он. — Лучше бы обеспечили достойную жизнь жабам. У меня семь штук в городской квартире, а им пруд нужен!..

— Мало о нас заботятся, — сказал я с сочувствием. — Все коллаидеры строят, а какая от них польза моему огороду?

— Через полчаса доставят, — сказал он, — это удобно?

— Лучше через час, — ответил я. — Нужно еще успеть место приготовить.

Он удовлетворенно улыбнулся.

— Да, скорость доставки — наш конек-горбунок. Приложите вот сюда палец... и вот сюда. Спасибо!

— Бюрократы, — сказал я с чувством, — два раза палец прикладывать!

— Старая система, — сказал он извиняющимся голосом. — Сейчас апгрейдиваем. Вообще не нужно будет тактильного контакта. Система послушает наш разговор и тут же запишет от нас и подпишет от вас...

К нему подбежал парнишка в форме младшего менеджера.

— Шеф, — сказал он лъстиво, — только что сообщили об отправке с завода 15-КС-М!.. Нужен подъемник, вдвоем с Чуком не сгрузить такое чудовище!

Краус бросил недовольно:

— Скажи Банглу, чтобы помог вам снять, как только прибудет, и отвез на склад. А Зита пусть сразу занесет в каталог продаж.

Парнишка умчался, менеджер повернулся ко мне, но я спросил первым:

— «М» — это модернизированный?..

— Да, — ответил он. — Но слишком уж... Втрое больше... Какая это модернизация? Модернизация — это когда миниатюрнее предшественников.

— А мощь? — спросил я.

Он хитро улыбнулся.

— Вы сразу в корень!.. Все точно, мощь в десятикратном объеме. Собирает и превращает в электричество даже тяготение Луны и слабое излучение дальних радиогалактик!

— Цена? — спросил я.

Он взглянул на меня с сомнением.

— Кусается. Это разве что для металлургического комбината с полным циклом.

— Как раз о нем и подумываю, — сказал я. — Ноухау. Стартап.

— Сто тысяч аянкуинтов, — сказал он, глядя мне в глаза.

— Где оплатить? — спросил я.

Глава 7

Провожал он меня через весь склад и долго на выходе жал руку, уверял в высокой надежности как трансформатора, так и его фирмы, и просил рекомендовать их продукцию таким же крупным игрокам, каким без всякого сомнения являюсь я.

Заказанный трансформатор намного мощнее, один только минус, привезут и установят только завтра. Сейчас он еще на заводе за тысячи километров, потом его отправят сюда на склад, там занесут во все каталоги, а потом уже ко мне по указанному мной адресу.

Я шел к своему скромно блистающему мощью и роскошью «Стронгхольду» с растущей уверенностью, что все получится, не может такого быть, чтобы мощь хайтековского мира не справилась с задачами древней магии...

Моя рука уже коснулась дверцы, когда по спине пробежал холодок, там чувствовал угрозу, но не думал, что такое проявится и в моем мире.

Торопливо оглянулся, ко мне направляется массивный мужик с длинными волосами, падающими на плечи, с густой бородой от самых глаз, крепкий такой бычара, широкая морда и прищуренный взгляд, в руке сигарет-

ная пачка. Такими часто становятся профессиональные боксеры, не сумевшие сколотить миллионы на ринге.

Я не успел слова сказать, как он пробасил сильным и настоящим мужским голосом:

— Эй, парень...

Сердце мое часто-часто забилося, чувствуя приближение неприятностей.

Я спросил торопливо:

— Что... что вы хотите?

Мужик прищурился, окинул меня взглядом с головы до ног, получилось это нарочито подчеркнуто, понятно же, что уже рассмотрел меня со спины и какое-то представление составил, оценил, а сейчас просто давит, нагнетает.

Он проговорил медленно, продолжая давить меня взглядом:

— Закурить не найдется?

Я ответил нервно:

— Не курю.

— Хорошее дело, — сказал мужик одобрительно. — А я вот все никак не могу бросить... Погоди, есть дело.

Я мотнул головой.

— Не могу, спешу.

— Да знаю, — ответил он скучающим голосом. — Хорошо камешек продал?

Я дернулся, очень уж вопрос прозвучал неожиданно и в лоб, а мужик, разминая в пальцах сигарету, смотрит в упор, мелкие глазки сощурились еще больше.

— К-к-какой камешек? — спросил я.

— В ювелирном, — пояснил он. — Очень уж редкая вещица. Мы таких берем на учет. Да не бойсь, мы не кушаем. Меня зовут Выдиратель, уж и не знаю, почему. Раньше были имена, а теперь все друг друга только по никам...

Его глаза, почти скрытые под навесом неопрятных волос, буравят меня так, что почти чувствую боль, я понял вдруг, зачем эти длинные волосы и эта бородаща, на голове явно парик, а борода накладная, так защищаются от наблюдения со спутников, а те камеры, что натыканы в стены склада, можно и отключить, они принадлежат частным компаниям, в то время как наблюдающие за порядком спутники — сплошь правительственные...

— Кто это «мы»? — спросил я, входя под навес. — Полиция?

Он ухмыльнулся.

— Молодец, сразу схватываешь. Добровольная организация сознательных граждан. Ты же слыхал про частные армии? Ну вот, есть даже они самые, а про отдельные отряды энтузиастов и говорить нечего... Правда, нас почему-то называют бандами, но люди вообще-то такие грубые даже в нашем толерантном мире. Тебе толерантность нравится?

— Конечно, — ответил я поспешно.

Он ухмыльнулся.

— И мне. Очень.

Я проговорил сдавленно:

— И чего вы хотите? Отобрать деньги?

Он покачал головой.

— Парень, за кого ты нас имеешь? Мы не грабители. Нас больше интересует место, где такие камешки водятся. Нам либо источник, либо твоя жизнь... а деньгами не интересуемся, мы одухотворенные, мы Кафку читаем...

Он уже издевался, пародируя кого-то грамотного из своей банды, но взгляд оставался злым и цепким.

— Если деньгами не интересуетесь, — начал я.

Он отмахнулся.

— Разве то деньги? Ерунда, риски не оправдывает. При этой слежке отбирать трудновато, а затевать что-

то хитрое... овчинка выделки не стоит, слышал? Я тоже слышал, хотя кто такой овчинка, так и не врубился. Проклятый тоталитарный режим лишает людей приватности, лезет в мою частную жизнь! Я вот не хочу, чтобы за мной следили, где мои права человека? Следят, сволочи! И сейчас нас видят, гады правительственные... Хорошо не слышат, я места выбирать умею. А то вообще бы конец предпринимательству и частной деятельности... В общем, парниша, ты в таких делах новичок, вижу. Даже продать не сумел... там еще много?

Я вздрогнул.

— Откуда я знаю? Подошел один и сказал, чтобы я приценился в ювелирных, сколько дадут за такой камешек!

Он хмыкнул.

— А почему именно к тебе? Ты что, дилер?

— Нет, — сказал я испуганно, — ни за что! Просто у меня затруднения...

— Серьезные?

— Да ничё, — пробормотал я, — привык уже...

— Понятно, — произнес он, — тогда нам нужен этот дилер. Когда должны были встретиться?

— Вчера, — ответил я быстро, — но он не пришел почему-то. Это не вы его спугнули?

Он подумал, подвигал бровями, выказывая интенсивную работу мозга.

— Вряд ли. Он что, сам должен был подойти?

— Ну да, — сказал я. — А разве не так всегда делают?

Он подумал еще, пробормотал:

— Он не может такое оставить так... В общем, ждем до завтра, а если не появится, то... мы умеем сдирать шкуры. Ты нам расскажешь все, начиная с момента, почему оказался самым шустрым сперматозоидом и как обогнал

на пути к яйцеклетке тех, кто умнее тебя... Да, вот еще: тебе что-то отстегнул на мозолистую лапу?

— Отстегнул, — ответил я с неохотой. — Немного, но много. Даже страшно. Я не хочу иметь дело с такими суммами.

— Не бойсь, — сказал он почти благодушно. — Дашь наводку на гнездо, тебе перепадет даже больше. У нас все по-честному. А ты хоть и дурак, но уже понял, что камешек был очень ценным?

— Бриллиант же, — согласился я.

Он поморщился.

— Тот бриллиант в десять раз ценнее любого такого же бриллианта. По размеру. Если не в сто... В общем, как я понял, что-то в нем такое не совсем такое. Остальные бриллианты, как бриллианты, а этот бриллиант не как бриллиант, хоть и бриллиант.

— Все понял, — сказал я. — Сам так объясняю.

Он зыркнул злобно.

— Поговори еще, поговори. В общем, нашего чифа интересует, откуда такая штука.

Я сказал настороженно:

— А если она, как это говорят умные, уникальна?

— Это чё?

— Где-то в гробнице вытатунхомонили, — объяснил я. — Мало ли какие в древности камешки были! Тогда мир был другим... Динозавры еще ходили! На задних лапах.

— Чё, и в гробницу динозавры положили?

— В царские гробницы, — пояснил я, — складывали всю царскую казну, всех его жен, штук сто наложниц и даже любимых коней!

Он крякнул:

— Коней-то за что?.. Женщин не жалко, но коней... Вот сволочи! Чё-то слышал раньше, не верил. В той гробнице наверняка были и другие камешки...

— Я не грабил гробницу, — заверил я. — Вообще из города никуда! Мне на диван и к жвачнику!.. У меня стерео с тактильностью, как-то Гэгало зафигачил мимо ворот, мяч мне прямо в морду, неделю с фингалом ходил!

Он чуть хохотнул, но сразу стал серьезным.

— Парень, скажу по-пацански, ты влип. Еще больше влипнешь, если не дашь концы моему чифу. Очень уж его заинтересовал этот камешек... Понял?

Я пробормотал испуганно:

— Как не понять...

Он сказал доброжелательно:

— Советую чисто по-свойски... Скажи все, что знаешь. У нас крутой чиф. Если рассердится, и на морском дне достанет! Да и связи у него в самых... Ну ты понял. Правильные пацаны везде есть. Так что да, достанет...

Я спросил тупенько:

— Как вы меня нашли?

Он ухмыльнулся.

— Да ты и не скрывался. Хотя все равно бы нашли. Сейчас вообще никого нельзя потерять. Или потерять самому. Раньше было проще... В общем, ты попал, хлопец. В общем и короче говоря, сейчас ищи твоего поставщика и передай нам... Иначе достанем и в твоём охраняемом — ха-ха! — поселке. Теперь езжай, да не попади в аварию. А то эти автомобили тоже... могут.

Я открыл дверцу, всего трясет, опустился на сиденье, не чувствуя своего тела, он наблюдает за мной с ухмылкой, я спросил, подражая увиденному в старых фильмах:

— А как я сообщу?

— Мы сами с тобой свяжемся, — ответил он точно так же, как ответили те киношные гангстеры.

— А мой мобильник...

Он ответил с ухмылкой:

— Уже в нашей базе. Ты что, не сечешь в технике? Я же постоял с тобой! Все твои контакты сейчас перебирают наши ребята, смотрят фотки, с кем ты и как бесстыдничал. Так что давай, мы свяжемся, не волнуйся за нас, ха-ха.

Он сам толкнул дверцу, она должна бы захлопнуться с такой силой, чтобы я в испуге отшатнулся, но сервомоторы замедлили на последних сантиметрах.

Правда, я все равно дернулся с таким видом, словно увидел перед глазами лезвие остро отточенного топора.

Он довольно улыбался, а мой «Стронгхольд» прокатил два десятка метров, экономя топливо, и поднялся по длинной дуге над верхушками деревьев.

Сердце колотится и сжимается в страхе. Трансформатор, который не модернизированный, доставили бы через пару часов, но энергии может и не хватить, чтобы подпитать установку Рундельштотта, а заказанный в последнюю минуту доставят только завтра, все-таки бюрократия в отличие от мафии в самом деле бессмертна, привезли бы с завода прямо ко мне, всем было бы легче...

Ладно, мне бы только королеву отправить обратно, а там сумею выкрутиться, а эти сволочи, если явятся что-то спрашивать, вызову взвод ОМОНа.

Повеселев, я посмотрел на карту, вон там почти по дороге четыре здания филиала института по каким-то отделам нейроники или как ее там, там Профессор, дружбан, столько с ним пива выпили, еще больше дров наломали, но сейчас все больше отходит от нашей тусовки, дескать, смотреть в микроскоп дает больше кайфа, чем тусить с доступными девочками...

Мой «Стронгхольд» гордо опустился на парковочной площадке перед левым корпусом, где трудится Профессор, я вышел и с удовольствием убедился, что он среди остальных автомобилей даже не лебедь среди гусей, а лебедь среди серых уток. Небогато живут ученые, странная у них жизнь: платим мало, кормим плохо, всегда ими недовольны, то природу нам портят, то еще в чем-то виноваты, но сами не спешим занять их места и показать всем, как надо спасать мир...

Глава 8

Здание старого типа, обшарпанное, здесь давно не получают денег на ремонт, на входе пусто, охраны нет, это ж не ювелирный институт. В холле полуобшарпанные стены, даже спросить дорогу не у кого, но я ее помню, взбежал бодро по лестнице на второй этаж, там по коридору с портретами великих творцов науки еще две двери, толкнул третью.

В небольшой комнате, тесно заставленной не столько хайтеком, сколько старинными шкафами с облупленной краской, склонились над микроскопами трое: сам Профессор, эта кликуха за ним еще со школы, и две молодые женщины, блондинка и брюнетка, обе строгие, в белых халатах, брюнетка вообще в больших роговых очках старинного типа, что значит, все компьютеры в оправе, в то время как блондинка все же поглядывает на моду: макияж на уровне, а все нужные чипы с беспроводной связью расположены в ее контактных линзах.

Профессор даже не заметил, как и когда я вошел, смотрит в бинокляр, хотя изображение проецируется и на экран, вот уж медиевист хренов.

Я опустился на стул рядом, положил рядом с его компом флешку. Профессор вздрогнул, вскинул голову и посмотрел на меня непонимающе.

— Евгений?.. Какими судьбами?.. Пришел работу искать?

— У меня есть, — ответил я солидно и покосился на девушек, но ни одна не подняла голову, — так что не...

Он сказал нетерпеливо:

— Извини, дружище, болтать не могу, занят. Как-нибудь после работы в выходные...

Я покачал головой и кивнул на флешку. Он перевел на нее взгляд, я чувствовал, как он отдает мысленные команды, через мгновения на экране появилась общая папка.

Он повернулся ко мне, передавая управление, я подвигал пальцами, мне так проще, чем управлять мысленно, я почти дикий человек, отыскал нужный файл, согнул мизинец.

На дисплее появилась моя трехмерная ящерица, живо подвигала головой из стороны в сторону, сбежала на стол, почти неотличимая от реальной.

Он спросил в изумлении:

— А это что за чудо?

— Хотел у тебя спросить, — ответил я. — Что это за, какие особенности, чем кормить и чего ожидать?

Он всмотрелся внимательнее, ящерица под его взглядом подвигалась из стороны в сторону, переворачивалась кверху брюхом, раздвигала лапы, даже становилась полупрозрачной, так что отчетливо проступали все кости и сухожилия.

— Интересная реконструкция, — пробормотал он. — Из последних находок?

— Да, — подтвердил я. — Археологи нашли кости в пустыне Гоби.

— Что ты хочешь узнать?

— Кусается ли? — спросил я.

Он сказал задумчиво:

— Из находки сумели извлечь ДНК?..

— Да, — подтвердил я. — Там у этих извлекальщиков у меня кое-какие концы, в общем для меня ее вырастили из этого, как ты говоришь, дэнэка, теперь вот бегают по квартире и ко мне забирается в постель, а то ей холодно. Сейчас это такая милая жабушка, даже жабушечка, что даже не знаю. Но, говорят, вырастет большой и ка-а-а-ак укусит!

Он посмотрел на меня с недоверием.

— Даже так?.. Ладно, если судить по ряду характерных признаков, это существо стадное. Вернее, стайное, все-таки хищник. Причем опасный. Очень.

— Стадный, — сказал я, — это как волк, да?..

— Именно, — ответил он. — Как член волчьей стаи.

— С иерархией?

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— Да... Хочешь оставить у себя?

— Уже оставил.

Он покачал головой, во взгляде появилось уважение, хотя я и не понял, из-за чего.

— Тогда следи внимательно, — сказал он. — В период полового созревания попробует стать главой вашей стаи...

— Я все еще один.

Брюнетка подняла голову от микроскопа и посмотрела на меня по-женски оценивающе. Но на мне нигде не написано, что приехал на «Стронгхольде» фирмы «Тесла», и она без всякого интереса снова уткнулась в бинокляр.

— Содержание обойдется дорого, — предупредил он. — Это не табун элитных коней, это уникальное существо.

— Плевать, — ответил я беспечно, — пару сот аянокоинтов могу на него отстегнуть. Или тысяч, какая разница?

Брюнетка снова подняла голову и посмотрела снова, уже переоценивая, только блондинка продолжала двигать пальцем перед дисплеем.

— Твой выбор, — ответил он. — Но содержание выращенных из ДНК древних животных обходится!

— Ну-ну?

— В астрономические, как говорят, суммы!

— Плевать, — ответил я еще беспечнее. — Если будет нужно, продам пару дворцов в Непале или даже участок на Луне, где добывают гелий-три. Животные — они ж как люди, только лучше!

У брюнетки расширились глаза, а блондинка вскинула голову и посмотрела на меня в упор, роскошная и утонченная, с удивительно синими кукольными глазами.

Он пробормотал:

— Ну, смотри... В общем, не дай ему стать главным. Пресеки сразу властно и твердо. Как угодно, но лучше отлупи по морде. Покажи вожаком себя. Который хоть и ласков, однако ласков, когда сам изволит и когда заслужено.

Брюнетка заулыбалась шире, показывая, что человеку с участком гелия-три она позволит даже ей дать по морде, а блондинка вздохнула так, что пуговичка выскочила из петельки на груди, обнажив там белые холмики по самые красные кончики, похожие на созревшую лесную земляничку.

Я спросил, невольно косясь на эти белоснежные возвышенности:

— А он как... подчинится?

— Легко, — заверил он. — С первого раза не станет претендовать на место вожака, только попробует при-

подняться на ступеньку... Стать субдоминантом. Выкажи себя крутым и сильным. Потом еще будут две-три такие попытки, но уже слабее, осторожнее. Всякий раз давай понять, что хозяин ты. С самого начала научи его каким-то трюкам для поддержания связки «хозяин — подчиненный».

Брюнетка томно улыбнулась, дескать, готова быть подчиненной во всех случаях, что потребует моя фантазия, а блондинка повела плечами, и еще одна пуговица освободила голову из удушающей мою творческую фантазию петли.

— Каким трюкам? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он рассеянно. — Щенка учат приносить палочку или мячик, он сам дико радуется, когда у него получается. Стайные животные обожают случить и выполнять команды.

— Буду знать, — сказал я. — Командовать я люблю.

— Попробуй бросать ему оглоблю, — посоветовал он, — и требуй приносить. Это приучит его подчиняться и автоматически закрепит навсегда твой статус вожака.

— Спасибо, — сказал я с облегчением. — А что такое оглобля?

Он наморщил лоб.

— Я думал, ты знаешь. Какая-то штука у косплеистов. Какие-то магические ритуалы с нею связаны. Вроде бы крестят ею...

— Как думаешь, — спросил я, — какого он будет роста? Когда взрослый?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Какой-то новый вид. Такие не могут ходить большими стаями, места для корма не хватит. Так что у них не столько стаи, как прайды. Но правила те же: любовь и преданность к вожаку. Это у них на генетиче-

ском уровне, как и у собак... Так он вырастет большой, но в сарае поместится.

— Прекрасно, — ответил я бодро и покосился на женщин. — А место для выгула? А то у меня участок всего сто гектаров.

Брюнетка завистливо вздохнула, закатила глаза, я почти услышал «дас ис фантастиш», а блондинка раздвинула и отвела назад плечи так, что я услышал пулеметные щелчки магнитных пуговиц до самого низа платья.

— Сто гектаров? — повторил Профессор. — Хватит и десяти. Только отгороди, а то сломает и бетонную стену, если разыграется и шарахнется слуру...

— Спасибо, — сказал я. — Ты меня выручил. Побегу дрессировать своего динозаврика.

На обратном пути я вспоминал все, что знаю о стадных и нестадных. Стадные легко приручаются, волчонок вырастает беспредельно предан человеку, у стадных запрограммирована любовь к сородичам из стаи, без этого не добились бы своих высот. Это кошачьих приручить не удастся, их можно только приучить жить в квартире, но не приручить, а вот стайные...

— Моя ты жабушка, — сказал я умильно, вспоминая своего жабенка, — это я, твоя мама и твоя папа...

Когда, оставив автомобиль во дворе самому открывать гараж и пригораживаться там, вбежал бодро в дом, мой горбатенький ящеренок сидит на коленях у королевы, голову задрал, а она скребет ногтем ему белое горлышко.

— Ваше величество, — сказал я сварливо, — вы избалуете мою домашнюю зверушку!

Она посмотрела на меня исподлобья.

— У тебя и животные не такие, как у других. Кто ты?

— Улучшатель, — сказал я скромно. — Лучших из всех существующих. Живая легенда! Как и моя зверушка,

что тоже самая лучшая... Ладно, я сегодня что-то добрый, наверное, съел что-нить... вы тоже самая лучшая из королев!.. В смысле, красивая. Когда вот так в профиль. Желательно, в полной темноте... Эй, морденек!

Ящеренок распахнул глазища, у детей они всегда большие, круглые и невинные, запищал и бросился ко мне, простучал коготками по полу и взобрался быстро по штанине и рубашке до самого моего уха, где с плеча принялся что-то нахрюкивать, то ли жалобу, то ли благодарственную песнь.

— Докладаю, — сказал я, — да не тебе, а ее величеству! Хоть тебя люблю больше, но ее величество уже почти уважаю за нечеловеческую стойкость, почти женскую... Глубоко как бы уважаю, настолько глыбоко, что самому страшно...

Королева прервала:

— Попытайся собраться. Понимаю, у глупых людей слова и мысли всегда разбегаются...

— Первая часть плана, — отчеканил я, — выполнена. Трансформатор закуплен...

Ее щеки заалели, а в глазах появился звездный блеск.

— Наконец-то!

— Ваше величество, — сказал я с укором, — пошли только вторые сутки, как вы здесь, а вы уже считаете нашу жизнь адом!.. Вообще-то она такая и есть, но нужно же учитывать мои патриотические чувства!.. Нечего иностранцам хулить наше посконное... Завтракать будете?

Она сказала строго:

— Мы уже завтракали.

— А второй завтрак? — спросил я. — Думаете, у меня амнезия?... У нас есть еще и третий завтрак, а у некоторых и четвертый. И два обеда. Про ужины вообще запретная тема. Это называется дробным питанием, когда часто, но много.

— Почему запретная? — спросила она с непониманием.

— Многие даже себе не могут признаться, — буркнул я. — Слаб человек, слаб. Жрет и жрет...

На ее губах проступила надменная улыбка, дескать, это человек слаб, а вот женщины сильны, они осознают, что на них держится весь мир.

Я сгреб дракончика в ладони, расцеловал и строго напомнил:

— Я твой папа, понял?.. И мама. Так что слушайся меня, а то любить не буду.

Он взвизгнул и полез целоваться еще и еще, извиваясь всем телом, выразительное такое заверение, что обожает меня, такого сильного, красивого, мудрого и все умеющего...

Блин, когда на меня так хоть одна женщина посмотрит?

Я снова поцеловал в морду с такой сердечностью, с какой не целовал ни одну женщину. Вообще-то и от них никогда не видел такой чистой любви и преданности, как от этого существа с гребешком на спине.

Королева поморщилась:

— Бр-р-р... он холодный, противный.

— Зато сердечко горячее, — ответил я с укором. — А есть люди вроде бы теплокровные, но с холодными сердцами. Если они у них вообще есть.

Она прервала королевским голосом:

— От нас что-то будет нужно?.. Для этого... формера?

— Ничего, — заверил я. — Внесут, распакуют, поставят на указанное место и включат. А дальше уже мы сами...

Она прошептала, чуть ли не впервые выказывая какие-то эмоции:

— Только бы получилось... У вас тут есть жертвенники?

— На каждом шагу, — заверил я. — В пользу какой партии или движения хотите пожертвовать? Можно даже в пользу фронта, но теперь это слово запрещено, пользуемся эвфемизмом... даже мне сказать стыдно, каким.

— Нет, — сказала она, — я о настоящей жертве...

— Ох, — сказал я, — не сразу врубился. Простите, ваше величество... Что вы на меня так смотрите? Меня нельзя в жертву, лучше барана, хотя согласен, я еще тот баран, всем баранам баран, просто элитный, но трансформатор все же прибудет на мое баранье имя, так что меня ну никак нельзя.

Она опустила взгляд.

— Да нет, я о другом подумала...

— Другом баране?.. Ящеренка не дам!

— Неважно, — ответила она рассеянно, — это вот там мигает... что-то хочет?

Я оглянулся, в углу экрана мерцает зеленый огонек, звук и видео я отключил, не до них, отвлекают, да и вопрос от королевы меньше, но сейчас...

— Минутку, — сказал я королеве, — только взгляну.

Она повернулась к экрану, но я перевел на смартфон, всмотрелся, выслушал, а когда королева оглянулась, она даже вздрогнула, глядя на мое изменившееся лицо.

— Что случилось?

— Катастрофа! — сказал я в панике. — Всемирный потоп!.. Черная дыра и Белая Волна в одном флаконе... Что делать, что делать? Или сразу головой о стену?

Она переспросила:

— А что это за дыра и волна...

— Мать и очередной отец, — ответил я нервно. — Решили навестить, да что им не сидится?.. Старики же, разводили бы розы и капусту... пчел бы завели!

Она приподняла брови.

— Старики? Они выглядят молодыми, даже юными.

Я отмахнулся.

— Все родители уже старики. А им обоим уже за пятьдесят. Что делать, что делать?.. Слушай, а давай сбежим на это время? Пусть потусуются здесь. А когда уедут, вернемся.

Она пожала плечиками.

— Тебе виднее.

— Тогда быстрее из дома, — велел я.

Она поднялась из кресла, прекрасная и величественная, а я, бросив взгляд уже на главный экран, вскрикнул горестно:

— Не успели!..

Королева тоже повернула голову, но там лишь схема поселка с разноцветной сеткой дорог и движущимися огоньками.

— И что...

Я заметался по комнате.

— Вот именно, что делать? Они с отцом уже въехали в поселок!.. Куда тебя спрятать?.. Да и не спрячешь, мать моя во все щелочки заглянет...

Она осведомилась надменно:

— Зачем меня прятать? Ты меня стыдишься?.. Королеву Нижних Долин, где городов десятки, сотни сел и семьдесят крепостей?

— Эх, — вырвалось у меня, — вот именно, вот именно... Убить успею, но труп не спрячу... Может быть, в сарае прикрыть досками... да где теперь возьмешь доски? А вдруг мать и в сарай заглянет?..

Она смотрела холодно и надменно, даже не угадаешь, поверила или нет, королевское воспитание.

— Ладно, — сказал я быстро, — будьте королевой, ваше величество!.. Только не реагируйте на некоторые странности.

— Что за...

— Всякие, — выпалил я. — Уже подъехали!

На экране видно, как ворота приглашающе распахнулись, во двор по вымощенной декоративным булыжником дорожке вкатил «Понтиак» с открытым верхом, отец консервативен и верен старым фирмам, хотя уже многие тайтлы обогнали на крутой дорожке хайтэка.

Королева посмотрела на экран, потом на меня.

— Твои родители, — спросила она с сомнением, — знатные глерды или простолюдины?

— Еще не знаю, — огрызнулся я. — Увидим!

Она посмотрела в удивлении, потом на лице проступило выражение полного понимания.

— А-а, инкогнито? Не раскрывая своих настоящих титулов?

— Ага, — огрызнулся я, — именно...

— Благоразумно, — одобрила она. — Так удобнее. Когда не знают, кого встретят у тебя в гостях.

Глава 9

Она сказала это с таким выражением, будто у меня можно встретить крокодила за столом, а то и в постели, но я не ответил, хотя могу, у нас равноправие полов, я о нем всегда помню, когда нужно, а надел на лицо доброжелательную улыбку трансгуманиста и почти постчеловека, выбежал на крыльцо, радостно раскидывая руки, готовый обнять весь мир с его демократами, геями, исла-

мистами, коммунистами, евреями и палестинцами, что для постчеловека все лишь мыслящие субстанции.

Двери автомобиля красиво поднялись кверху, сиденья повернулись, и отец с матерью просто вышли, словно соступили со ступенек.

Я охнул, последний раз видел мать в мини-шортах, больше похожих на стринги, и с той ленточкой, что имеется современным лифчиком, а сейчас вышла дама в роскошной широкополой шляпе с целым цветником вокруг тульи, платье до полу, видны только носки изящнейших туфель, пояс — произведение искусства, хотя, понятно, отпечатан на принтере по рисунку с гравюры какой-нибудь помпадурши, и вообще сама выглядит королевой, только бы не переиграла...

Отец тоже оделся под старину, хотя это почти незаметно, мы, мужчины, этой ерундой не страдаем, и наши костюмы изменяются мало. Зато на его мундире масса золотого шитья, аксельбанты и прочее мельтешащее, несколько орденов времен то ли Екатерины Великой, то ли кайзера Вильгельма: крупные такие восьмиконечные звезды и различного вида кресты, усыпанные бриллиантами, рубинами, сапфирами и прочими искусственными изумрудами.

Левой рукой он придерживает адмиральский кортик в раззолоченных ножнах, правой подкрутил несуществующие усы и, подхватив жену под руку, повел ее к дому.

Улыбаясь с таким усилием, что заболел рот, я вышел навстречу, держа руки в заграбастывающем жесте, мама это любит, хоть и понимает показуху. С отцом мы стукнулись кулаками, это пришло на смену рукопожатию и уже уходит под натиском моды поклонов, с матерью расцеловались, она без этого не мыслит встречи с родственниками.

— Ты похудел, — сказала она с одобрением, — только не понимаю, когда успел...

— Сейчас есть такие таблетки, — сказал отец авторитетно.

— Он таблетки не пьет, — напомнила мама. — Мода на отказников!

— Качался, — ответил я скромно. — Сушка. Ускоренная сушка. Прошу в дом... или желаете посидеть в беседке? Там так уютно, так уютно...

Мать смерила меня понимающим взглядом.

— Чего дрожишь? Пойдем в дом.

Отец, глядя через мое плечо, охнул, отодвинул меня в сторону и поклонился. Мне показалось, даже колени чуть подогнул, будто собирался преклонить колено, это остатки того ритуального движения, когда при встрече поднимали забрало шлема, затем приподнимали шляпу, а сейчас достаточно учтиво коснуться кончиками пальцев виска, а у военных в это трансформировалось отдавание рыцарской чести.

Я оглянулся, королева не изволила сидеть и ждать, а сама вышла навстречу, что, безусловно, учтиво и мудро. Лучше вот так по-хозяйски, чем сидеть в кресле и не встать, когда в комнату войдут люди вдвое старше по возрасту.

Мать заулыбалась, я видел, что вполне искренне, даже поражена, королева блещет холодной утонченной красотой женщины высшего света.

— Ваше величество...

К моему изумлению, мать довольно грациозно сделала книксен, это такой присед, как со штангой, только не такой глубокий и без выдоха.

Королева радушно улыбается, но я видел по ее взгляду отчаянную попытку с ходу понять, к какому классу знатности принадлежат мои родители, но, понятно, в

истории королевства Нижних Долин таких нарядов и орденов не было.

Она протянула отцу руку, а тот, сорвав шляпу, бережно взял другой рукой ее пальцы и поцеловал с таким пылом и мастерством, что, блин, а ты, папа, оказывается, еще тот стрекозел, как называли таких в старину.

С моей матерью обнялись, кто бы подумал, что это такой древний и универсальный жест и у женщин.

Королева сказала с чарующей улыбкой:

— Прошу простить меня за нарушение всех правил, но чрезвычайные обстоятельства заставили... Ваш сын объяснит.

Мать завершила с лукавой улыбкой:

— Он уже все объяснил! Намеками. Ваше величество, мы счастливы, что нашему сыну выпала честь принимать вас...

Королева сделала радушный жест в сторону крыльца:

— Прошу вас в дом...

Отец подскочил к ней петушком, согнул руку в локте.

— Ваше величество...

Я думал, королева вдвинет туда руку или хотя бы кисть, но она с бесстрастным видом опустила пальцы ему на локоть, чисто символически обозначая это вот действие, даже не найду ему название, и так пошли в дом.

Мать, придерживая меня, прошептала жарким шепотом:

— Сынок, это безумно красивая женщина!.. И как держится, как держится! Это же просто сокровище...

— Ага, — сказал я нервно, — это же крокодил в платье!

— Все женщины, — сообщила она, — крокодилы. И что? Это жизнь, мой дорогой. Вся жизнь — крокодильство. Не упускай ее. Будете крокодилить вместе. Так хочу это увидеть!

Мы поднялись на крыльцо, через распахнутые настежь двери я увидел, как отец церемонно усаживает королеву в кресло.

Я шепнул на ходу:

— Мама, ни слова больше. У нее очень чуткий слух.

— Она еще и музыкантша? — спросила мать обрадованно. — Сынок, я даже не знаю, за что тебе выпало такое счастье!

— Ш-ш-ш-ш, — прошипел я, королева, разговаривая с отцом, вроде бы прислушивается к тому, что говорим. — Потом, все потом!

Я не стал накрывать на стол, так все еще говорится, хотя скатерти исчезли в седую старину, и ничего ими не накрывают, только сделал кофе на всех и поставил на середину столешницы широкую тарелку с пирожными.

Мать намеков поняла, это чтоб не засиживались, кофе подают всегда как сигнал, что пора убираться, но не подала виду, что обижена, продолжала весело щебетать и восторгаться, как у меня теперь все стало так красиво и уютно, это явно влияние величества королевы Орландии...

Королева тоже милостиво улыбалась, отец рассыпался в любезностях и смотрел на нее только с восторгом, а мать сказала тем же щебечущим голосом:

— Ваше платье, ваше величество, кроили и шили лучшие портные на всем белом свете!.. Оно настолько изящно и элегантно... А эти бесподобные серьги, ожерелья, брошки...

Королева мило улыбнулась, неспешно сняла некую хреновину с платья, протянула на ладони моей матери самым естественным жестом на свете.

— Вы сделаете мне приятное, если примете в подарок, как память о нашей встрече.

— Ой, — сказала мать в восторге, — какая изящная вещица!.. И что за изумительная оправа? Просто удивительно, как можно сделать так бесподобно... Ваше величество, это просто бесценный подарок!

— Я рада, — произнесла королева мило и одновременно величественно, — что вам понравилось. Не хотите ли...

Мать выставила обе ладони.

— Ваше величество, простите, что прерываю, но мы очень спешим. А сюда заскочили всего лишь по дороге, чтобы проведать сына. Умоляю простить нас, но мы вынуждены покинуть вас прямо сейчас за столом, иначе не успеем на вернисаж!

Отец поднялся, поклонился.

— Да, — промямлил он, — а мне как жаль, вы не представляете...

Я с таким облегчением подхватился, едва не опрокинув стол, что даже королева посмотрела на меня с недоумением.

— Как жаль, — сказал я ликующе, — ох как жаль!.. Ну ничего, жизнь продолжается. Заезжайте как-нибудь еще. Можно даже в этом году, хотя в следующем, конечно, удобнее...

Королева поднялась последней, мы проводили их до крыльца и, остановившись там, смотрели, как усаживаются в автомобиль, тот разворачивается на месте, а потом выезжает из распахнутых ворот.

— Они у тебя милые, — проговорила она снисходительно.

— А я?

— Ты непонятный, — отрезала она. — И очень скрытый за своим многословием и странными шуточками. Что теперь?

Я понял ее вопрос правильно, ответил почтительно:

— Ждать завтрашнего дня, ваше величество. Трансформатор уже везут.

— Из другого королевства?

— С другого континента, — ответил я и пояснил: — Через океан, моря, горы, два десятка королевств... Уверен, у вас бы на это ушло пару лет.

Она нахмурилась.

— У нас честные люди, а не предатели, сдавшие демонам свой мир!

— Зато живы, — сказал я нагло, как и положено современному интеллигенту. — Мы демократы, а для демократов лишь бы уцелеть, а там нас хоть... в общем, остальное неважно. Чем вас развлечь? Давайте обучу переключать каналы...

После десятка безуспешных попыток она научилась пользоваться пультиком и в самом деле сама переключала каналы, забавляясь самой возможностью смены картинок, но не отличала передачу с финансовых рынков от футбольного матча.

— Видишь?.. Не такое твое колдовство и трудное!

Я ответил с почтительным смирением:

— Только потому, что я это позволяю вашему величеству.

Она спросила опасливо:

— А как ты можешь помешать? Выхватить эту штуку?

— Зачем же, — проговорил я с еще большим смирением, — все намного проще... Попробуйте еще...

Она перевела взгляд на пульт и, ткнув им в сторону телевизора, как шпагой, нажала на кнопку. Я за это время незаметно сдвинул руку и тихонько нажал нужную

кнопку. Телевизор моментально вырубился, как комп, кофемолка и тостер, подключенные к этому шнуру.

Она растерянно нажимала кнопки, трясла пульт, подсмотрев этот жест у меня и явно считая его магическим, наблюдательная, зараза, на лице отразился страх, ко мне повернулась с дрожащими губами на бледном лице.

Я сказал жестко:

— Ваше величество, неужели в самом деле думаете, что я оставил бы вам хоть малейшую возможность власти? Я что, в самом деле похож на дурака?

Она зябко вздрогнула.

— Не знаю. Вообще-то да, часто. Но ты очень силен, я верю. И потому сможешь вернуть меня домой.

Я снова включил телеэкран, отыскал поиском, где сейчас какие косплеи, их высветилось несколько сотен, ткнул в то, что изображает взятие Орлеана Жанной д'Арк и ее рыцарским войском.

Королева вздрогнула, пришла в сильнейшее волнение.

— Где это?

— В другом королевстве, — сообщил я. — Весьма как бы дурном и далеко.

— Может быть, — предположила она, — мне там могут?

— Вас там ждет красивая смерть на костре, — сообщил я. — Красивая для публики, естественно. Там извечная война против магии! Видите, все сражаются честно? Никаких талисманов!

— Но тот мир так похож на мой, — прошептала она.

Я пожал плечами.

— Возможно, разрыв пространственной ткани произошел как раз в то время?.. Тут все осталось, как и было, а там, куда попали ваши предки, из-за этих трех солнц и

трех лун есть еще и магия. Вот и пошло-поехало. А социальный прогресс остановился вообще... Ваше величество, если я вас не сумею отправить обратно, то я уже никто.

Она сказала с убеждением:

— Ты сумеешь. Ты герой.

Я хмыкнул.

— Да уж, сам собой люблюсь. Но те, что вон там скачут и машут, эти точно ничего не. У них в голове только эти вот рыцарские косплеи. В смысле, турниры и захваты замков. Хотя, признаю, красиво. Во всяком случае, лучше замки вот так захватывать, чем пьянствовать да воровать...

Она присмотрелась, на лице появилось некоторое смущение.

— Оружие и доспехи у них очень уж хорошие... Лучшее, чем у нас. Неужели у всех из настоящего железа?

— У всех, — подтвердил я.

— Богатые, — сказала она с завистью. — С такими воевать опасно.

— Дык железа везде полно, — пояснил я. — У нас железный век.

— А у нас?

— У вас бронзовый, — пояснил я, — на переходе к железному. Я уже говорил... Вообще-то, ваше величество, не хочу обманывать, но на самом деле такого мира нет. Всего лишь игра скучающих бездельников.

Она спросила озадаченно:

— Как это нет? А я?

— Мираж, — объяснил я безапелляционно. — Фата моргана. Глюк. У меня помутнение, не ту травку скурил.

— А ты где был?

— Тоже мираж, — заявил я. — Я слишком много выпил вчера, вот и пригрезились всякие ужасы. Это же надо придумать такой омерзительный мир!

Она нахмурилась и смотрела с подозрением, я до-
словно повторил ее слова, это могло быть издеватель-
ством.

— Ладно, — сказала она почти деловым голосом, —
те великолепные доспехи, что я зрела на ваших до-
блестных рыцарях, стоят пусть и дорого, но не так уж
слишком...

Я насторожился.

— Ваше величество?

— Их много, — объяснила она. — Я видела, как прое-
хал целый отряд в таких же точно. Только гербы разные.
Если бы каким-то образом удалось купить партию... ну
пусть хоть десяток, это сделало бы такой отряд неуяз-
вимым!

Я покачал головой.

— Вряд ли такое возможно.

Она чуть скосила глаза на свои драгоценности, под-
няла руку, коснулась кончиками пальцев жемчужного
ожерелья в три ряда.

— Но эти украшения у вас стоят дорого?

Я развел руками.

— Ваше величество... Не говоря уже о том, что пока
нет возможности перебросить даже вас обратно, скажу
еще, что... или ладно, скажу просто «нет»!

Она помолчала минуту, очень уж твердо и решитель-
но я произнес это слово, наконец произнесла спокойно:

— Почему?

— Ваше величество, — спросил я, — почему вы там у
себя боретесь против магии?

Она помолчала, взглянула с некоторым колебанием,
сообщать или нет этому туповатому существу некоторые
сложные вопросы бытия.

Я ждал, по ее лицу промелькнула гримаска неудо-
вольствия.

— Крестьяне должны работать, — ответила она кратко. — И получать за свою работу плату.

— А магия?

— Магия все нарушает, — отрезала она. — Потому ее нужно исключить из жизни. Королям необходимы стабильные королевства, где все понятно и предсказуемо. Где можно строить планы и рассчитывать на много лет вперед!

Я помолчал, поинтересовался:

— Ваше величество... можно мне поцеловать вам руку?

Она выпрямилась, спросила враждебно:

— Что случилось?

— Зауважал вас вдруг, — признался я. — Может быть, это минутная дурь, тут же пройдет, но сейчас вот сам дивлюсь и ужасаюсь...

Она долго смотрела на меня тем недоверчивым взглядом, словно хотела спросить, а не грызану ли со всей демократической дури, наконец покачала головой.

— Нет.

— Нет? — переспросил я. — Жаль... хотя вообще-то уже нет, не очень-то и жаль. Дурь начинает выветриваться, ваше величество. В самом деле чувствовал бы себя последним дураком, позволь вы мне такое! Вы в самом деле мудрая, как змея, королева. Даже когда того и не подозреваете, все равно мудрая... Послушайте, гости ушли, самое время пожрать вволю! А то как на вас смотрю, всегда есть хочется. Как приговоренному к казни.

Она поморщилась.

— Нельзя неприязнь к родителям демонстрировать так явно. Неприлично. А в отдельных случаях даже непристойно.

— Так никто ж не видел, — сказал я. Посмотрел на ее лицо, уточнил: — А вы не в счет, вы не человек, а королева.

— Перед королевой, — произнесла она назидательно, — человек должен демонстрировать свои лучшие качества!

Я сказал в изумлении:

— А я что делаю? Видели бы вы мои остальные!.. Счас-счас, позвольте поставить перед вами вот это блюдо. Рекомендую попробовать вот эти восхитительные колбаски! Это вовсе не червяки, какими кажутся. Червяков вы съели за завтраком, не поняв, что то были червяки...

Она не изменилась в лице, продолжала так же осторожно брать кончиками пальцев тончайшие ломтики сыра, что тают во рту, как снежинки, а я ощутил себя грубияном, что и нагрубить не может изящно и с пританцовыванием, а вот так просто по-деревенски, весомо, грубо, зримо...

— Кажется, — произнесла она, — я понимаю. Тебе кажется, что такие доспехи тоже что-то изменят.

— А вам?

Она в едва заметном раздражении повела взглядом в мою сторону.

— Может быть, и нет. Но я сумела бы пользоваться так, чтобы ничего не нарушать. Например, вооружила бы только дворцовую стражу, что не воюет, не захватывает чужие земли, а только хранит порядок.

— Уже нарушение, — сказал я. — Ваше величество, допустим, только допустим!.. что вы стали чудовищем на троне. Пожираете живьем младенцев, устраиваете чудовищные казни только для того, чтобы повеселиться... Другого короля бы народное восстание смело бы с трона, а тут... стражи в таких доспехах будут в самом деле неуязвимыми и смогут убивать и убивать людей, пока их вообще не останется в королевстве.

Она морщилась, смотрела холодно, но когда я закончил, сказала лишь коротко:

— Ты просто глуп.

Я поклонился.

— Как скажете, ваше величество.

Глава 10

Закат бесподобный, вся западная половина неба стала золотой, а на последней трети застыли исполинские багровые волны, где в щелях полыхает яростный пурпур угасающего, но все еще чудовищно горячего солнца.

Я покосился на длинные косые тени, что пали во двор, повернулся к королеве.

— Не желаете ли принять на ночь ванну?

Она в недоумении приподняла брови.

— Что, и здесь есть ванны?

— Не королевские, — сообщил я со смиренной издевкой, — но все же, все же и как бы.

Она подумала, поинтересовалась:

— Формер привезут когда?

— Сегодня, — ответил я. — Но еще пара часов у нас в запасе. Думаю, если даже не изволите отдохнуть и расслабиться в ванне, то все-таки вам следует.

Она насторожилась, взгляд сразу стал подозрительным и враждебным.

— Это почему?

— Вы должны показать, — пояснил я, — как всем, так и себе, что вы хозяйка положения, нагнуть себя не позволяете, везде живете по своим стандартам... и даже ванну принимаете потому, что сами того изволите.

Она выслушала внимательно, только пару раз взглянула исподлобья.

— Ты говоришь так, что я должна отказаться... но если ты к этому подталкиваешь, то я должна поступить напротив. Недопустимо, чтобы что-то влияло на мои решения... Но если ты и это просчитал, и я все-таки делаю то, что ты хотел?

Я пробормотал:

— Для меня, такого простого и замечательного, ваши слова наполнены непонятной мне мудростью. Это у вас мудрость, верно?..

Она велела свысока:

— Где здесь ванна?

— Позвольте показать вам, — сказал я галантно. — Я знаю одну высокорожденную леди, которая лишь через месяц узнала, что во дворце, куда она переехала, нет ванной.

Она пожала плечами.

— И что?

— Да так, — ответил я, — у нас такой странный юмор. Вот ванная. Прошу вас...

Она огляделась с порога, блеск и чистота, как в операционной, белые стены, а в центре четырехугольная ванна-джакузи.

— Какое колдовство наполняет водой ванну?

Я поклонился.

— Вовсе не нужно колдовать, чтобы пошла горячая вода, ваше величество. Достаточно повернуть вот этот вентиль. А этот вот — холодная. Ладно, так и быть, я колдану чуток, чтобы ванна слушалась и ваше величество. А то от вас, уж извините, пахнет весьма не совсем по-королевски. Или как раз по-королевски?

— Полотенца, — спросила она с сомнением, — где-то в шкафу?

— Вообще-то у меня их нет, — ответил я с раскаянием. — По бедности. Просто незримые демоны вас обсудят...

— Демоны?

— Мелкие, — уточнил я, — мельче комаров, зато много. Это надежнее любого полотенца.

Она посмотрела с сомнением.

— Так это же лучше?

Я покачал головой.

— Сейчас в тренде всякая старина. В самом дорогом ресторане города столы застилают настоящими скатертями, сверху клеенкой, а потом еще и газетками, это такая грязная бумага. Чтоб посетители ощутили аромат старых эпох...

Она начала расстегивать платье, я ощутил некоторое замешательство, хоть кто из нас не видел голых женщин, однако же это старорежимная королева, у монархов свои законы...

Ее пальцы задержались на третьей пуговице, а голос прозвучал почти равнодушно:

— Если ты простолюдин, то можешь присутствовать и прислуживать мне при купании. Но если глерд, то тебе запрещено...

Взгляд ее был таким же холодным и равнодушным, как и голос, это же понятно, что назовись я простолюдином, спокойно разденется донага и неспешно влезет в ванну, а мне может даже велеть потерять ей спину...

Насколько помню, римские женщины спокойно принимали ванны в присутствии рабов-мужчин, то ж не люди, а в королевстве Нижних Долин примерно те же законы?

— Я простолюдин, — ответил я и поклонился учтиво, — но, думаю, наши простолюдины стоят выше ваших глердов.

Еще раз поклонившись, я отступил на шаг и вышел, плотно прикрыв за собой дверь ванной. На губах королевы, как я успел заметить, на краткий миг проступила победная улыбка и тут же исчезла.

Разумеется, я могу понаблюдать за ней на экранах, система наблюдения позволяет просматривать любой уголок, но я некоторое время достойно сдерживался, я же не маньяк какой-то и не озабоченный подросток, тем более уже видел, как она раздевалась, готовясь ко сну, видел ее совсем обнаженной. Но затем убедил себя, что вдруг она сумеет чем-то нанести себе вред, а то еще хуже — моему имуществу! — и поспешно вбежал в гостиную и вывел изображение на большой экран.

Королева с самым счастливым видом утопает в благоуханной пене, сильные водные струи передвигают эти белоснежные облака из стороны в сторону, по стенам проходят ажурные тени.

Потом я со стесненным сердцем смотрел, как она осторожно берет всю эту хрень, аккуратно разложенную в углублениях по краю ванной, что-то вообще ниши, рассматривает очень внимательно, кладет обратно и достает следующую.

Лицо у нее настолько сосредоточенное, что я забеспокоился, тоже мне Кювье, начинает по этим косточкам воссоздавать общий облик нашей цивилизации, ее уровень, силу, влияние, технические и религиозные особенности...

Вообще-то это возможно, как если вот археологи находят каменный топор и сразу рисуют то общество, а когда находят бронзовый, то рисуют другое, вплоть до того, что пили и ели, а когда попадется железный топор, то воссоздают картину с каравеллами, колесницами, жрецами в высоких шапках и переходом с жертвоприношением от человека к животным...

Но это удобно делать по отношению к минувшим эпохам, так бы нас понял по найденному мобильнику человек из трехтысячного года, но не королева из параллельного мира...

А вдруг может? Да нет, это я страхополох, просто она старается понять, что для чего служит...

Раньше это назвали бы извращением, дескать, нехорошо подглядывать за купающейся женщиной, будто старцы за Сусанной, но сейчас, когда что одетая женщина, что голая — нет разницы, потому ну не чувствую вины, зато могу проследить незаметно и чем-то помочь, подсказать...

В какой-то момент она забеспокоилась, начала поворачивать оба крана, потом лицо просветлело и приняло победное выражение.

Молодец, кто бы подумал, что справится, здесь же все дико и непонятно, но что значит королевское воспитание, все старается понять, а что не понимает, просто принаравливается и держится как ни в чем не бывало.

В гостиной звякнуло, я оглянулся, на большом экране появилось лицо Ани, на этот раз выражение вполне серьезное.

— Милый, — произнесла она деловым голосом, — с тобой хотят поговорить...

— Кто?

— Звонящий не определен, — ответила она таким серьезным голосом, что у меня побежали мурашки. — И вообще нет в базе.

Плечи мои как осыпало морозом, в базе есть все абоненты сети, даже жители Эфиопии.

— Давай на малый экран, — пробормотал я, — вон туда на стол...

Она кивнула, исчезла, а на дисплее появилось лицо Выдирателя, бычары. Он с усмешечкой наблюдал, как я

торопливо подошел к столу и сел, чтобы мое лицо было в кадре.

— Привет, — сказал он по-хозяйски, — ну, докладай.

— О чем? — спросил я настороженно.

Он жестко ухмыльнулся.

— Об успехах. Тот дилер выходил с тобой на связь?

Я помотал головой.

— Еще нет.

— Хочешь сказать, — проговорил он недобрым голосом, — это была одноразовая акция?

— Ну типа того...

Он качнул головой из стороны в сторону.

— Не пойдет.

Я покосился на дверь ванной, королева вряд ли слышит за плеском бурной воды, но на всякий случай повернул дисплей в другую сторону и чуть уменьшил звук.

По всему телу уже холод, вот-вот зубы застучат, еле проговорил жалким голосом:

— Ну почему? Если у него есть еще такие же камешки, что маловероятно, ему выгоднее всякий раз брать нового человека!.. Тем самым избежит вот этого... что сейчас.

Он кивнул.

— Разумно. Сам придумал?.. Все равно молодец. Хорошая версия. И почти правильная. Да только ты сам засветился.

Я охнул.

— Я? Как?..

Он проговорил с ухмылкой:

— Тот бриллиант был в оправе, помнишь?.. Ну да, помнишь, по глазам вижу. Так вот мы пошерстили записи видеокамер насчет тебя и твоих знакомых... ага, понял?

— Ничего я не понял, — пробормотал я.

— А чего побледнел? В общем, пару раз камеры тебя засекли с одной мамзелью. Если хорошо увеличить картинку, любой дурак рассмотрит такие же камешки на ее платье.

— Стекляшки, — сказал я безапелляционно. — Простая бижутерия. Женщины обожают такую хрень. Как сороки.

— И мы так решили, — согласился он, — да только оправа у всех тех стекляшек как бы одинаковая. Одним человеком сварганенная. И буковки непонятные, но на одном языке. Если это язык.

— И что?

— Трудно поверить, — ответил он с ухмылкой, — что один там был настоящим бриллиантом, а все остальное — стекляшки. Либо все стекляшки, либо все... ну ты понял!

Холод охватывал меня все сильнее, я проговорил уже замерзающими губами:

— Но так и было... а что вы хотите?

— Деловой подход, — ответил он с одобрением. — Парень, мы не знаем, как к тебе все это попало, но такие вещи не по тебе. Не по твоему росту и твоим возможностям. Да ты и сам понимаешь, не совсем же дурило? Мне поручено предложить тебе компромисс... ты передаешь нам все, что нацеплено или было нацеплено на твоей девахе, а мы... снабжаем тебя некоторой суммой, что покроет все твои расходы на несколько лет. Это хорошая сделка, поверь!

— Чем же хорошая?

— Если возьмем сами, — пояснил он, — то тебе оставим только твою шкуру. Да и то... может быть, слегка продырявленную. А мы точно возьмем, можешь поверить!.. Нет, не шкуру, ха-ха... Обмануть не пытайся, в на-

ших цепких лапах снимки каждой вещицы, что на платье твоей мамзели. Чтоб все до единой!

— Одна уже продана, — вставил я.

Он отмахнулся.

— Не бери в голову. Думаю, даже ты догадался, не совсем же идиот, что хорошие люди сотрудничают друг с другом... и та вещица уже в руках того, кто и так владеет всеми ювелирными в нашем городе. И в десятке других. Даже за кордоном есть филиалы. Так что про ту забудь, но насчет остальных даже не пробуй хитрить.

— Я не хитрю...

Он сказал посерьезневшим голосом, на этот раз угроза звучала в каждом слове:

— Хлопец, не гони.

Со стороны ванной комнаты вроде бы донесся плеск, я сказал торопливо:

— Давайте отложим этот разговор... на недолго?

Он поморщился.

— Чтоб ты попытался бежать?.. Это дурость, поверь. Мы уже знаем, где живешь. Если не привезешь сам, приедем и возьмем. Что, про ОМОН подумал?.. Зря. Они в первую очередь спросят, где ты сам взял эти штучки... Ага, побледнел... То-то. Мы просто отберем, но тебя не тронем, еще и деньжат подкинем, а власти не только отберут, но еще и посадят.

Плеск в ванной повторился, следом донеслось шлепанье босых ног по кафельному полу.

Я сказал быстро:

— Я не готов сейчас обсуждать детали!.. Давайте отложим.

Он сказал угрожающе:

— Хлопец, ты не расслышал, что я сказал?

Дверь ванной начала открываться, я сказал торопливо:

— Сейчас не могу! Потом...

Королева вышла в коридор и двинулась в мою сторону. Я торопливо отрубил связь, быстро-быстро набрал код запрета этого номера и всех прочих, которые не занесены в базу данных абонентов всемирной сети.

Она приблизилась все с той же высокой прической, все не решается распустить волосы, наверняка очень трудно каждый раз заново строить эту роскошную башню, я вскочил и отодвинул для нее кресло за столом.

— Ваше величество...

— Отменно, — сообщила она. — Сразу чувствуется, очень слабый, изнеженный и жадный на удовольствия народ. Потому вас так легко и поработили демоны. Но ты не бойся, я не стану вторгаться.

— Гм, — сказал я.

— Не люблю воевать, — объяснила она деловито. — Торговля замирает, ремесленники не берут заказы... В твоей ванной довольно удобно. И демоны мне совсем не вредили. Все получалось без заклинаний. Почему?

Я сказал в затруднении:

— Ну как бы вам, ваше величество, объяснить доступно... Это магия высшего порядка. У нас шло как бы иначе, чем у вас... У нас народ простой и ленивый, даже маги не желают утруждать себя произнесением всякий раз заклинаний, понятно?

Она покачала головой.

— Нет.

Я в затруднении показал взглядом на люстру.

— Когда-то я шелкал бимером, чтобы загорелись лампы... это такие свечи. Один раз нажму на кнопку — загорится одна лампочка, дважды — вспыхнут три, нажму трижды — загорятся все по периметру, а если четыре — вспыхнут все. Но когда тупой дом начал наконец-то понимать, что такой хитрой скотине, как я, надо, и начал

сам все делать, я забросил бимер. Теперь даже не знаю, где он.

Она нахмурилась.

— Не опасно все поручать демонам?

— Не все, — возразил я. — Человек всегда оставляет самое главное и важное себе! Например, я высвободил больше времени и так нужной нам энергии, чтобы дольше лежать на диване.

— Отдыхаешь после трудных битв? — спросила она.

— Да, — подтвердил я. — Отдыхаю. После трудных. Даже как бы да, очень даже. Накапливаюсь. Чтобы набраться сил перед глубоким и заслуженным сном.

Глава 11

Она поморщилась, вряд ли что-то поняла из моих умных и красивых рассуждений, спросила похолодевшим голосом:

— Что с формером?

— Вот-вот, — сказал я. — Можно отследить его путь. Хотите?... В смысле, изволите хотеть? Возжелаете?

— Да, — ответила она. — Изволю.

— Тогда сюды, — сказал я, — к большому экрану... Щас выведу, так не люблю делать что-то сам, но демоны могут не понять ваши изысканные капризы... Ага, вводим код купленного товара, какой же длинный, и все вручную... теперь берем карту региона... ага, вот он! Видите зеленую точку?

Она проговорила настороженно:

— И что?

— А вот наш домик, — объяснил я и потыкал пальцем в край экрана. — Видите, совсем недалеко осталось!

Она проговорила с недоверием:

— Но зеленый огонек не двигается...

— Присмотритесь, — посоветовал я. — Двигается, и весьма sporo. Это с высоты орлиного полета. У нас орлы, знаете ли, в стратосфере, а то и повыше парят, парят, распутив в невесомости фотоэлементные крылья. Годами не спускаются на землю, взлет и посадка — легко только для кур, но не для орлов.

Она долго смотрела на зеленый огонек, медленно ползущий в нашу сторону.

— Он не по прямой...

— Сперва на склад, — объяснил я, — потом к нам. Через час придут, ваше величество!

Она кивнула, пошла к самому роскошному, на ее взгляд, креслу, хотя они все одинаковые, но королева как-то видит различие. Возможно, в том, какое как стоит.

Я проводил ее взглядом, голова идет кругом, сердце колотится, как у пойманного волком зайца. Всеобщее видеонаблюдение практически уничтожило уличную преступность, сейчас уже невозможно выхватить сумочку у женщины и остаться непойманным. Даже любой нарушитель уличного движения будет наказан в обязательном порядке, никто не увильнет, так что наблюдение — великое дело.

Но оно рассчитано на искоренение мелкой преступности, что и правильно, эта мелкая составляет девяносто девять процентов от общей, однако остается еще один процент, где крутятся большие деньги, и грабители там умеют оставаться непойманными.

Королева не замечает, как я вздрагиваю при любом чириканье пролетающей птички, как прислушиваюсь к шорохам и всматриваюсь в дорогу, что ведет к моему домику, но я в самом деле на взводе, каждое мгновение ожидая прихода чего-то непонятного и страшного.

— Охранный пункт, — произнес я в сторону темного экрана.

Там на миг возникла стена из сотен кирпичиков новостных роликов, следом от рамки до рамки появилась мощная фигура дежурного с квадратным лицом супердесантника, виртуал, конечно, но смотреть приятно.

— Ко мне вот-вот привезут трансформатор, — сказал я, — из магазина «Силовые машины». Пропустите.

— Хорошо, — ответил дежурный и вежливо улыбнулся, — все будет сделано.

Экран погас, не терплю этого дурацкого мелькания, даже серьезные новости выглядят дешевой рекламой.

Королева привычно восседает в кресле, откинувшись на спинку кресла и царственно возложив руки на подлокотники.

— Везут?

— Все вы замечаете, ваше величество, — сказал я поощряюще. — Уже привыкли почти? Может быть, останетесь? Я вам работу найду по дому. Или во дворе... со временем.

Она покосилась на зеленую полосу.

— Что-то медленно ползет... Нельзя побыстрее?

— Ваше величество, — сказал я, — вы можете заставить быка бежать со скоростью коня?.. Это грузовой демон, а не скаковой. Ползет медленно, тащит много. Вон там свернет, видите?.. Эта полоска — дорога...

— Уже поняла, — буркнула она.

— Ну вот, сами видите, что дальше уже по прямой прямо к воротам поселка. Это уже минуты...

Мобильник тихонько звякнул и даже мигнул, я сказал королеве:

— Отлучусь на минутку, простите.

Она милостиво наклонила голову, я вышел на веранду, мазнул пальцем по экранчику.

— Да, Фауст.

Его лицо сразу заняло все пространство от рамки до рамки, так обычно поступают, когда сидят без штанов, Фауст все понял по моему лицу, отодвинул картинку, нет, все в порядке, одет по-дорожному.

— Евгений, — сказал он быстро, — надо действовать! Пока бьемся с постяками, что все-таки почти свои, биокконы торжествуют и набирают сторонников!

Я буркнул:

— Да как они набирают... На критике много не наберешь, а пропаганда у них никакая. Назад в пещеры? Оставить все, как есть?... Это для стариков, которых все меньше. А молодые чаще сразу принимают сторону постяков...

— А оттуда переходят к трансгуманистам, — сказал он сварливо, — как к более... реалистично мыслящим.

— Хочешь сказать, — спросил я, — у постяков электорат моложе? А мы, стало быть, среднее поколение?... Которое в выборах почти не участвует?

— Хуже всех, — подтвердил он. — Пенсионеры добросовестны, или им делать просто нечего, молодежь еще горит желанием перевернуть мир, а средние... верят только в свой бизнес. И вообще для них неважно, чей кандидат в президенты победит.

Я поморщился.

— Не террористов же выдумывать!.. Да и вообще... Террористы — скучно. Там все понятно: к ногтю. А здесь битва похожих идеологий. В таких случаях борьба обязательно переходит в лютую вражду.

Он кивнул.

— Ну да, место на троне только одно. Сядут либо трансгуманисты, либо постчеловеки. Сейчас мы сообщаем все еще деремся против биокконов, но ты же сам видишь,

уже сейчас сражаемся друг с другом... Ты вообще-то еще трансгуманист?

Я скривился, бандиты идут по пятам, трансформатор еще не доставлен, а ему еще заряжаться, да и неизвестно, сумеет ли преобразовать достаточно энергии, а даже если сумеет, хватит ли для поддержания работы Зеркала Древних, кто знает, какие мощности ему нужны, а мне вот только ломать голову над этой хренью для бездельников...

— Пока трансгуманист, — ответил я честно, — потому что у них больше шансов успеть раньше... но у них близко потолок развития, а у постчеловеков потолка нет в принципе. Потому потом переметнусь...

Он посмотрел почти с ненавистью, как большевик на жующего рябчиков, надулся, покраснел в негодовании, но сумел сдержаться, хороший признак, значит, не совсем увяз, сказал презрительно:

— Соглашатель. Тебе должно быть стыдно.

— А я бесстыжий, — ответил я победно. — Слово-то какое ты откопал старинное! Я только от прадеда слышал такие, как стыд, разврат, честь, долг, сознательность... и еще кучу, у которых даже смысл потерян. Ты, наверное, биокон? Это в их лексиконе еще встречаются такие дикие архаизмы... Не лепо ли ни бяше?

Он отшатнулся.

— Сам ты биокон!.. Приходи завтра на митинг, мы должны показать свою массовость...

— А по инету?

— По инету не так наглядно, — отрезал он. — А вот когда мы перекрываем дорогу...

Я сказал уверенно:

— Точно биокон!.. Выйдете в шкурах?... Лучше сосредоточиться на продвижении Данилы в президенты. Даже если не пройдет, то все равно шумиха будет еще та,

а на следующий раз вполне может набрать голоса. Наши ряды растут, надо только перестать корчить из себя высколобых и начинать принимать в движение и всех дураков, даже самых крайних, вроде футбольных фанатов...

Он отшатнулся.

— Ты что?

Я напомнил:

— А ты знаешь, что у постгуманистов прорабатывается идея привлекать дураков, объясняя это тем, что им все равно потом вставят другие мозги?.. Значит, дураков нужно перехватить раньше и внедрить в наше движение! Ничего не объясняя. Идея вставлять новые мозги никому не понравится. Особенно дуракам, они уверены, что и так умнее всех на свете!.. А мы их примем как бы такими, какие они щас. Хотя потом, гм, либо всех на гумус, либо вставим в кору головного мозга седалищный нерв...

Он сказал с тоской:

— Куда мир катится?.. За голоса дураков начинаем борьбу. Умные с умными...

— А так было всегда, — напомнил я. — Избирательная система на том и построена. Массы состоят из дураков, они как бы решают, какого из дураков поставить рулить миром. Потому любой лидер обязан, чтобы понравиться дуракам, болеть за футбол, щупать за жопы секретарш, ходить с расстегнутой ширинкой и постоянно улыбаться... В общем, Фауст, извини... даже прости, но никак не могу! Я, может быть, жениться собрался. Огород у меня уже есть.

Он распахнул глаза.

— Правда?

— И огромный, — заверил я. — Правда, пока на нем растут только ценнейшие травы, лечебные свойства которых еще предстоит науке открыть, и тогда я стану миллиардером...

— Бурьян, что ли? — спросил он. — Ну тогда да, самое время жениться.

В гостиной, куда я поглядываю краем глаза, на экране появилось улыбающееся лицо начальника охраны поселка.

— Прибыл груз из магазина «Силовые машины», — отчеканил он. — Все проверено, в накладной заказанный вами трансформатор. Направляю к вам!

— Принято, — крикнул я в ту сторону. — Извини, Фауст, у меня важное дело...

Отрубив с ним связь, я вернулся в гостиную и увеличил картинку лобового стекла грузовика, там двое, один за рулем, второй рядом, видимо, грузчик. Я моментально сделал скрин и загнал в базу, а там двухсекундный поиск выдал их личные дела и биографии, начиная с момента рождения, а также сведения где и как учились, какие отметки, где работали...

Я вздохнул с облегчением, все в порядке, не бандиты, подлинные работники магазина. Вряд ли их успели бы за эти полминуты завербовать для операции по изъятию сокровищ.

— Иди встречай, — величественно велела королева.

— Да, ваше величество, — пробормотал я, — это я со всем старанием...

Через панорамное окно кухни видно, как вдали между уютными коттеджными домиками показалась грузовая автомашина с белым кузовом, нависающим над кабиной. В глаза бросилась яркая надпись «Силовые машины», мощный такой грузовик, словно перевозит атомную бомбу.

Судя по тому, как на приличной скорости безукоризненно срезает на поворотах углы, за рулем профессионал, новое поколение вообще разучится водить автомобили, в какое страшное время живем, королева права...

Я вышел на крыльцо, сказал негромко:

— Открыть ворота.

Автомобиль, почти не замедляя скорости, влетел во двор, резко и красиво затормозил в шаге от крыльца.

Двое в униформе магазина выскочили бодро и подчеркнуто резво, мужик лет пятидесяти и совсем молодой парнишка.

Мужик крикнул весело:

— Я Маргаст, бригадир. Принимайте груз!.. Куда нести?..

— Какая у него дальность? — спросил я.

Он ответил с гордостью:

— Сто метров гарантируем. Если хотите подальше, то, конечно, потребуются провода, иначе потери будут великоваты.

— А тут без потерь?

— Точно!.. Можете в беседке поставить или вон в том сарайчике... Даже у соседей, если те близко.

Я помотал головой.

— Нет, тащите в котельную. Там тесновато, но если размеры те же, что у предыдущей модели, как раз впишется...

— Размеры те же, — заверил он, — даже на три миллиметра ниже и на полкилограмма легче, но мощность в десять раз выше. Погодите минутку...

Он оглянулся, парнишка исчез в кузове, через полминуты вылез в сервокостюме, а когда вытащил металлическими руками трансформатор, стало понятно, что нам бы и вдвоем не поднять такую штуку.

Держа его перед собой и чуть откинувшись корпусом назад для равновесия, он медленно начал подниматься по ступенькам, а я забежал вперед и показывал, куда нести дальше.

Глава 12

В котельной, как привычно называется это хирургически блистающая чистотой комната, сверкают никелем некие штуки, что отапливают дом, снабжают водой и вообще следят за его здоровьем, с каждым поколением они становятся мельче, но габариты самой котельной остаются прежние, проектирование домов не успевает за техническим хайтеком, и здесь есть место хоть для двух трансформаторов.

Парнишка бережно опустил нашу прелесть на пол, а бригадир сказал довольно:

— Кабель только один!.. Да-да, я тоже помню те дикие времена, когда под столом путаница проводов!.. Ха-ха, дикое время, а ведь еще вчера, правда?

Я невольно вздохнул, в самом деле совсем недавно избавился от множества проводов, что тянулись от компа, экрана, переходников, роутера и прочих необходимых прибабасов.

Если бы не разработали беспроводную подзарядку, даже не знаю, в какой кошмар превратились бы наши квартиры, когда девайсов все больше и все нужно подсоединить и к розетке, и к компу, и к экрану, провода путаются между собой, выдернешь, да не тот, а если споткнешься, то сам упадешь — ладно, а когда рухнет конструкция из внешних хардов...

Они быстро распаковали ящик, вытащили, подключили, я проверил, той ли марки подзарядник, заказывал самый крутой для промышленно-бытовых нужд.

Сейчас эти собиратели энергии встраивают всюду, от мобильных до гигантских заводов, где крыши целиком из универсальных солнечных батарей, как их называют по старинке, хотя кроме солнечной энергии улавливают

все-все, что могут поймать на Земле и что приходит с космическим ветром и мусором...

Тот, что сидел за рулем, вручил мне толстый мануал, заржал весело.

— А вдруг вы немец и все-все прочтете?

— Ну да, — сказал я с сарказмом. — Вот так сяду и начну жить по инструкции! Правда, на меня похоже?

— Все мы такие, — ответил он. — Спите спокойно, за ночь зарядится.

— Готов будет только утром? — спросил я несколько нервно.

Он пожал плечами.

— Если очень не терпится, то вот кабель, можно подключить к вашей энергосистеме. Только предупреждаю, это влетит в копеечку.

Я сказал быстро:

— Подключите! Это же не просто воткнуть штепсель в розетку?

Он широко улыбнулся.

— Да, так было бы удобнее. Но за отдельную плату мы могли бы оказать и эту дополнительную услугу...

— Нет проблем, — сказал я с высокомерием олигарха. — Вон щиток. Или нужен тот, что на улице?

— Достаточно и вашего, — ответил он. — Подключаться к трансформаторной будке на улице — это уже нарушение. Все сделаем здесь. Займет несколько минут, десяти коинтов хватит.

— Подключайте, — велел я.

— На брата, — договорил он, глядя мне в глаза.

Я махнул рукой.

— Время дорого. Это упущенная прибыль!

Он сказал с уважением:

— Все сейчас сделаем. Вадик, подключи кабель к ресурснику и тащи другой конец сюда!

Вадик, гордясь близостью к новейшим достижениям хайтека, важно сообщил мне, что этот тип трансформатора позволяет не только беспроводную зарядку, но и преобразовывает в электричество все, начиная от тепла моего тела, ходьбы, механических движений, все это не новинка и встроено давно во все мобильники, но еще и собирает, помимо солнечного, даже рассеянное космическое излучение, что совсем круто...

Я вежливо кивал, соглашался, Вадик то ли не знает, то ли умалчивает, что насчет рассеянного космического больше выпендрож, чем реальная польза. Дураку известно, что от тела владельца мобильник получает в виде тепла энергии в сто раз больше.

Старший принес планшет, я приложил палец к отмеченной галочкой строке, что получил, все в порядке, доставку оплатил, претензий не имею, с гарантийным обязательством согласен.

— Все в порядке, — сказал старший с удовлетворением. — Заказывайте еще... Через год такие же по мощности можно будет носить в кармане!

Королева проследила через окно, как они выехали за ворота, а те автоматически закрылись, повернулась ко мне.

— Готово?

— Что готово? — спросил я с раздражением. — Эта штука еще двенадцать часов будет подзаряжаться! В смысле, накапливать магическую мощь. Только наша магия скорее всего окажется полностью несовместимой с вашей.

— Но ты обещал...

— Я не гарантировал, — сказал я с отчаянием, — я просто надеюсь! Этот преобразователь поглощает любую энергию и умеет превращать ее тоже в любую, которая потребуется.

— Так в чем же...

Я огрызнулся:

— А если вашей магической энергии вообще нет в прейскуранте?.. Ладно, нам осталось только ждать, ваше величество. Говорят, ожидание — мудрость королей?

Она обронила холодно:

— У королей это не единственная мудрость. А ускорить это... ожидание?

— Уже, — огрызнулся я. — Думаете, я не мечтаю как можно скорее запихнуть вас в ту дыру?.. Сразу почувствую себя человеком, а не как сейчас...

Она перевела взгляд на трансформатор.

— Ты... ускорил?

— Да!

— Прекрасно, — ответила она, не вдаваясь в подробности, как мне это удалось, мужчины должны уметь все, это их забота. — Сколько еще осталось?

— Точно не скажу, — ответил я. — Зависит от напряжения нашей сети и ее возможностей.

Она посматривала с вопросом в глазах, я указал взглядом на вытянутый дисплей трансформатора, где в уголке высвечиваются цифры.

— Еще не скоро. А если смотреть вон туда, там вообще нагляднее... зеленая полоска ползет, как улиточка, видите?.. Это заряжается трансформатор. Как только доползет до конца, можно будет попробовать включить...

Ее взгляд прикипел к индикатору загрузки. Для того, чтобы снабжать энергией дом и участок не только мой, но и всего поселка, хватило бы и половинной мощности, но для первого включения нужно зарядить полностью. Трансформатор запомнит это значение и сможет работать с полной отдачей.

— Уже скоро, — проговорила она.

— Да, — согласился я, — но это только попытка, ваше величество! Возможно, ничего не получится, придется искать другие пути. Так что вы будьте готовы ко всему...

— Короли всегда готовы, — произнесла она с должной надменностью. — Нас к этому готовят с колыбели. Эта полоска для неграмотных?

— Ну... в общем да.

Она покачала головой.

— Такие вещи разве можно доверять простым крестьянам?

— У нас несовершенный мир, — согласился я. — То ли дело королевство Нижних Долин. Там грамотный на грамотном, верно?

Она поморщилась.

— Грамота не всем нужна. Большинство просто и не желает ею обременять себя, пахать землю можно и без грамоты.

Мобильник тихонько хрюкнул, напоминая о себе. Я скосил глаза, высветилось имя Стеллы.

Я поднялся, сказал королеве:

— Зеленую полоску можно подогнать, если смотреть очень подталкивающе.

Она повернулась к двери котельной, на лице колебание, а я вышел на веранду и сказал негромко:

— Пуск... Привет, Стелла.

На экране появилось ее лицо, я изумился, не видя привычного пирсинга и даже тату на морде, а она сказала требовательно:

— Убери этот дурацкий ник. Поставь «Катерина», как у меня в паспорте.

— Ну ты даешь, — сказал я обалдело. — Что стряслось?

Она прямо посмотрела с экрана мне в глаза.

— Я на четвертом месяце беременности...

— Поздравляю, — сказал я саркастически.

Она посмотрела исподлобья.

— Тебе уже нравится быть отцом?

Я поинтересовался:

— Что сказал тест ДНК?

— Тебе какая разница? — сказала она с вызовом. — Ты сам говорил, что теперь неважно, кто отец. Люди вообще берут на усыновление детей из других стран! Вообще чернокожих, желтокожих или узкоглазых...

— Я и не отказываюсь от своих слов, — ответил я с достоинством. — Вполне могу усыновить негритенка. Но не сейчас. Я еще не готов к женитьбе.

Она отмахнулась.

— Кому нужна теперь женитьба?.. Просто создадим семью...

— ...или ее подобие, — закончил я.

— Ну почему подобие? Все так живут!

— Я, — ответил я с величием, — не все. Я есмь уникальная личность. Живая легенда, так сказать. Я уникален, а остальные как хотят. Со мной исчезнет вся вселенная, а за ними и свинья не хрюкнет. Так что я буду подходить к созданию семьи разборчиво.

Она посмотрела почти с ненавистью.

— Ты что же... отказываешься от меня с ребенком?

— Стелла, — ответил я, — или даже Катерина... давай начистоту. Ты тест на ДНК уже сделала, иначе бы не увильвала. И вообще напирала бы, как Европа с санкциями. Я там и близко не ночевал, так ведь? Более того, ты так и не смогла отыскать среди нашей компашки ни одного с аналоговой ДНК...

— Аналогичной, — поправила она автоматически.

— Вот-вот, — сказал я. — Думаешь, я потерплю, чтобы меня все время поправляли? Что за жизнь будет у моей мужской гордости?

— Ладно, — сказала она нагло, — пусть аналоговой. Или даже ламповой.

Я продолжил, не обращая внимания на ее умничание:

— Значит, залетела где-то по пьяни по дороге с незнакомыми парнями, которых больше не видела. И хотя да, ребенок есть ребенок, даже если он с такими же дегенеративными отклонениями со стороны отца, какие у тебя... но, как уже сказал, я просто не готов к семейным отношениям. Ни с чужим ребенком, ни со своим.

Она вскрикнула торжествуяще:

— Расист!.. Ты указываешь на различие!

Я сказал внятно и отдельно:

— Да пиши, что хочешь. Мой дом тоже все снимает и записывает. Повторяю внятно и отдельно для любого суда: я не готов к семейным отношениям. Это мое право.

Она воскликнула:

— А общественное мнение?.. Как ты будешь людям в глаза смотреть?

— Как демократ, — ответил я, — бесстыжими глазами с осознанием своей правоты в такие же бесстыжие глаза. Так что...

— Ну-ну?

Я закончил:

— Лучше поищи мужа среди более податливых. Биологического отца не найдешь, что понятно, разве что тот выложил формулу своего ДНК в общий доступ, но у тебя есть шанс... из сотни тех, с кем вязалась четыре месяца назад, нагнуть с помощью этих вот приемчиков...

Я смотрел дружески и как можно благожелательнее, хотя душа трусливо забилась под стельку моих кроссовок, а моя неисгибаемая воля уже опасно согнулась в сторону того, что можно бы и признать, чего такого, сейчас это в порядке вещей, у женщин прав уже больше, чем у негров, перед которыми весь мир, даже непричастные к

колониальному режиму русские и финны извиняются за перегибы во времена средних или каких-то там веков.

Она смотрит пытливо, понимает, что нагнула, вот только достаточно ли, чтобы я сдался, или же в самом деле лучше попробовать другие варианты.

— Другие хуже, — сообщила она. — Ладно, это не твой ребенок, но какая разница?.. Я выбрала тебя в его отцы потому, что ты лучше остальных.

Я изумленно охнул:

— Я?..

Она кивнула.

— Ты не образец, но я же говорю, другие куда хуже. Это значит, ты — лучше их! Разве это не повод для гордости?

— Гм, — сказал я озадаченно.

— Тебе не льстит, что именно тебя я выбрала из всех, с кем тогда развлекалась?

— Льстит, — признался я. — Да, льстит... Но не настолько, чтобы я назвал твоего ребенка своим и зажил с тобой семейной жизнью. Так что, дорогая, можешь обращаться во все инстанции, где найдешь полную поддержку, но я тоже ее найду... хотя бы в обществе защиты мужчин и животных.

— Дурак, — сказала она сердито, — неужели ты не хочешь поддержать на руках младенца?

— Ты тоже не хотела, — напомнил я.

— Не хотела, — подтвердила она. — А потом вот вдруг... Или не вдруг, но теперь хочу. Могла бы подождать еще три года, обещают запустить линию искусственных маток, в колбах будут выращивать детей из наших яйцеклеток и ваших сперматозоидов... Но почему-то очень уж восхотелось по-старинному, самой.

— Атавизм, — сказал я авторитетно, — а ты была такая продвинутая.

— Не знаю, — ответила она, — но во мне пробудилось древнее материнское чувство.

— А вот мое отцовское еще не пробудилось, — отрезал я. — Пока я только массовый сеятель, как понимаешь, а не выращиватель каждого колоска в отдельности.

— Хорошо, — сказала она, — но ты подумай! Хорошо подумай и представь себе. Возможно, и в тебе пробудится то, чему пора пробудиться.

— Подумаю, — ответил я. — Будь здорова!

Я отрубил связь и в два клика занес ее номер в черный список, чтобы не могла связаться со мной даже с чужого мобильника или терминала.

В дом вернулся, напевая для бодрости:

— Я вернусь домой на закате дня. Напою жену, обниму коня...

Королева вышла из котельной, злая, как кобрища, услышала, поморщилась.

— Ну и нравы у вас...

— У нас демократия, — согласился я. — Конь тоже человек, у него теперь все конституционные права, может выставлять свои кандидатуру в мэры или президенты... К счастью, своим правом не пользуется.

Она спросила с недоверием:

— У вас кони...

— Не только кони, — объяснил я, — а и все живое!.. Нельзя же одним права дать, а другим нет! Это будет расизм и дискриминация, что недопустимо в нашем глупеющем обществе при умнеющих людях... Как там полоска?

Она отрезала зло:

— У вас другая магия! Моя не может ускорить этого зеленого червяка.

— Правда? — изумился я. — Тогда сядьте, отдохните, вы же умственно перетрудились, у вас от усилий

спина наверняка болит. Позвольте подложить вам подушечку...

Она поинтересовалась холодно:

— Зачем?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Слышал с детства, что принцессам нужно подкладывать под перины горошину, королей опахивают... э-э... опахалами, не знаю, что это, а королевам подкладывают подушечки... под спины или под жопы?

— Дикие у вас люди, — произнесла она с оскорбительным равнодушием, — но, к сожалению, я не могу повести и вас к правильной жизни.

Но подушечку, вырвав из моей руки, все же подложила под поясницу, тем самым подтвердив расхожую теорию насчет того, чем женщины думают.

Глава 13

Странный холодок коснулся моей души, если она у меня есть, как будто неясное предчувствие неприятностей.

Королева взглянула на меня и умолкла на полуслове. Я поднялся, холодок нарастает, я повертел головой по сторонам, а королева спросила тихо:

— Ты из Чувствующих?

Я буркнул:

— А это еще что такое?..

— Есть, — ответила она шепотом, — чувствующие опасность. По-настоящему, а не так, как многим кажется, что чувствуют...

— Не знаю, — ответил я тихо, — когда я был в Зачарованном лесу... что-то произошло. А еще три луны...

Меня выжало, как мокрую тряпку. Хорошо, альвы помогли, а то бы сдох. Вроде бы начал предчувствовать... э-э... неприятности.

Она покачала головой, не отводя от меня пристального взгляда.

— Все равно странно...

— У вас под тремя солнцами и лунами, — объяснил я, — выжили только те, у кого чувствительность к ним притупилась. А я из другого мира, я чувствительный! Толстокоже-чувствительный. У вас же тоже рождаются чувствительные, что либо мрут, либо становятся магами...

Я снова прислушался, она спросила быстро:

— Что чувствуешь?

— Опасность, — ответил я медленно, — только далеко. И... она не приближается. Хотя нет, прибли... нет, не приближается, просто смещается по кругу!.. По большому кругу.

Я запнулся, королева не спускает с меня взгляда и, судя по ее лицу, тоже поняла. Некто враждебный обходит по периметру землю, где находится мой очень скромный замок.

После долгой паузы она спросила, не выдержав королевского молчания:

— Ну?

— Ничего, — ответил я шепотом. — То ли унесло... ветром, наверное, то ли лег спать прямо у оградки. Почти ничего не чувствую...

Она проговорила со сдерживаемой болью:

— Только бы успеть вернуться!

Я сказал с сочувствием:

— Может, проще остаться? Если там переворот, вас казнят точно. И не топором на плахе, а как-нить осо-

бенно красочно. Конями на куски, на кол или за ноги к деревьям...

Она ответила с силой:

— Моя жизнь ничего не стоит, важна только жизнь королевства!.. Мятежники ввергнут его в смуту, в гражданскую войну. Власть захватят в столице, но глерды на местах запрутся в крепостях и сохранят мне верность... А такая долгая кровавая война соседям на радость.

— Кто у них главный?

— У заговорщиков? — переспросила она. — Скорее всего, Тархантер... Недовольных много. Боюсь, могут перетянуть на свою сторону даже Роднера Дейнджерфилда.

Я изумился:

— Командующего армией? А он мне казался верным... Другое дело, все эти величавые вельможи...

Она покачала головой.

— У тех претензии и амбиции, но нет силы. Роднер не честолюбец, но он слишком воинственен. Он видит, что наше королевство богаче соседей, а для него это значит, мы сильнее и потому обязаны напасть!

— Странная логика, — ответил я. — Хотя понятная.

— Логика военного, — пояснила она. — Если можно напасть и победить, то, по его мнению, это нужно сделать!.. Правителей прославляют только победоносные войны. Я воевать не хочу, значит — никудышный правитель, который трусит, всего боится...

Я промолчал, ничего не поделаешь, мы пока еще только трансгуманисты, да и то не все, потому до сих пор миром или отдельной страной правит какой-нибудь мерзавец. Пусть даже не страной, а областью, городом, селом — дело только в масштабах. Потому и учат в истории имена и подвиги этих мерзавцев, что завоевывали города и страны, предавая все огню и мечу, будь это Ашурбанипал, Аттила, Александр Македонский или Чингисхан.

Люди типа Рундельштотта и Строуда первые человеки, представляющие, как бы сказать, научную прослойку. И хотя из них ученые, как из шоколада гвозди, но в сравнении и по мировоззрению с правителями просто светочи гуманизма.

Холодок прошелся по затылку, опустился вдоль спинного хребта и пошел по спине прежде, чем я сообразил, что это вовсе не сквозняк из открытого сзади окна, а мое звериное ощущение опасности.

Королева сразу заметила, как изменилось мое лицо, хотя я вроде бы не пошевелил мускулом, напряглась, привстала, злая и решительная.

— Экран, — произнес я, когда вспыхнул, уточнил: — Вид поселка... Та-а-ак... теперь мой дом и участок... Выше, еще выше!

Королева подошла ближе, я ощутил легкий запах духов, то ли это свой, то ли в ванной отыскала и сумела воспользоваться, женщины насчет таких дел умнее даже сусликов.

— Что-то опасное?

Я впился взглядом в экран, мелькнула мысль выбежать на крыльцо и рассмотреть подробнее, словно я дикарь какой, но подумал, что кому-то именно это и надо, сказал быстро:

— Увеличить изображение... Еще!.. Держать в центре этот неизвестный дрон...

Королева посмотрела на меня, как это посмел не ответить на вопрос самодержицы, снова на экран. А там укрупнилось изображение не крупного дрона, неспешно облетает мой дом, осматривая со всех сторон, потом поднялся выше, чтобы держать в объективе своих камер весь участок.

— Что у него на борту? — потребовал я.

Голос Ани Межелайтис, строгий и деловой, отекал:

— Не могу определить, там защита высокого уровня. Но, судя по размерам и передвижению, сканируются коммуникации по участку и в доме.

Я крикнул:

— Ты позволяешь сканировать дом?

Она появилась в левом окошке, брови обиженно вздернуты, в глазах обида.

— Я сказала, — уточнила она, — сканирует дом, но это у него не получится, а вот участок не защищен. Кто хочет, тот видит, где проложены кабели, где трубы водопровода, на какой глубине провода сигнализации...

— Эх...

Она напомнила едко:

— Я же предлагала все перевести на беспроводное.

— Надо было настойчивее, — буркнул я. — Ты то скандальная, а то как бревно. Ладно... Теперь поздно.

Королева поглядывает испытующе, вроде бы дура дурой, но вид такой, что все понимает. Женщины часто такими выглядят, даже когда мы говорим о когерентности трансцендентной функции релягастра, приводя нас в ступор.

Я зябко повел плечами. Правильнее бы сейчас сообщить в полицию, но если это кто-то из друзей разыгрывает или же дрон принадлежит администрации поселка, что время от времени ищет будущие поломки, утечки электричества, лопнувшие или готовые вскоре лопнуть трубы...

Хотя обострившееся чутье предупреждает, что кто-то враждебный собирает обо мне информацию, с которой вообще может попытаться вторгнуться в достаточно защищенный дом.

Королева наконец проронила подчеркнуто равнодушно:

— Это опасно?

— Не знаю.

— Ты встревожен...

— Еще бы, — ответил я. — Кто-то посторонний старается узнать то, что и так хорошо известно... как говорится, компетентным органам городской стражи. Той же королевской администрации поселка. Но они обычно защищают свою информацию, доступ только у властных структур.

— Что это?

— Королевской власти, — пояснил я. — А сейчас собирает информацию кто-то из посторонних феодалов. Власти ни при чем.

— Тогда это хорошо? — спросила она. — Тебе достаточно позвать городскую стражу... Или просто стражу...

— И что я скажу? — спросил я. — Что кто-то рассматривает, с какой стороны напасть? Мне скажут, вот нападут, тогда и жалуйтесь, а они пока ничего не видят, наша защитная магия сбоев не дает.

В самом деле не дает, подумал с надеждой. Система сигнализации хороша и надежно защищает от простых воров, которых абсолютное большинство. Кроме убежденных бомжей, которым не нужны роскошные квартиры в столицах и дорогие машины, а дай вольную жизнь без обязанностей. Есть еще и просто хулиганящие подростки, для которых так романтично забраться в чей-то пустующий особняк, пока хозяин на службе, попрыгать в чужих постелях, разрисовать зеркала губной помадой страшными рожами и угрозами от Фредди Крюгера...

Умный дом от таких защищается легко: моментально сообщает хозяину, в пункт ближайшей охраны, в полицию, ведет видеосъемку и сразу же ищет их в картоте-

ке преступников, так что нарушителей обычно хватают еще в момент, как только пересекли дворик и взялись за дверную ручку.

Однако сохраняется и та категория элитной преступности, что знает все о таких системах и умеет их обходить. Элитников во всем мире не больше полутысячи, да и тех постепенно ловят и уже не выпускают.

Так что эти системы себя оправдывают, элитная преступность не обращает внимания на простенькие коттеджики. Даже на рядовых миллионеров не посмотрит, а вот если у мультимиллионера появилось нечто ценное, уникальное...

Я разозленно обругал себя. Все рассчитываю на дружественный интерфейс, еще ни разу не прочел инструкцию, дескать, техника сама должна понимать мои желания, но сейчас привычная леньность выходит боком.

Насколько знаю, видеокамеры легко ослепить простейшими карманными зеркальцами, даже невидимые простым глазом лучи выявляются дымком от сигареты, можно брызнуть из баллончика, а потом поставить на пути луча простейшее зеркальце...

Для более сложных систем есть более сложные контрмеры, ни бомжи, ни хулиганящие подростки таким знанием не владеют.

Увы, есть те, кто владеет. Эти знатоки все еще проникают в хорошо защищенные особняки миллиардеров и похищают драгоценности или шедевры искусства.

Я вздохнул, быстро зыркнул в сторону королевы, надеясь, что не заметит мой обеспокоенный взгляд. Ее драгоценности уже вызвали интерес.

Остается ждать визита гостей, что восхотят забрать все. Королева, естественно, не отдаст, а это значит, будут трупы. Когда на кону миллионы, идут на любое убийст-

во, а сейчас у нас вообще уникальные сокровища, которых просто не существует на земле...

Я коснулся значка на сенсорной панели, которым никогда не пользовался, моментально появилось лицо старшего начальника охраны нашего поселка.

— Слушаю, — сказал он и скосил глаза чуть в сторону, где на невидимом для меня экране появилось мое имя и прочие данные.

— Ко мне хотят приехать гости, — сказал я, — назойливые. Я сказал, что не буду дома, но могут приехать... Потому просто не впускайте их.

Он кивнул, несколько удивленный такой просьбой.

— Конечно-конечно! Мы и так бы не пропустили, не получив вашего разрешения пропустить.

— Спасибо, — поблагодарил я и отключил связь.

Королева спросила с надеждой:

— Их остановят?

— Вряд ли, — ответил я. — Ваше величество, ваш королевский дворец охраняют по периметру сада, потом сам дворец под особой охраной, а еще отдельная вокруг вашего корпуса...

Она кивнула.

— Да-да, все равно проникают. Но этих самых ловких хватает охрана вокруг моих покоев.

Я сказал мрачно:

— Боюсь, здесь не схватят.

— Тогда что?

— Лучше всего, — сказал я, — сменить место. Сейчас враг приготовился преодолевать защиту поселка, моего участка и самого дома... А если вовремя покинем...

Она смотрела с вопросом в глазах, а я тоскливо подумал, что оставь я в доме все по-дедовски, никому бы ко мне не вломиться. Кто сумеет открыть большой засов с той стороны, особенно когда засов не железный? Тот

можно сдвинуть магнитом, но не простое полено... однако умный дом почему-то с поленьями не работает, доскать, электричество никогда не отказывает при современных системах.

Вот только не учитывают, что отказать может не само по себе, это исключено, а по воле человека, который все сумеет, если возжелает, ибо человек — царь природы, а это звучит гордо.

— Кстати, в вашем королевском дворце используют магию, — сказал я королеве, чтобы немного отвлечь ее. — А мне говорили, во всей столице магия под запретом!

— Во дворце? — переспросила она. — Это невозможно!

— Я это не просто видел, — сказал я злобно. — Начиная от хмырей, что создают цветочки и подносят девушкам, есть еще и твари, что гонялись за мной сперва в городе, а потом преследовали в Зачарованном лесу. Если бы не альвы...

Она чуть приподнялась в сильнейшем волнении.

— Кто-кто?

— Альвы, — повторил я. — Это такие эльфы, только альвы, хотя не понимаю... Они там в лесу живут, как совы или птицы. Мы почти скорешились, да надо было бежать обратно, Рундельштотт орет, если кто опаздывает на его важную работу государственного значения.

— Альвы? — переспросила она.

— Ну да, — ответил я. — Альвы. — У вас что-то со слухом, ваше величество? Могу подарить клипсы, усиливающие слух.

— Что это?

Я, не вставая с дивана, дотянулся до ящика стола, выдвинул. Королева даже не повернула голову, но чуть скосила глаза.

— Вот, — сказал я и подал ей крохотную бусинку. — Вложите в ухо. Оно там прилипнет и никуда не денется. Услышите, о чем шепчутся придворные даже за сотни шагов. Только постоянно держать на полной мощности не рекомендуется, устанете.

Она с недоверием смотрела на блестящую штучку.

— А как вынимать, если прилипнет?

— Отковырнуть ногтем, — ответил я. — Хотя зачем вынимать? Ее никто не видит, а менять громкость можно нажатием пальца. Давайте вставляю?

Она брезгливо отстранилась.

— Нет! Я королева.

— Но смотреть-то можно? — спросил я ехидно.

— Можно, — сообщила она величественно, — смотреть можно. Издали.

Все еще колеблясь, взяла двумя пальцами бусинку, поднесла к уху, я видел на ее лице сомнение, но все же осторожно вложила, довод про сплетничающих придворных оказался весомым, можно услышать не только сплетни, деловой человек прежде всего постарается не просмотреть начало нового заговора...

Поморщилась, я сказал поспешно:

— Потрогайте пальцем!.. Еще... если все кажется слишком громким, прижимайте пальцем снова, пока не станет нормальным...

Выглядело это так, словно королева совсем не по-королевски ковыряется в ухе, наконец она вытащила палец и посмотрела на меня с осуждением.

— Я чуть не оглохла от твоего рева.

— Теперь нормально? — спросил я. — Когда захотите кого-то подслушать издали, просто повернитесь в его сторону... можно даже не поворачиваться целиком, а только голову, поймите взглядом, а дальше все под-

строится само... Ваше величество, пока ждем, позвольте предложить вам пирожные...

— Пироги?

— Почти, — согласился я. — Пироги могут превращаться в пирожки, а то и в пирожные. Я покажу разницу...

Глава 14

Внезапно и резко погас свет. В абсолютной темноте королева вроде бы тихонько охнула, а я застыл в ужасе, последний раз при мне вырубалось освещение, когда я был в глубоком детстве.

В обрушившейся тьме раздался звенящий, как мне показалось, голос королевы:

— Заклятие тьмы?

— Да, — ответил я зло. — Но не прямое, что хуже всего...

— А какое?

— Где-нить далеко, — прошипел я сквозь зубы, — дерево упало на провода и порвало... И никто не догадается, что не само упало, и не поднимет тревогу. Потому все наши системы обесточены. На время, конечно...

Она произнесла в темноте:

— На... какое?

— Им хватит, — сказал я. — Теперь счет на минуты!

— Враг... скоро ворвется?

— Думаю, — ответил я горько, — уже бегут через двор.

Она не ответила, а я ощупью пробрался к столу, где в нижнем ящике фонарик и даже огрызок свечи для сентиментальных и романтически настроенных дур. Каким бы ни был мир постиндустриальным, но того и гляди пригодятся даже кремь и огниво...

— Держитесь тихо, — велел я. — Присядьте вот здесь за этим белым шкафом...

— Зачем? — шепнула она напряженно. — Темно же...

— Для них не темно, — заверил я. — Но через стены не увидят.

Она пригнулась за холодильником. Все еще королева, как это у нее получается, а я, как ни крути, простолюдин из простолюдинов, нет во мне этой величавой гордости и достоинства в каждом движении...

Вот так офицеры красиво и гордо в Первую мировую во весь рост шли впереди атакующих, из-за чего их выбивали нещадно, но лучше погибнуть, чем пригнуться, это же какой стыд, это трусость, а где же презрение к смерти...

Глаза торопливо приспособливаются к темноте, в окно падает луч лунного света, и в комнате проступили спинки стульев, очертания стола...

Я вздрогнул, приложил палец к губам, и она мгновенно умолкла, осторожно повела глазами из стороны в сторону. Холодок на этот раз коснулся моего лба, понять бы, что это значит, почему когда спина, когда грудь, а сейчас лоб...

— Снова? — прошептала она.

— Уже ближе, — ответил я тоже шепотом.

— А что твои охранные демоны?

— Если враг не приведет более сильных...

Она прошептала:

— Защищаться легче, потому на штурм идут тогда, когда сил в пять раз больше.

— Знаю, — буркнул я. Она бросила на меня понимающий взгляд, конечно же, знаю, наверняка сам и нападал на замки и защищал, недаром такой таинственный, я уточнил: — Нам важно продержаться пару часов.

Она прошептала:

— Только бы получилось... А как же ты?

— Вывернусь, — пообещал я. — Тихо... Что-то за-
тихли...

— Может, — предположила она с надеждой в голо-
се, — отступили?

Я пробормотал:

— Вряд ли.

Она бросила на меня взгляд, лишенный сочувствия,
но полный понимания.

— У тебя могучие враги. Значит, ты великий воин.

Я буркнул:

— Еще бы. Восьмидесятый лэвл. С легендарным ору-
жием, доспехи вообще полный эпик... Но они, думаю,
подготовились не хуже.

Сердце мое болезненно ныло, через несколько дол-
гих минут все люстры вспыхнули прежним светом, а
приборы мигнули огоньками, сообщая, что у них все в
порядке.

Я прикрыл ладонью глаза, им снова привыкать, а
сейчас диафрагма сужена до предела.

Королева стоит у стены бледная, в руке зажата руко-
ять большого столового ножа.

— У них, — спросила она, — ничего не получилось?..
Им нужна была темнота?

— Уже не нужна, — ответил я зажато. — За это вре-
мя всобачили свои чипы. Охрана получает те картинки,
которые записали они...

В окно я видел, как через двор к крыльцу идет ро-
слый и массивный мужчина, одет под строителя, обыч-
ный спецкостюм из легкой ткани, к которой не липнет
не только грязь, но даже мазут и краска. Такая же обувь,
вроде бы легкая, но можно уронить хоть кувалду, не толь-
ко кости останутся целы, даже кровоподтека не будет.

— Хорошо приготовились, — шепнул я. — Конечно, эти костюмы не только можно купить с доставкой, но и самому распечатать...

— Что сделать? — спросила она шепотом.

Я отмахнулся.

— Говорю, это могут быть и простые мелкие уголовники.

Холод по всей коже подсказал, что мелкие воришки не планируют свои ограбления так тщательно и технически оснащено. Свет отключить на моем участке было бы проще, но отключили по всему поселку, чтобы не было подозрений, а включили раньше, чем управление выслало бригаду ремонтников на поиски неисправностей.

Мной занялись такие люди, для которых я простая инфузория-туфелька. Пока не было электричества, они что-то успели сделать на моем участке. Думаю, вряд ли, как тимуровцы, полили деревья и вскопали огород...

Королева не сводит с меня взгляда, мне показалось, что следит с потрясающей бесстрастностью, но, с другой стороны, для нее не только грабеж, но и убийства — норма, сама отправляет на казнь десятки, а то и сотни преступивших закон, это у меня все холодеет внутри...

Там, в ее королевстве, не в счет, там все убивают друг друга, а я конформист, быстро вживаюсь, я же толерантен и политкорректен, не могу же навязывать или даже высказывать свою мораль, это некрасиво и неинтеллигентно, и если там принято убивать, то и я убиваю, хотя умеренно-умеренно, крайности всегда чреваты.

«Проживи незаметно», — призывал великий мудрец, один из строителей будущего толерантного и политкорректного общества.

Страшное чувство беспомощности охватило с такой силой, что заныли внутренности. Сколько я, находясь в бараньем стаде так называемой интеллигенции, обличал, как в их обществе и принято, проклятое правительство, что жаждет, истекая слюнями, подсматривать за каждым моим шагом!

Но вот бандиты сделали то, о чем эти бараны мечтают: отключили все видеонаблюдение. Я свободен, президент страны и службы безопасности уже не толпятся у экранов, отпихивая друг друга локтями, стараясь не пропустить ни одно мое фрикционное движение в ванной...

...это же счастье, а бандиты — это свобода и воля! Но почему мне так страшно и почему так хочется, чтобы полиция, службы охраны и весь мир увидели, что ко мне ломятся преступники?

Наверное, у меня все-таки выразительное лицо, королева поинтересовалась с оттенком сочувствия:

— Что-то болит?

— У мужчин ничего не болит, — ответил я, как и положено по ее мнению отвечать мужчине. — По крайней мере, не должно. Мы ведь должны и обязаны?

Она кивнула.

— Только теперь понял?

— Даже теперь не понимаю, — ответил я сердито. — Это так, атавизм. Инстинкт. Вбитая в ДНК прога. Я хоть и демократ, но все еще самец.

Она снова отступила вдоль камина к холодильнику.

— Что-то еще видишь?

Я присмотрелся, человек в форме рабочего исчез со двора, но на крыльце так и не появился.

Королева произнесла тихо:

— А через заднюю дверь?

— Я там подпер палкой под ручку, — сообщил я. — И вообще прижал мебелью.

— Хорошо, — шепнула она. — А ты... ты побелел весь. Это по тебе так сильно бьют магией?

— Да, — ответил я затравленно. — Именно.

— Держись, — посоветовала она.

— Нет уж, — огрызнулся я. — Щас упаду на спину и сдамся!

Холод волнами ходит по всему телу, опасность где-то рядом, направления нет, похоже, этот якобы рабочий не один, тогда бы дуло холодом только с его стороны.

За спиной раздался спокойный, даже ленивый голос:

— Стоять!.. А теперь повернись, парень. Только медленно. Руки держи так, чтобы я видел.

Чувствуя себя совершенно беспомощным, словно оказался голым посреди людной улицы, я повернулся.

Высокий и массивный мужчина, типичный телох-ранитель воровских авторитетов, крупный, как бык на задних копытах, уверенный в своей непробиваемости и молниеносной реакции.

Ствол его пистолета смотрит мне в живот, это еще хуже, чем в сердце, сразу в воображении картина, как раскаленный кусок металла пронизывает брюшину, разрывает кишки и вылетает из спины, зацепив и позвоночник с его спинным мозгом.

Мужчина смотрел в мое лицо с интересом.

— Ты что так побледнел, парень?.. Не бойсь, у меня к тебе только вопросы.

А это вряд ли, мелькнуло у меня. Вопросы были раньше. Теперь будет допрос третьей степени, это не жалкое тыканье раскаленным прутom в сало на боках.

— Спрашивай, — пролепетал я. — Скажу все, что захочешь... Только учти, свет уже дали!.. Здесь везде камеры, все снимают...

— Харды мы заберем, — пообещал он.

Я покачал головой.

— Теперь запись идет сразу в облако, я даже не знаю, куда. В полиции уже садятся на машины, ваши портреты распространяются по всем каналам...

Он перебил с довольной усмешкой:

— Свет дали поселку, но в твоём доме электрику мы отрубили. Твои видеокамеры не работают. Так что ты в наших руках, а мы как пришли, так и уйдём. Это наша установка даёт свет, понял? А харды все-таки заберём, заберём... Вдруг там есть нужные для нас люди? Вообще получим какие-то нити.

Я пробормотал:

— Да какие нити... Берите все, что хотите...

Он ухмыльнулся.

— Парень, нам не нужно твоё «что хотите». Нам нужно знать, откуда ты получил такие штуки. И сколько при тебе есть ещё.

— Мы отдадим вам все, — сказал я жалким голосом.

Он кивнул.

— Отдадите. А мы возьмём. Но нам нужен канал... Откуда?

— Я не знаю!

— А как попали к твоей мамзели?

Я сказал дрожащим голосом:

— Неприлично спрашивать у женщин про её предыдущие... предыдущую жизнь.

— Правда? — изумился он. — А это так прикольно... Кстати, где она?... Молчишь? Ладно, у тебя не Елисейский дворец, найдем быстро.

— Давайте я поищу, — предложил я.

Он усмехнулся, чуть повернул голову, там на воротнике поблескивает кнопка передатчика.

— Все готово, чиф. Можете входить. Конец связи.

Я едва не охнул: за его спиной появилась королева, в ее руках массивная каминная кочерга. Наверное, в моих глазах появилось что-то, слишком уж несдержанная я скотина, бандит разом посерьезнел, начал поворачиваться...

Королева взмахнула кочергой. Он только начал поворачиваться, как металлический крюк ударил его в висок. Смачно хрустнуло, голова резко отдернулась, он ударил спиной о стену справа и сполз по ней на пол.

Я охнул, королева сказала быстро, не поворачивая в мою сторону голову:

— Ты хорошо притворился. Молодец. Даже я могла бы поверить, не знай твою отвагу и твое несокрушимое мужество. Ты хоть и воин, но умен, как политик. Иногда противника нужно сперва усыпить...

Я сказал потрясенно:

— Ваше величество! Я не думал, что и здесь можно... вот так!

Ее грудь часто и высоко вздымается, словно королева долго поднималась со дна озера.

— К сожалению, — сказала она, восстанавливая дыхание, — королевских особ... с колыбели учат только скрываться от убийц... пока телохранители... остальное. А это очень немного... Я могу только в незримость и на недолго, пока задерживаю дыхание... И все это время должна не двигаться...

— Даже секунда может спасти мир, — заверил я. — Все хорошо, ваше величество!

Бандит шевельнулся, кровь течет из пробитой головы, он протянул в мою сторону дрожащую руку.

— Я ранен... Вызови «Скорую»...

— А ты выстрелишь в спину? — спросил я.

Он прохрипел:

— Нет... Скорее зови, я истекаю кровью!

— Тогда не двигайся, — предупредил я и сунул руку в задний карман за мобильником. — Но вызову заодно и полицию...

Он сказал хрипло:

— Сто тысяч аянокointов... если без милиции!

Я заколебался, королева зашла с той стороны и с силой саданула кочергой по его голове. Громко и сухо crackнуло, череп раскололся, как прогнившая дыня, кровь хлынула широкой струей.

Я охнул:

— Ваше величество!

Она сказала быстро:

— Я возьму тебе ожидаемый выкуп. Но этот демон был слишком опасен.

Я нагнулся, торопливо разжал его пальцы на рукояти пистолета, взял, чувствуя на ладони недобрую тяжесть. Все мы, начиная с раннего детства, не раз бывали в тире и стреляли там из пистолетов и карабинов, бахвалясь друг перед другом меткостью. Так бы, возможно, даже организовали свою стрелковую секцию, компашка у нас дружная, но больше всего очков выбивает Лариска, бедовая наша подружка, что побывала под нами всеми, но никого не выбрала, что нас только радовало, слишком уж крутая для нас, а нам, как Ваньке Морозову, чего-нибудь попроще.

Королева спросила напряженным голосом:

— Что с тобой?

— Такое уже не скрыть, — пробормотал я. — Теперь начнется...

— Думай о том, — огрызнулась она, — как пробраться к форматору!.. Демоны зайдут оттуда?..

— Да, — ответил я покорно, — да, ваше величество. Женщины должны нас понукать, а думать и действовать должны мы, слабый и ленивый пол...

Она сказала резко:

— Так действуй, а не рассуждай!

— Следуйте за мной, ваше величество, — ответил я. — Это ничего, что пойду впереди? В попиране этикета?..

— Ты не глерд, — отрезала она. — Слуги и должны бежать впереди и расстилать красную дорожку из бархата!

— Тогда держитесь ко мне поближе, — предупредил я. — Только не прикасайтесь, мне и так страшно.

Глава 15

У пистолета спилен крохотный выступ с идентификационной частью, взамен торчит из щели кончик карты, недавно их называли симками, временная привязка к новому хозяину.

Королева смотрела непонимающе, а я метнулся к компьютеру, положил пистолет рядом, комп с ним сразу свяжется по беспроводной связи, а мне нужно успеть найти хакерскую прогу по смене владельца...

Пистолеты с идентификацией по задумке должны были навсегда слушаться только одного-единственного хозяина, узнавая его по прикосновению к рукояти, но на любую защиту рано или поздно находятся отмычки.

Правда, в этом случае мало что дает, так как, отняв на улице у полицейского пистолет, все равно не сможешь из него тут же стрелять, нужно бежать домой, там скачать нужную прогу и как можно быстрее перепрограммировать оружие на себя, пожертвовав симкой из мобилника.

Хотя, конечно, даже в этом случае чаще всего весь труд насмарку. Об утере пистолета станет известно очень быстро, все номера на учете, как и владельцы именно-го оружия, сигнал о появившемся новом тут же вызовет тревогу на пульте дежурного, военизированный отряд моментально ринется на поиски.

Но час-два у меня есть, а бандиты наверняка уже отворили ворота и въезжают на участок, выходят из машины, по-хозяйски направляются к дому...

Пистолет в ладони легкий, компактный. После того как перешли на безгильзовые пули, и в обойму помещается вдвое больше, и упрощен до предела за счет отказа от экстрактора и прочих устарелостей. Пистолет с красиво вылетающими вверх или в сторону стреляемыми гильзами сейчас выглядел бы, как пистолет времен Пушкина, когда заряжали с дула.

Она внимательно смотрела, как я осторожно вытаскивал обойму.

— Сможешь?

— Только семнадцать раз, — ответил я и показал ей блестящие пули. — Вот оно, что создает убивающую молнию.

Они кивнула.

— Это хорошо. Семнадцать молний — это хорошая защита.

— Если не промахиваться, — ответил я нервно.

— Не промахивайся, — ответила она. — Ты же мужчина.

— Промахиваются даже женщины, — сообщил я, — когда не того козла выбирают. А мы так и вообще промахуны, вон столько разводов...

— Тихо, — шепнула она. — Говоришь много. Кто-то идет!

— Кто-то, — пробормотал я. — Лучше бы кто-то...
Эх, что за...

Она оглянулась на мой горестный вскрик.

— Что случилось?

— Прога, — прошептал я. — Отвязала, но ко мне привязать не может, не признает, дура, мою симку... Что же делать, что делать?

Она спросила резко:

— А что тебе мешает?

Я посмотрел на нее дикими глазами, на пистолет, снова на королеву.

— Ваше величество, вы великая женщина! В самом деле, какая мне сейчас разница?.. Лишь бы стрелял...

Профи не болтают с жертвами, стреляют сразу и уходят, не оставляя следов. А если какой-то идиот, держа профессионала на мушке, начнет задавать ему вопросы, а еще хуже — обвинять во вторжении или преступных намерениях, у профи очень весомые шансы переболтать и завладеть пистолетом.

Бандит не стрелял лишь потому, что ждал чифа, а то, что я безоружен, его бы не остановило.

Я проверил, чтоб не на предохранителе, у профи это на автомате, а новички попадают, палец поместил на пусковую скобу, ствол надо горизонтально, а стрелять сразу, да-да, стрелять сразу...

— Нам нужно перехватить их до того, — сказал я, — как увидят труп.

— А спрятать...

— Вы все забрызгали кровью, — огрызнулся я. — И на полу целое море!.. Просто профессиональный удар! Вам бы в гольфе призы брать... Быстрее за мной, ваше величество. Вы что, прибыли сюда с обозом мебели?

Осторожно ступая, она медленно двигалась за мной.

— Поздно, — сказал я.

Она быстро взглянула на меня, самое время напомнить ей о ее нерасторопности, что теперь обойдется нам слишком дорого, но я промолчал, чуть ли не впервые в жизни проявив великодушие.

— Они у формера? — шепнула она.

— Формер в котельной, — напомнил я, — но эти гады прямо по дороге к нему. Подойти можно только через гостиную, но если они не контролируют обе двери, то я — Аня Межелайтис!

— Тогда как?

— Думаю, — сказал я сердито. — Вам хорошо, ваше величество, а у меня не инстинкты, думать надо, а это трудно, вам не понять сугубо мужских проблем...

— А что...

— Тихо, — оборвал я. — Сюда уже прет их чиф. Осторожный, сволочь!

Она умолкла на полуслове, даже не напомнила, что она королева, а я черт-те что, обязан разговаривать с придыханием и поклонами.

Я посмотрел из-за выступа стены, а в холл, а затем в гостиную вошли с парадного входа двое, уверенные и настороженные. Одного узнал сразу, Выдиратель, тот бычара, что вел со мной переговоры, а с ним мужчина с лысым черепом, любой мгновенно признает чифа: уверенность от него идет волнами и пригибает даже мебель.

Быстро осмотрелись, Выдиратель сказал услужливо:

— Сейчас он их приведет...

Я чувствовал страх и отчаяние, у них каждый шаг выверен, ни единой ошибочки, а королева шепнула у меня над ухом:

— Стой здесь, я пойду одна...

Я охнул:

— Что? Ни в коем...

Она покачала головой и, не отвечая, пошла прямо через короткий коридор и вошла в ту комнату, блистающая и с чарующей улыбкой на устах.

— Что вас так интересует? — спросила она с изумлением. — Эти камешки на моем платье?.. В них какая-то особая магия? Почему они вам так нужны?

Они застыли перед нею с пистолетами, направленными ей в живот. Чиф проговорил напряженным голосом:

— Вы что, хотите поторговаться?.. Ваше платье стоит не просто состояние... за эти камни можно купить эскадру... Но, как я понимаю, это не все? Где еще?

Она улыбнулась шире, медленно обошла их, заставляя тем самым поворачиваться к ней лицом, так что оказались спинами к двери, протянула руку к полке с книгами.

— Вот здесь...

Выдиратель сказал резко:

— Не двигайся!.. Я сам достану.

Чиф сказал с одобрением:

— Молодец. А то вдруг у нее там пистолет...

Выдиратель отодвинул королеву, сам протянул руку и начал шарить за книгами, а чиф убрал пистолет и, вытащив нож, прижал лезвие к боку королевы.

— Эти мы и так заберем, — сообщил он, — но это не главное. Ты, красотка, скажешь нам, откуда у тебя такие алмазы. Если начнешь упираться, сперва всю изрежу, выколю глаза...

Выдиратель сказал, не оборачиваясь:

— Да что там Вакул возится?

Королева молчала, но мне почудился ее отчетливый голос: «Сейчас».

Я вошел в комнату, держа пистолет направленным чифу в спину.

— Может быть, скажу я?

Он резко повернулся, я судорожно нажал спусковую скобу. Выстрел грянул неожиданно громко. Кисть руки чуть тряхнуло, в правом боку главаря на миг возникла рваная дыра, оттуда плеснуло темной кровью.

Я нажал курок снова и опять промазал: вторая пуля ударила на два пальца выше, хотя целил в левую сторону груди.

Выдиратель с руганью развернулся в мою сторону уже с пистолетом, направленным в мою сторону. В гостиную прыжками вбежал ящеренок со вздыбленным гребнем, Выдиратель невольно зыркнул в его сторону и чуть промедлил, а я торопливо выстрелил трижды. Он вскинулся, словно старался подпрыгнуть, завалился навзничь, ударился о стену и сполз по ней на пол, сразу заливая его кровью.

Я повернулся к королеве, но она, тяжело дыша и со сверкающими глазами, с ножом чифа уже стоит над его телом, что дергается на полу и беспомощно стучит по полу каблуками модных и очень дорогих туфель.

— Хороший удар, — произнесла она бесстрастно, — прямо в печень!.. Он умер сразу.

Я кивнул в сторону быковатого телохранителя.

— Этот вроде бы тоже. Сволочи, как посмели так грубо с вашим величеством...

Ящеренок полез по штанине вверх, я взял его в обе ладони, не выпуская пистолета, поцеловал и шлепнул по жопе, иди играй или, как говорят волнительные интеллигенты, играйся.

Королева наблюдала, как я вынул из ладони телохранителя пистолет, осмотрел. Армейского образца, очень мощный, идентификатор тоже спилен, такое же опасное,

как у первого бандита, оружие, из него может стрелять любой, к кому попадет в руки.

Отшелкнул обойму, все патроны целы. Королева непонимающе смотрела, как я вернулся и вложил пистолет первого бандита ему в ладонь и крепко сжал пальцы, а пистолет Выдирателя попытался сунуть в карман, но не помещается, попробовал за пояс, как носили пираты, но, как мне кажется, там вообще не поносишь.

— Возьми его ножны, — велела королева.

— Да, ваше величество, — ответил я. — Как вы быстро... Еще пару недель, и стали бы сержантом.

У обоих кобуры скрытого ношения, я снял у Выдирателя, тот меньше перепачкан кровью, одна из пуль угодила в голову, вторая в живот, третья в грудь, ничего себе разброс для стрельбы с трех шагов.

Королева внимательно смотрела, как я приладил кобуру под мышкой, затянул ремни и прикрыл рубашкой.

— А говоришь, — заметила она, — не владеешь магией.

Я возразил:

— Не владею магией вашего королевства, ваше величество!..

— А своей?

— Чутьочку, — ответил я скромно. — Пойдемте посмотрим, как там наш трансформатор.

Она посмотрела с недоверием, по ее виду я так и во все маг огромной мощи, но почему-то скрываю свои возможности. Ага, принц инкогнитый и переинкогнитый.

Мы спустились вниз, в котельную.

Ее взгляд снова прикипел к индикатору зарядки трансформатора.

— Уже скоро! — сказала она с надеждой. — Ой, скорее бы!

Зеленая полоска почти доползла до края, я не ответил, всего трясет, зубы лязгают, как у хищного зверя, я же убил человека, даже троих, хотя одному проломила голову королева, но все равно и его повесят на меня...

Она бросила на меня короткий взгляд.

— Прекрати рваться в бой! Я понимаю твою бешеную ярость неукротимого воина, которому нужно много убитых, реки крови и дикие крики жертв... но сперва отправь меня обратно!

Я кое-как прохрипел сдавленным горлом:

— Да, конечно...

Она проговорила с тоской:

— Надо спешить... как же надо спешить! За эти два дня могли сместить меня и устроить кровавую бойню!.. Короли всегда должны быть на виду, всегда источать уверенность и спокойствие...

Я постарался вздохнуть глубже, хватит мерехлюндить, еще раньше я одного сбросил с башни, а других прикончил в лесу, так что на мне куда больше, хотя за тех почти совсем не трясло. Тот мир жесток, там это обыденно, а в моем чистом и безопасном, где даже пальчик прищемить — трагедия для освещения в мировых СМИ...

Еще раз вздохнув, посмотрел на нее, на трансформатор, какая-то очевидная мысль стучится в череп, но никак не может привлечь мое высокое внимание.

— А что, если, — сказал я медленно. — Нет, это не вам, ваше величество. Это я сам себе, надо же поговорить и с умнейшим человеком... Если я вернулся из вашего мира в свой в тот же миг, когда меня туда втянуло, то... выходит... что выходит?.. Да что у меня за мысли, чересчур шустрые, сразу разбегаются, вдруг да работать

заставлю! Ах да, значит, в оставленном мире время останавливается, замерзает. Нет, на самом деле не останавливается, но для наблюдателя, как сказал Эйнштейн, замедляется до бесконечности...

Она сказала с неудовольствием:

— Что за Эйнштейн? Ваш маг?

— Точно, — согласился я рассеянно, — в общем, я вылетел отсюда за три минуты до конца матча, пробыл в вашем мире несколько недель, но вернулся в тот же миг за три минуты до конца того же матча... Ладно, не в тот же, на миг позже. На фемтосекунду. Значит...

Я задумался, она сказала повелительно:

— Что значит?

— Это значит, — повторил я, с трудом нащупывая слова, будто ловил в мешке последние зерна, — это значит, что... ага, это значит, что возможно, только возможно, вы появитесь в лаборатории Рундельштотта в тот же момент, как и попали сюда!.. Здесь прошло двое суток... правда, двое?... а то мне показалось, целая вечность... а там всего миг, называемый... гм... в общем, будьте готовы, что ничего без вас не произошло и все вам придется решать самой, как вы и жаждете...

Она смотрела с недоверием, не понимая, как это возможно, но мне воспринимать такое легче, никто не понимает природу пространства-времени, темной материи и черной энергии, но они есть, так что некоторые вещи нужно принимать, не пытаясь их понять, как и женскую логику.

Сейчас, подумал я, Рундельштотт все еще стоит, глядя вытаращенными глазами на исчезающие в портале Зеркала Древних наши с королевой ноги. И будет стоять столько, сколько мы пробудем здесь...

Она сказала резко:

— Ты что задумал?

— Заметно? — пробормотал я.

— Я королева, — напомнила она надменно. — Я должна все замечать. И делать выводы!

— Пойдемте, ваше величество, проверим мою гипотезу.

Мы вернулись в гостиную, я перешагнул через распростертого чифа и подошел к стене, через которую провалился столько дней назад и откуда вывалился обратно в ту же секунду.

— Установка Рундельштотта, — проговорил я медленно, — еще может работать... Трансформатор только поддержит ее работу!.. Это значит, что можно попробовать уже сейчас, на половинной мощности!

Очень осторожно я вытянул руку и коснулся самыми кончиками стены. На миг ощутил твердую поверхность, но чуть нажал, и пальцы начали погружаться, как же легко, словно стена не стена, а вставшая вертикально поверхность тихого озера.

— Работает! — вскрикнул я возбужденно. — Все еще работает!.. Ваше величество, давайте скорее сюда!..

Она подошла с понятной нерешительностью, установка Рундельштотта уже тогда, двое суток назад, закрывала портал, зыркнула на меня недоверчиво.

— Разве такое возможно?.. Зеленая полоска еще не подошла...

— Да, — сказал я быстро. — Не тяните, ваше величество!.. Вам нельзя оставаться с тремя трупами.

Она спросила:

— А тебе?

— Мне тоже, — признался я, — но как-то выкручусь... наверное.

Она протянула руку и тоже потрогала стену.

— Уже нет, — произнесла упавшим голосом. — Не успели. Закрылось...

Я воскликнул:

— Как нет? Я же только что...

Она смотрела, как я, доказывая свою правоту, с силой сунул руку в стену и погрузил до локтя, а потом почти по плечо.

— Видите?

— Да, — ответила она. — Теперь да.

Злобное торжество прозвучало в ее голосе. Я не успел шевельнуться, как меня с силой ударило сзади, словно я оказался на поле среди регбистов.

Королева еще и обхватила обеими руками, а я ощутил, как проваливаемся в эту чудовищную дыру пространства-времени.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Я рухнул на выщербленный каменный пол, совсем близко вскрикнул Рундельштотт, что-то спросил быстрым пищанием голосом. Я торопливо начал подниматься, тут же почти над головой раздался хрустящий удар.

Вскочив, я увидел, как рассыпается на столе установка из малахитового цилиндра и сотен торчащих из нее бриллиантов. Королева снова подняла над головой кресло и обрушила на то, что осталось от сложнейшего сооружения.

Рундельштотт жалобно закричал, а королева, выронив кресло и тяжело дыша, прохрипела:

— Все... опасности... больше нет...

Я вскрикнул:

— Зачем? А как же я?.. Меня зачем?

Она обратила на меня обрекающий взгляд, но я уже понял. Никто кроме меня там не знал об этом мире. Поэтому такого человека нужно держать здесь.

— Ты получишь все, — произнесла она все еще с трудом, грудь вздымается бурно, кресло Рундельштотта все-таки достаточно тяжелое, — что я обещала... но королевством рисковать не могу...

Я ошалело повел взглядом по разгромленной лаборатории. Всего два удара креслом, и уникальная установка, труд многих лет, уничтожена полностью.

Рундельштотт упал на колени, лицо бледное, на глазах слезы. Королева сказала уже почти нормальным голосом:

— Мастер, вы достигли успеха!.. Я убедилась лично. Но тот мир ужасен. Я прекращаю эту работу. Соберите все драгоценности, мой казначей пересчитает и примет по описи...

Он всхлипнул:

— Но я жил зря?

— Мастер, — прервала она жестко. — Вы лучший!.. И найдете себе занятие побезопаснее. Я вас поддержу и выделю средства... А ты, Юджин, показал себя верным и преданным слугой, потому у тебя будут льготы, как у глерда...

Я крикнул с тоской:

— Да на хрена мне льготы в этом свинарнике?.. Вот так и делай людям добро!

— Тебе нельзя возвращаться, — резко сказала она. — У тебя три трупа в доме!

Рундельштотт, настолько раздавленный и сразу постаревший, даже не обратил внимания на этот намек о каких-то схватках в другом мире, опустил в кресло и погасшими глазами смотрел на рассыпанные по полу бриллианты, рубины, изумруды, особенно много топазов, явно были внутри малахитового стержня.

Она повернула к нему голову и, не меняя тона, отчеканила:

— Под страхом жестокой казни запрещаю даже упоминать о возможности проникновения в иные миры!..

Он судорожно кивнул, королева резко развернулась ко мне, глаза полыхают гневом и триумфом, но выкрикнуть то, что собиралась, не успела.

Дверь распахнулась с грохотом и с размаха ударилась о стену. В лабораторию, прыгая через ступеньки, ворва-

лись гвардейцы и встали к нам лицом, держа копья наготове остриями в нашу сторону.

Следом вошел Роднер Дейнджерфилд, командующий армией, властный и уверенный, а за ним Дерта, воин-маг, что тогда сопровождал Форнсайна и участвовал в моем допросе, а рядом с ним Круллос, как я помню, один из самых доверенных воинов командующего.

Дейнджерфилд и гвардейцы впились взглядами в королеву, только Дерта сразу зыркнул на меня и уже не отводил от меня взгляда, лицо его оставалось напряженным, а в глазах быстро начал проступать страх.

Королева поинтересовалась холодно:

— В чем дело, глерд Дейнджерфилд?.. Я запретила входить сюда кому-либо.

Дейнджерфилд, не отвечая, небрежно повел рукой в сторону гвардейцев. Двое, передав копья товарищам, подбежали к королеве, громко бухая в пол тяжелыми сапогами.

Она не успела шелохнуться, как оба крепко ухватили ее за локти.

— Ваше величество, — произнес Дейнджерфилд победным голосом, — вы низложены. Вся власть переходит в мои руки. Уж перешла.

Он кивнул гвардейцам, еще двое поспешили к королеве и, держа копья наготове, встали перед нею.

Она поинтересовалась:

— И куда меня отведут эти отважные люди? В королевскую тюрьму?

Мне показалось, что в триумфальном голосе главнокомандующего прозвучало некоторое смущение:

— Я бы сам этого хотел. Но, ваше величество, вы слишком умная женщина, очень проницательная, и потому опасны. Печальная необходимость поступать так с прекраснейшей из всех женщин королевства, но, как

венценосная королева, вы должны умереть сейчас же. Во избежание, как вы сами понимаете...

Он кивнул одному из гвардейцев. Тот быстро выдернул меч из ножен, королева гордо и бесстрашно вскинула голову.

Грянул выстрел, гвардеец выронил меч и начал заваливаться на своих соратников. Вторым выстрелом я достал Дейнджерфилда. На этот раз держал пистолет обеими руками, и пули поразили как гвардейца, так и командующего в головы.

Стараясь вспомнить, сколько же патронов в обойме, я так же быстро выстрелил в дурака, что ошалело замер с другой стороны королевы, все еще крепко держа ее за руку.

Он дернулся, во лбу возникла темная дырка, оттуда попыталась выплеснуться красная струйка, но отверстие плотно запечатал с той стороны плотный сгусток крови.

Королева с отвращением сбросила его руку, и он рухнул на пол, раскинувшись крестом.

Дерта, мгновенно все поняв, бросился к двери. Королева крикнула:

— Убить!

Голос ее звучал так, что сам мог разнести в клочья. Все еще держа пистолет обеими руками, я выстрелил дважды. Между лопатками и в затылке мага плеснуло кровью.

Он упал, пальцы вытянутой руки коснулись двери. Я держал под прицелом замерших гвардейцев, а королева обратила к ним гневно величественное лицо.

— Вы привыкли выполнять приказы командира, — произнесла она жестко, — потому выбора у вас не было. Теперь он у вас есть. Умереть с ним вместе прямо здесь, быть превращенными навечно в жаб или же...

Все разом рухнули на колени и склонили головы. Один вскрикнул:

— Ваше величество!.. Помилуйте!..

Она произнесла царственно:

— Хорошо. Дарую вам жизни. Но вы должны доказать, что достойны моей милости. Я королева, и у меня намного больше сил, чем вы думаете. Я в состоянии уничтожить всех заговорщиков одним словом, но не хочу потерять даже десяток в самом деле ценных людей, которые будут после прощения служить мне еще ревностнее... Боевой строй!.. Я возвращаюсь в свои покои.

Гвардейцы выстроились квадратом и, все равно толкаясь как овцы, ринулись к двери. Королева бросила на меня быстрый взгляд, я не понял, что там, в глубине ее глаз, но пошел следом, потом догнал и дальше двигался рядом, как великий убийца противников королевы.

Рундельштотт, как великий превращатель в жаб, хоть и с ошалелым выражением лица, но идет с другой стороны королевы и грозно постукивает в каменные плиты таинственным посохом мага, а крупный рубин в навершии горит грозным огнем, предвещая беды.

Выйдя за дверь, королева бросила холодно:

— Закреть, запереть и поставить стражу. Под страхом смерти никто да не посмеет коснуться даже дверной ручки! Вы двое останьтесь на лестнице!

Двое гвардейцев послушно остановились, с нами продолжил спуск только один, еще трое идут на пролет впереди, выставив копья, остальные опрометью сбежали вниз.

Когда мы вышли, там уже выстроился в две шеренги почти весь гарнизон дворцовой стражи.

Подбежал Руперт, доспехи иссечены, ветер треплет волосы только с одной стороны, а с другой слиплись, залитые кровью.

— Ваше величество! — вскрикнул он срывающимся голосом. — Я только сейчас узнал о заговоре!.. Мои люди захвачены врасплох, но сотня верных вам заперлась в казарме и отказывается сдать... —

— Заговор подавлен, — произнесла она жестко. — Верхушка уничтожена! Возьмите своих людей и немедленно проведите аресты. Вот эти люди скажут, кто был вовлечен еще... —

— От них потянете ниточки, — добавил я, — доберетесь и до верхов. —

Руперт взглянул в мою сторону с изумлением, перевел взгляд на королеву, та чуть наклонила голову. —

— Да-да, сделайте. Улучшатель, несмотря на свою строптивость, иногда подает верные советы. И поступает тоже верно. —

Мне показалось, последнее было сказано для моих ушей, двое гвардейцев по шевелению пальцев королевы тут же подошли к Руперту. Тот кивнул, и все трое трусцой помчались в сторону казарм. —

— В мой кабинет, — велела она резко. — Никому не отставать! —

На полдороге к главному зданию навстречу бросился Форнсайн, бледный и запыхавшийся. —

— Ваше величество! —

Она сказала резко: —

— Я к себе, а вы помогите Картеру. Он знает, что делать. —

Форнсайн прокричал сорванным голосом: —

— Боевой строй!.. Боевой строй! —

Гвардейцы, ошетилившись копьями во все стороны, образовали вокруг королевы квадрат в два ряда, Форнсайн снова заорал, каре двинулось через двор в сторону главного здания дворца. —

Я шел рядом с королевой, приотстав на полшага, вроде бы так положено, или это сам придумал, пистолет уже в кобуре, но пальцы держу близко.

Рундельштотт с другой стороны, рубин в навершии посоха горит таким огнем, что даже во дворе под ярким солнцем выглядит яростно пылающим факелом смерти.

Гвардейцы справа и слева обеспечивают надежную защиту, на ходу квадрат превратился в вытянутый прямоугольник, так вошли в главный дворец, где сразу забежали слуги и придворные.

Наверху у королевских покоев все те же невозмутимые слуги, по обе стороны двери двое гвардейцев испанского роста с блестящими остриями копий и две трепещущие фрейлины.

Мимо покоев королевы мы прошли быстро и целенаправленно, но уже у следующей за ними двери слуги распахнули обе половинки, королева прошла быстро, словно ее вкатили на спрятанной под длинным платьем платформе.

В кабинете под дальней стеной застыли двое слуг в чистых цветных одеждах, в нашу сторону только скосили глаза, не шевельнув и бровью.

Королева обошла стол, села в кресло, снова с рассчитанно замедленными движениями, царственная и величественная.

— Дорогой мастер, — произнесла она, обращаясь к Рундельштотту, — я погубила вашу работу, о чем искренне сожалею, но вы в самом деле сильнейший из магов, что доказали с блеском. Я уверена, вы еще покажете себя, а я буду вам помогать, как и прежде. А пока идите отдохните, выглядите вы неважно.

Он молча поклонился, отступил на шаг и удалился из кабинета, сторбившись и шаркая подошвами.

Она обратила на меня взгляд холодных и ничего не выражающих глаз, мне показалось, что хочет что-то сказать, но не решается, затем повела головой в сторону слуг, те поклонились и быстро вышли в коридор.

Когда за последним беззвучно закрылась дверь, она снова обратила на меня взгляд этих светлых глаз, в глубине которых вовсе не льдинки, а целые айсберги.

— Глерд, — произнесла она все тем же королевским голосом, — у вас нет здесь своего дома, а вход в ту башню сейчас запечатывают моим словом и моей печатью. Сейчас вы можете отдохнуть пока что... в соседней комнате. Вас проводят. Я отдам необходимые распоряжения, это очень срочно, а потом вернемся к вам. Вас позовут. Идите.

Не кланяясь, слишком зол, я повернулся и быстро пошел к выходу. Дверь распахнулась, к ней как раз подходил Картер, уже в новых доспехах и новой одежде, отпрыгнул, то ли опасался, что дверь достанет по лбу, то ли сотни блох, что прыгнут от меня на его блестящую кирасу.

— А-а, — сказал он, — шкуру еще не содрали?.. Это хорошо, я сам сдеру. Я люблю сдирать шкуры. Но пока только с оленей, кабанов, барсуков всяких... У тебя шкура больше на барсучью или кабанью похожа?

— На бычью, — ответил я.

Он скривился.

— Не дело благородного охотника сдирать шкуры с домашнего скота. Ладно, пойдем покажу тебе твою каморку.

— Ну вот, — сказал я, — так я и спас свою шкуру.

Дверь в самом деле очень близко, комната рядом с королевским кабинетом, Картер остановился и сказал серьезно:

— Еще не спас. Будь настороже.

Я переступил порог, дверь захлопнулась, отрезая от коридора. Судя по шагам, Картер отошел чуть в сторону и инструктирует кого-то насчет охраны заключенного. Или пока что арестованного. Как он серьезно сказал... Вообще-то тут вряд ли кто-то решил отказаться от моей шкуры.

Как ни странно, в этой комнате я чуть ли не впервые в этом мире ощутил себя спокойно и защищенно, если сесть вот так в глубокое кресло за низенький столик, да еще чтоб в ладони пузатая медная чаша, на столешнице кувшин с легким вином, вроде бы его зовут божоле, на широком блюде горка поджаренных хрустящих хлебцев, слева уютно и умиротворяюще горят оранжевым огнем толстые поленья в камине.

Не доходя до стола, я повел глазами по сторонам с растущим подозрением, ну не должно быть мне хорошо в моей ситуации, только что я был у себя дома, а сейчас снова попался, на этот раз по собственной глупости...

На всякий случай толкнул плотно закрытые створки окна, распахнув настежь, пусть выветрятся одурманивающие ароматы. Я никогда не употреблял никаких релаксантов, напротив — только подстегиватели.

Голова чуть прояснилась, в самом деле здесь витал запах, заставляющий успокоиться, еще успокоиться, еще и еще, принять мир таким, какой он есть...

— А вот хренушки, — сказал я вслух и налег грудью на подоконник, вдыхая свежий воздух.

Ждать пришлось долго, я дважды подходил к двери и прислушивался, по коридору то и дело торопливо стучат то солдатские сапоги, то шелестят мягкими подошвами башмаки придворных, а еще позвякивает металл, то ли обнаженные мечи касаются на ходу доспехов, то ли дают о себе знать наручники...

Глава 2

Дверь отворилась, на пороге появилась ослепительно красивая девушка с подносом в обеих руках. Как только шагнула в комнату, гвардейцы захлопнули за нею двери, а она пошла, приятно улыбаясь, к столу, где я сижу в горестном раздумье.

На подносе широкое блюдо с жареным мясом, ломтями сыра, чем-то вроде яичницы, малость зелени.

Я вскочил, при даме сидеть неприлично, хоть и хочется, не сразу узнал Кареллу Задумчивую, фрейлину королевы, только сейчас в другом платье, а волосы не распущены, а убраны в затейливую прическу, перевитую голубыми лентами.

— Давайте помогу, — сказал я и протянул руки к подносу. — Что это вас так...

Она засмеялась тоненьким девичьим голоском.

— Ой, спасибо! А то я еле донесла.

Я помог ей перегрузить еду на стол, спросил:

— А почему не служанка?

Она ответила тем же тоненьким голоском:

— Ее величество велели!.. Улучшателю в гостях королевы должна прислуживать фрейлина ее величества...

— Тогда, — сказал я, — разделите этот обед со мной.

Она заколебалась, судя по ее лицу, наконец сказала тихонько:

— Прямого запрета общаться с вами не было, а вы ведь человек, надеюсь, благородный?

— Это в каком смысле? — спросил я опасливо. — Знаете ли, меня такие вопросы, откровенно говоря, пугают. И как бы заранее к чему-то обязывают, а я человек свободный, демократичный, ветренный, дурной, свободо- и свободномыслящий...

Она вздохнула с некоторой опаской:

— Уж и не знаю... Но минуту с вами побуду, это так интересно, вы же тот самый, а мы, женщины, любопытный народ... Меня зовут Карелла Задумчивая. Вы мне зеркало... улучшали.

— А меня Юджин, — сказал я. — Совсем незадумчивый, к своему большому сожалению. Задумывался бы чаще, не так постоянно бы влипал во всякие, так сказать, радости бытия. Ну, вы понимаете...

Она наконец села с другой стороны стола, смотрела, как я беру мясо руками, вилки появятся еще очень не скоро, робко взяла ломтик сыра и, застенчиво улыбнувшись, прикусила ровными блестящими зубками.

— Нет, — сообщила мягким щебечущим голоском, — не понимаю, извините, глерд.

— Как хорошо, — ответил я с облегчением. — А то я думал, что только я один себя не понимаю. Будем не понимать вдвоем. Вы как на это смотрите?

Она сказала опасливо:

— Лучше давайте не понимать порознь.

— Благоразумно, — согласился я. — У ее величества и фрейлины ей под стать... думающие, имею в виду. Осторожные. Вы ведь осторожная?

Она как бы сделала попытку чуть отодвинуться от стола.

— Девушки и должны быть осторожными, — сообщила она благовоспитанным тоном. — И беречь свою репутацию!

— Наверное, это здорово, — согласился я. — Или не здорово, зато правильно?.. А мясо вы не едите?

Она кокетливо улыбнулась.

— Когда вы так смотрите, я просто... не могу. Глерд, что там случилось? Весь дворец наводнен людьми с оружием!

Я подумал, отвечать, не отвечать, но лучше объяснить сразу самим, чем кто-то это сделает за нас, передернув факты, сказал страшным шепотом:

— Произошел государственный переворот!.. Самый бескровный, как я понимаю, в мире. Неудачный, правда. Был убит на месте глава заговорщиков Роднер Дейнджерфилд и еще два-три человека. Всегда бы так! Королева действовала молниеносно. Если бы промедлила, могло бы вылиться в гражданскую войну.

Она смотрела на меня широко распахнутыми кукольными глазами.

— Правда? Сам командующий?.. И как же его удалось остановить?

Я лихо подкрутил несуществующий ус.

— Лехко!.. Ваш покорный слуга!.. А также немножко и ее величество. Это все случилось настолько быстро, что как бы и не было. Но, думаю, тюрьмы пополнятся, а то и палачу работы прибавится. Вас, как, такие освежающие перемены радуют?.. Хорошее мясо, кстати. Сами готовили?

Она обиженно надула губки.

— Как можно?.. Я фрейлина, а не повариха.

— Да, — согласился я, — это заметно. Поварихи помясистее.

Она сказала еще обиженнее:

— Я не худая.

— А даже и не подумал, — сообщил я, — только заметил, что у поварих больше мяса в определенных местах. И не всегда там, где нам больше всего нравится. Так что налегайте на сыр тоже, он помогает набирать массу. Как вам Виллис Форнсайн?

Она посмотрела с недоумением.

— Как?.. Да просто старший охранник. Нам запрещено сдруживаться с охраной, это чем-то опасно, как сказали ее величество, а королева всегда все знает.

— А с глередами?

— Только с высшими, — сообщила она. — Они нашего круга. Им от нас обычно ничего не надо... кроме, вы сами понимаете, потому они угрозы не представляют...

— Королева везде видит угрозу?

Она ответила осторожненько:

— Ее величество предусмотрительны.

Я вышел проводить ее до двери, открыл с учтивым поклоном, а когда она легко перепорхнула в коридор, некоторое время тупо смотрел вслед, осмысливая, что теперь делать и как постараться вернуться как можно быстрее.

Карелла на повороте оглянулась, улыбка кокетливая, как же, я и должен смотреть вслед с вожделением, она ж такая, прям вся такая, что.

Когда она наконец скрылась, я почесал в затылке и развернулся в сторону своей двери, но в дальнем конце коридора появилась трепетно светлая и нежная принцесса Андрианна, за нею двое гвардейцев настолько угрюмого вида, что мое сердце дрогнуло.

Внешность многое может сказать о человеке, и хотя вроде бы по внешности судить нельзя и даже нехорошо, однако же все мы судим по ней, и встречая девушку с румяной мордочкой и задорно вздернутым носиком, ожидаем встретить веселую хохотушку, не очень обремененную интеллектом и раздумьями о судьбе вселенной.

Точно так же по внешности оцениваем девушку со строгими глазами, хотя глаза уж точно не могут быть строгими, разве только взгляд, но мы и глаза считаем строгими, если они голубые или вообще светлые, а не

коричневые, те, как считаем, теплые и ласковые, каре-глазку можно сразу или почти сразу хватать за сиськи.

Почему такой разительный контраст между родными сестрами, не понимаю, как будто от разных отцов, хотя можно предположить, что в колыбели были почти одинаковыми, а различия начались потом, когда старшую в глубоком детстве начали готовить к нелегкой роли королевы, а младшая так и осталась милым беспечным ребенком, честным и открытым.

Она подняла на меня взгляд робких невинных глаз, застенчиво улыбнулась, моя душа ликующе затрепыхала крылышками, я замер, а когда принцесса подошла ближе, сказала чистым музыкальным голосом:

— Глерд, я слышана, вы спасли жизнь моей сестре!.. Не знаю, как вас и благодарить!..

Я указал взглядом на угрюмо остановившихся за ее спиной огромных стражей:

— А вы как... в безопасности?

Она сказала серебряным голосом:

— Да, спасибо, все в порядке! Это сестра приставила ко мне, чтобы охраняли. Все в порядке, правда!

Я удержал на языке готовое сорваться «Если что, только свистните», не мое это дело дворцовые интриги, пусть разбираются сами, учтиво поклонился, а когда прошли мимо, некоторое время смотрел вслед. Почему именуют принцессой, если сестра королеве и должна была унаследовать трон?

Хотя, напомнил себе тут же, это не мое собачье дело. Пусть здесь хоть поудавливают друг друга, мне нужно ломать голову вовсе не над установлением справедливости в этом королевстве.

В комнате пробыл еще около двух часов, пока в дверь не стукнули. Я не успел открыть рот, как вошел Картер.

— Еще не заснул?... Пойдем, у королевы будет минутка, чтобы поговорить с тобой.

Я поднялся, чувство тревоги спит, Картер ко мне даже вроде бы расположен, судя по ощущениям, я поинтересовался:

— А не слишком велика честь посылать за простолюдином самого начальника охраны дворца?

Он ухмыльнулся.

— Ты не простолудин, а Улучшатель!

— А это выше или ниже? — спросил я.

— Это вне, — заверил он. — Вне рангов. Я бы сказал, где-то между глердом и высоким глердом. Хотя это дело наших знатоков. Я слышал, тебя называют даже Послаником, а некоторые вообще величают Пророком...

— Только не пророком, — сказал я поспешно, — а то я вам такого напророчу!.. Свою жизнь никак не выстрою, а ваши так и вовсе под откос с веселым свистом...

Он засмеялся, чистый и открытый служака, целиком преданный своему делу охранять дворец и королеву, для него мир прост и ясен: все, кто за королеву, — друзья, кто против — враги, потому я, сыгравший важную роль в пресечении переворота, должен быть под его защитой.

Впереди двери королевского кабинета распахнулись, вышел мужчина в костюме высшего глерда. Фигура так себе, но лицо волевое, сильное, даже жестокое, таким должно быть у полководца, отправляющего на смерть сотни людей, чтобы спасти тысячи. Кафтан темно-бирюзового цвета, принадлежность к высшему кругу знати, золотая нить по воротнику, вроде бы нечто типа высокого воинского ранга, точно не помню...

Он метнул на меня острый взгляд, я ощутил в нем силу, однако он сразу же повернулся и двинулся в сторону лестницы, а я с застучавшим сердцем подошел к двери королевского кабинета.

Похоже, как подсказывает чутье, это новый главнокомандующий, такой пост нельзя долго держать вакантным, дабы не было грызни, королева это понимает, а для каждого из высших чиновников у нее наверняка припасена замена, о чем, понятно, помалкивает во избежание.

— Новый командующий? — спросил я шепотом.

Картер ответил тихо и с одобрением:

— Быстро схватываешь. Герцог Утрехт Нортумберленд. Совсем не придворный, что и хорошо.

Я пытался вспомнить, где слышал это имя, но Картер уже толкнул двери, из кабинета хлынул яркий свет, за время моего отсутствия здесь зажгли все люстры и подсвечники, что понятно, так поступают, когда тревожно и настроение совсем паршивое.

— Ваше величество, — сказал Картер почтительно. — Арестованный доставлен.

Она неодобрительно поморщилась.

— Оставьте свои шуточки, Руперт. А то наш Улучшатель еще и поверит, он такой... доверчивый.

Руперт весело хмыкнул, закрыл за моей спиной дверь, а я деревянными шагами прошел по золотой дорожке в сторону королевского стола, перед королевой куча бумаг, в руке длинное перо, выглядит усталой, но встретила меня ясным взглядом и величавым жестом указала на кресло слева от стола.

— Садитесь, глерд Юджин.

— Спасибо, ваше величество, — поблагодарил я, — что не вдарили.

Она вскинула брови, посмотрела, как я сел, свободно, не как слуга, но и не как глерд, что каждым движением что-то да демонстрируют, просто сел и все.

— С чего, — спросила она медленно, — так вот... вдруг?

— Вы же королева, — напомнил я. — Все в вашей власти. Особенно сейчас, когда обезглавили оппозицию. Уверен, что с блеском. Быстро и решительно.

Она кивнула, держится все так же, просто железная женщина, взгляд холоден и тверд, признаки усталости замечаю в лице, но не в голосе или в жестах.

— Да, — согласилась она, — контрмеры продумывала давно, так что оставалось только действовать... А вот с вами, глерд Юджин, решила... пока только в общих контурах. Что-то могу, что-то зависит и от вас.

Раньше, отметил я про себя, была на «ты», сейчас уже на «вы», вроде бы ухудшение, но если «ты» не дружественное, а служебное, дескать, слуга, то это «вы» хоть и холоднее, но указывает на статусность...

— Ваше величество, — поинтересовался я, — вы мою судьбу решали еще там?.. В том месте, где мы как бы не побывали?

Она повела глазами по сторонам, никого вблизи, снова обратила на меня взгляд холодных внимательных глаз препаратора.

— Я королева, — напомнила она. — Мне отдыхать некогда. От меня слишком многое зависит.

Я сказал зло, но уже с любопытством:

— И что теперь? Что-то новое?

Она откинулась на спинку кресла, мне показалось, что снова чуть-чуть повела глазами по сторонам.

— Я королева, — повторила она тем же усталым и почти безучастным голосом. — Я обязана делать все для своей страны. Тебя нельзя было оставлять в своем мире, ты слишком опасен для нас. А здесь, глерд Юджин, вы можете принести огромную пользу.

— Ого, — сказал я саркастически. — Помнится, вы угрожали мне, что если попадусь вам в вашем королевстве...

— Это было от бессилия, — сообщила она. — Но сейчас я снова на троне. Здесь должна делать все, смилив гордость и обиды, для королевства и только для королевства.

Я сказал все еще зло:

— И какую же пользу? Прялки усовершенствовать?

Она прямо взглянула мне в глаза.

— Не знаю. Я никогда не произношу этих слов в присутствии своих подданных, но ты... в самом деле не мой подданный.

— А как еще объясните своим людям? — спросил я с сарказмом.

Она чуть поморщилась.

— Для них можно что-то придумать. Короли редко говорят правду. На нас лежит тяжелая и важная обязанность поддерживать мир в королевстве, а это с правдой никак не связано. Даже к справедливости имеет отношение только чуть-чуть. Я не считаю тебя опасным для меня лично. Ты мог бы избавиться от меня в любую минуту в своем мире, но, несмотря на свои заверения в своей подлости и коварстве, ты заботился обо мне и спасал много раз. И даже сумел вернуть сюда в мой мир.

— За что вы мне так щедро отплатили, — заметил я с прежним сарказмом.

Ее лицо затвердело, во взгляде вроде бы промелькнуло нечто человеческое, но голос прозвучал государственно:

— Я спасала королевство... от возможной угрозы. Жизни людей, даже близких, ничто в сравнении с жизнью страны. Я поступила по отношению к тебе несправедливо и жестоко, признаю. Потому и предлагаю тебе здесь все, что могу предложить.

— Да? — спросил я. — Ну, например, я привык, что меня будила утром Аня Межелайтис...

Глава 3

Она запнулась на миг, подумала, на лице не то что смущение, а легкое затруднение, которое решается.

— Тебя будет будить любая из моих фрейлин, только скажи. Например, Карелла, как я понимаю, уже готова. Если она тебе приглянулась.

Я подумал, покачал головой.

— Быть вашим придворным слугой? Хотя и в мундире глерда?.. А как насчет обещания подарить мне замок с обширными владениями?.. Где-нить подальше от столицы?

Она взглянула с некоторой тревогой.

— Не думаешь ли поднять там мятеж?.. Нет, ты не таков. Оскорбленное самолюбие? Обида?

Я сказал зло:

— Ваше величество, мы здесь одни, потому скажу со всей откровенностью: мне насрать на ваше королевство!.. И на его интересы!.. Я домой изволю! Вы даже не понимаете, что совершили акт... даже не знаю, как назвать это чудовищное преступление!.. Чудовищнейшее!.. Выдернули меня из моего мира, снова проявив хитрость и силу, руководствуясь только своими интересами...

Она обронила сухо:

— Интересами страны. Это не одно и то же.

— Интересами страны, — крикнул я, — можно оправдать что угодно! Но вам с моей стороны ничего не грозило. Я отправил бы сюда вас, а сам постарался поскорее забыть о том кошмаре. И никому бы не вякнул, чтобы самому не оказаться в той же психушке! Но вы, понимая это, все же решили перестраховаться!.. И принесли меня в жертву!.. Ах да, интересы королевства оправдывают все!

Она опустила голову, но я чувствовал себя слишком разъяренным, чтобы обращать внимание на ее виноватый вид, непривычно виноватый, ведь королева права всегда, и спросил еще злее:

— Или это и есть ваша месть?

Она помолчала, наконец приподняла голову. Лицо бледное и очень усталое, еще бы, сколько человек за этот день отправила на плаху и в каменоломни, это еще ничего, могла бы вообще ликовать, что-то человеческое все же осталось под натиском женского.

— Наверное, — сказала она негромко, — я в самом деле ошиблась... честно говоря, я не надеялась, но в самом деле хотела большего, чем просто обезопасить королевство.

Я крикнул:

— Чего еще?

Она подняла голову, но взгляд оставался все еще исподлобья.

— Я верю, — прошептала она раздавленным голосом, — ты не стал бы нам вредить... и никому бы не сказал...

— Тогда чего? — прошипел я. — Чего еще?

Она опустила голову и ответила тихо, глядя в пол:

— Я надеялась... надеялась, что сможешь стать полезным для моего королевства. И я почти не ошиблась! С первой же минуты ты спас мне жизнь и предотвратил переворот... Правда, ты это сделал не ради меня, понимаю, и не ради королевства, но ты сделал! Я поступила правильно. Но это тяжелая правота. Все, что могу сейчас сделать... это дать тебе обещанный замок и обширные владения. Мой канцлер предоставит тебе несколько глердств на выбор...

Я сказал зло:

— У вас есть еще свободные земли?

Она взглянула несколько удивленно:

— В заговор были вовлечены очень влиятельные люди. Сейчас под арестом, кто-то будет отправлен в каменоломню, кто-то выслан на окраину. Замки и крепости к ним уже не вернутся. Понятно, что они должны быть у моих верных людей...

— Я не из их числа, — отрезал я.

Она наклонила голову.

— Тебе я обязана жизнью.

— Королева не должна принимать во внимание такие мелочи, — напомнил я едко. — Все обязаны спасать королеву!

— Ты не был обязан, — обронила она сухо. — И хотя спасал только свою шкуру, если говорить прямо, но заодно спас и королеву. Однако даже не это повлияло на мое решение.

— А что?

Она прямо взглянула мне в глаза.

— Ты не враг. Ты благороден, как бы и что ни говорил о себе. Ты не станешь поднимать мятеж или примыкать к мятежу. Этого мне, как королеве, уже достаточно. Хотя, конечно, в голову постоянно стучит мысль, что тебя нужно держать под надзором.

Я поморщился.

— Ваше величество! Говоря откровенно, как вы собираетесь меня контролировать?.. Держать в темнице и пытками вырывать способы улучшения вашего королевства?

Она поинтересовалась:

— Не получится?

— Честно говоря, — ответил я, — это не просто опасно. Это безумие. Я могу подсказать такое, что покажется счастьем, но приведет к гибели вашего мира. Вообще,

как мне кажется, даже у вас тут стараются с чародеями дружить, а не пытаться заставить их делать что-то силой.

Она чуть наклонила голову, рассматривая меня исподлобья.

— Ты не будешь вредить.

— Почему? — поинтересовался я.

— Ты мог бы уничтожить меня в своем мире, — напомнила она медленно. — Но ты затратил столько сил, чтобы вернуть меня сюда... Зачем?

Я пожал плечами.

— Из несвойственного мне гуманизма.

Она сказала холодно:

— Я не знаю, что такое гуманизм, но мне кажется, ты не станешь вредить и здесь. А я люблю свое королевство и хочу, чтобы все приносило ему пользу.

— Все?

— Да, — ответила она. — И ты.

— Из темницы?

Она помедлила, ответила уклончиво, я сразу ощутил, что лжет:

— Ты в своем замке и на пожалованной тебе земле будешь пользоваться свободой. Жизнь твоя станет... богатой. Но должен пообещать, что сохранишь тайну о своем мире.

— Охотно, — ответил я. — А о чем вы недоговариваете, ваше величество?

Она запнулась на мгновение.

— Ты останешься слугой королевы. Как и все остальные. Я блюду старинные обычаи, на которых держится королевство. Никто не может простолюдина возводить в глерды по своей прихоти.

Я кивнул, понимая скрытый смысл.

— Только за особые заслуги?

Она чуть наклонила голову, но уточнила:

— За те заслуги, которые приносят королевству пользу.

— Понятно, — ответил я. — Ничего личного. Позвольте откланяться?

Она помедлила, но не стала напоминать, что от королевы уходят только по ее желанию, а не своему, ответила милостивым наклоном головы, но так как я чужак и могу не понять, добавила:

— Можешь идти. Тебя позовут, если вдруг понадобится.

Я молча поклонился и, развернувшись на месте, двинулся к двери, но когда взялся за ручку, повернулся к королеве.

Она, как будто ждет последнего слова, сидит в той же позе и смотрит мне в спину.

— Ваше величество, — сказал я зло, — а вы не такая уж и слабая, как о вас говорят!

Она не спросила, кто так говорит, и без меня знает, поморщилась:

— Отец учил меня скакать на коне галопом и стрелять из лука прямо с седла!

Я уточнил:

— Я не о крепости рук, хотя они тоже, не спорю, почувствовал, спасибо. Но вы в прошлый раз, когда я метнулся в портал, среагировали моментально! И в моем мире держались изумительно, а когда запихивали меня, такого идиота, обратно в портал, провели ту операцию в совершенстве.

Она посмотрела в изумлении:

— А как иначе? Королева должна думать над каждым шагом, словом, жестом! Постоянно. Даже во сне. Продумывать все наперед.

Я сказал горько:

— Наверное, я поверил вашим советникам о вашей никчемности, потому и попался. Ну ладно бы раз, но дважды!

— Третьего раза не будет, — сообщила она. — Мятеж подавлен. Даже не мятеж, а попытка дворцового переворота. Заканчиваю аресты самых дальних участников, но уже сейчас все под моим полным контролем. Верные мне войска покидают столицу, хотя охрану дворца и важнейших зданий в столице оставляю удвоенной.

— Еще бы, — сказал я саркастически, — когда есть повод, как не воспользоваться?

Она произнесла холодно:

— Глерд?

— Все вы понимаете, ваше величество...

Она кивнула.

— Верно. Однако о некоторых вещах умалчивают.

— Я не политик, — сообщил я. — Все в глаза.

— Теперь вы тоже политик, — сообщила она холодно. — Вы знатный глерд, Юджин. И ты остаешься здесь навсегда. Я не позволю, чтобы о нашем мире узнали в твоём, могущественном и полном жестокости... Там в коридоре скажи слугам, что могут зайти.

В коридоре Рупер Картер оставил, как понимаю вместо себя, высокого и щеголеватого глерда в металлических доспехах, сразу видно по манерам военную косточку, оба гвардейца у двери перед ним стоят навытяжку.

Он быстро повернулся на стук открываемой двери, от него пахло легкой неприязнью, но не личной, а словно бы коллективной, как если бы в его кругу мне уже перемывали кости и сходились во мнении, что этот гад всем жизнь портит.

— Глерд Терминс, — назвалс я он. — Мне поручено проводить вас в ваши... покои.

— Мне уже выделено место? — осведомился я.

Он поклонился.

— Временное. Пока ее величество не решит вашу судьбу окончательно. Прошу вас...

Это «прошу» прозвучало достаточно угрожающе, мне показалось, что ему очень хотелось бы, чтобы я заупрямился, ага, шас буду играть по вашим правилам.

Я кивнул и сказал мирно:

— Хорошо, показывайте дорогу.

За моей спиной грузно затопали двое гвардейцев, что-то мне такое совсем не нравится, не такой должна быть в моем понимании благодарность королевы, я ей жизнь спас, но это мне как уместное напоминание, что все женщины — предательницы, а то уже и забывать начал...

Во дворе впятеро больше гвардейцев, но ни один не слоняется без дела, у каждого выхода по двое стражей, нигде мышь не проскользнет незамеченной, голос Виллиса Форнсайна гремит и грохочет, начальник охраны главного здания всем напоминает, что он здесь главный и самый страшный.

Мы с глердом Терминсом и топающими за спиной гвардейцами шли через двор, когда навстречу попался глерд Сигитар с двумя слугами за спиной. Я подчеркнуто смиренно опустил взгляд, я же пока простолюдин, замок еще не получил, да и не люблю тыкать людей носом в их промахи, а он, чувствуя себя несколько не в своей тарелке, все же гордо вскинул голову и прошел мимо чуть ли не церемониальным шагом.

Я хмыкнул, ладно, вот так и будем держаться, меня это вполне устраивает. Как уже сказал, не в моих правилах гордо прыгать на поверженном противнике и вытирать о него ноги.

Дверь в башню Рундельштотта опечатана королевской печатью, с этой стороны разместили длинный и толстый обрубок дерева с начисто срубленными ветвями, на нем расположились двое королевских гвардейцев в доспехах и при оружии.

Судя по тому, как провожают всех подозрительными взглядами, не просто сели отдохнуть, а мечтают, чтобы кто-то попытался проникнуть в башню, тогда себя покажут, что позволит просить насчет повышения жалованья.

Глерд Терминс сказал с насмешливой почтительностью:

— Достопочтимый глерд, ваши покои в соседней башне.

Соседняя на другом конце двора, я промолчал, хорошо хоть ведут без наручников.

Мы подошли наконец к той башне, возле двери двое гвардейцев, выпрямились, как только увидели, что глерд Терминс идет в их сторону.

— Глерд, — сказал он мне с той же пренебрежительно-насмешливой ноткой, — вот эти двое вас проводят до двери вашей комнаты и... останутся ее охранять. Всего доброго!

Он повернулся уходить, я сказал вежливо:

— Глерд...

Он обернулся, на лице снисходительное презрение к конвоируемому, а я сказал еще вежливее:

— Мне кажется, вы из очень знатного рода, верно?

Он ответил гордо:

— Из самого Далмантина!

— Ого, — сказал я, — и ваш род, судя по всему, по-прежнему богат и знатен?

— Безусловно, — подтвердил он заносчиво.

— И вы даже уверены, — закончил я, — что их влияния достаточно, чтобы защитить вас от всего-всего на

свете. Это очень интересное заблуждение... Счастливой дороги, глерд! Но все-таки чаще смотрите под ноги.

Я повернулся и пошел в башню, но успел увидеть, как на его красивом лице промелькнуло выражение полного непонимания, которое потом наверняка сменится смутной тревогой.

Двое гвардейцев послушно поднимаются за мной, отстав на половину пролета, здесь ступени широкие, можно втроем, на втором этаже сбоку массивная двустворчатая дверь, единственная на площадке.

Гвардеец за спиной крикнул:

— Глерд, ваши покои!

— Даже покои, — пробормотал я. — Пугающее слово... в покоях положено покоиться... гм... покойник тоже как бы оттуда... Спасибо, можете идти.

Один гвардеец промолчал, второй покачал головой.

— Нам велено остаться. Снаружи, конечно.

Я пробормотал:

— Я все-таки пленник?

Он энергично затряс головой.

— Можете выходить либо по зову королевы, либо по тем делам, которые вам поручат. Но в любом случае, мы обязаны сопровождать ваше глердство.

— Конвой? — спросил я.

Он ответил уклончиво:

— Нам велено охранять вас. На тот случай, если кто-то попытается покуситься на вашу... особу, что ли?.. Вы же ценный человек! Мы вас очень чтим. Как только начали подковывать коней, так сразу им стало легче, а кто коней не жалеет?

Я буркнул:

— Придумали бы что-то правдоподобнее! Кому я могу быть интересен?.. Хотя кони, да...

Он развел руками.

— Приказ есть приказ, нам очень жаль. Мы, простые солдаты, вас очень уважаем.

— Хорошо-хорошо, — ответил я, — но если ко мне возжелается зайти к кому-то из служанок...

Я сделал паузу, он кивнул, ответил с усмешкой:

— Останемся за дверью. Но сперва проверим, что в вашей комнате никого кроме вас двоих. Еще закроем окна, на всякий случай вон Ганс встанет с той стороны с арбалетом.

Я буркнул:

— И за то спасибо. Хоть не возле постели.

Он ответил серьезно:

— У королей в таких случаях всегда стоят у постели и следят, чтобы женщина не всадила королю нож под ребро.

Я хмыкнул, открыл дверь и, войдя в комнату, закрыл за собой. Две просторные комнаты со всевозможной мебелью, одно окошко, стол и два стула, жить можно, если по меркам здешних, но мне чего-то не хватает, вот такой капризный, просто свинья какая-то зажратая.

Слышно, как за дверью позвякивает металл, это стражники располагаются в коридоре, надо будет вскоре выйти, проверить, как тут и что. Заодно свой статус понять, что мне можно, а что не.

Глава 4

Может быть, я становлюсь излишне подозрительным, но в комнате я пробыл не больше двух минут, быстро все осмотрев и сообразив, что здесь жить совсем не хочется.

Гвардейцы вскочили, едва я открыл дверь, один спросил услужливо:

— Что-нибудь нужно, глерд?

— Я не глерд, — ответил я и уточнил многозначительно: — Я Улучшатель. Могу так улучшить, что мало не покажется.

— Улучшатель, — проговорил тот же воин, — нам сопровождать вас?

Я покачал головой, радуясь, что, оказывается, они будут охранять меня только в этих, как говорится, по-коях.

— Нет, пройдусь по двору, — сообщил я, — и вернусь. Если ее величество не изволит оставить меня в своих по-коях...

Они даже не улыбнулись, будто моя шуточка совсем не шуточка, тот же гвардеец сказал с облегчением:

— Счастливой прогулки, Улучшатель. Мы здесь, на месте!

Я кивнул и пошел вниз по ступенькам, очень довольный, что проверил насчет охраны, что именно охрана, а не конвой.

Во дворе крикливо распоряжается Форнсайн, я хотел было пройти мимо, но он как-то услышал, развернулся, на мгновение изменился в лице, но поспешно взял себя в руки, взглянул холодно и отстраненно, но тревогу в глазах и на лице не скрыть.

Понимает, сволочь, я ничего не забыл. И помнит, обещал не прижигать ему бока, как дикари, а удумать нечто такое, что он сперва охрипнет от крика, а потом будет подыхать долго-долго.

Я смерил его недобрым взглядом, пошел своей дорогой, но он сдержанно поклонился и произнес ровным, как идеально выстружанная стрела, голосом:

— Как мне кажется, глерд, вы теперь пользуетесь расположением ее величества.

— Мне как-то насрать, — сообщил я, — что и где вам кажется.

Его деревянное лицо вообще превратилось в камень, в глазах проступило и тут же скрылось выражение сильнейшей ненависти.

— Я служу королеве, — ответил он сдержанно, — и предпочел бы сражаться с ее врагами, а не грызться с ее сторонниками. Или вы не считаете себя преданным ее величеству?

Я ощутил скрытый подвох, любой мой ответ может быть истолкован не совсем так, как хочу, потому ответил еще надменнее:

— Глерд, ее величество знает мою позицию. А вот в вашей есть повод сомневаться.

Он произнес твердым голосом:

— Ее величество не сомневается!

— А я вот сомневаюсь, — сказал я. — И еще, глерд... У меня хорошая память. Вашего Дерта я с великим удовольствием... поняли? Кто там еще был с вами в подвале? Не припоминаете?.. Это ничего, я всех помню. Всех — это всех, как вы понимаете.

Он чуть-чуть побледнел, но все еще держится ровно и не спускает с меня злого взгляда, только нахмурился.

— Глерд, — голос его прозвучал бесцветно, — моя работа заключается в охране дворца. И все мои действия, как вы понимаете, всегда направлены на выявления врагов. Иногда случаются и ошибки...

— Дворец охраняет Руперт Картер, — напомнил я. — А вы всего лишь один корпус, хоть и королевский. Так что не надо распускать хвост и рассказывать о вашей значимости. Хочу напомнить, глерд, у меня есть такая

привычка, как платить по счетам. А вам я задолжал. Думаю, скоро расплачусь сполна.

Он ответил сухо:

— Мой меч к вашим услугам.

Я хищно улыбнулся.

— Вы не предлагали мне сразиться на мечях, когда потащили в пыточный подвал! И я вам предлагать не стану... Ну, вы меня поняли. А теперь сойдите с моей дороги! Иначе растопчу прямо сейчас. И скажу, что эта грязь под ногами уже была.

Он дернулся и отступил в сторону раньше, чем сообразил, что его тело военного человека повиновалось командному голосу раньше, чем голова поняла смысл сказанного.

Я прошел мимо с гордо задранной головой, но успел краем глаза увидеть резко побагровевшее лицо.

Чтобы отыскать Рундельштотта, пришлось переговорить с челядью, а потом выйти из дворца в город, где буквально в первом же квартале увидел вывеску «Трактир «Три оленя», а когда толкнул дверь, увидел его за столом в одиночестве.

Еще два стола заняты народом в дальнем углу, но вокруг Рундельштотта пусто, чародеев побаиваются, особенно в их подпитии.

Он все в том же темном плаще и в широкополой шляпе, сидит с большой чашей в руке, народ поглядывает в его сторону с опаской, не то, чтобы сесть за соседние столы, но кто-то вообще подумывает убраться из таверны в такое опасное время.

Я уловил сильный запах вина, как старик еще не свалился, но когда я сел напротив, понял, что такого свалить непросто, хотя в глазах отчаяние, а на лице печать сокрушительного поражения.

— Великий мастер, — сказал я с ходу, — вы совершили эпохальное открытие!.. Вы добились невероятнейших результатов!..

Он с таким трудом поднял голову, что по всей таверне прокатился сухой треск иссохшихся позвонков.

— И что с того...

Я говорил негромко, чтобы слышал только он, но с жаром:

— Косные верхи власти не оценили, испугались, разрушили ваши мечты... Но все-таки победили вы, а не они!.. Вы пробили окно в другой мир!

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Ты все время дурачил меня, юноша?

— Нет, — запротестовал я. — Кое-что скрывал, это понятно, кто бы поверил?.. Но мы с ее величеством побывали в другом мире, что, конечно же, сейчас является строжайшей государственной тайной!.. Она права, тот мир ужасающ, злобен и жесток, потому не стоит даже смотреть в его сторону. Мы едва спаслись. И то только потому, что сразу же обратно.

Он посмотрел на меня искоса.

— Ну да, сразу... Думаешь, ничего не замечаю? Ладно, я уже стар, мудр и лишнее не сболтну. И сам ничего не спрашиваю.

Я придержал его руку, что потянулась к чаше.

— Мастер, вы обещали научить меня всему, что знаете...

— Что сможешь усвоить, — уточнил он сварливо.

— Взамен обещаю, — сказал я торжественно, — поддерживать ваши работы... но только в русле первоначальной задумки.

Он насторожился.

— Ты о чем?

— Вы хотели открыть окно в другие миры, — напомнил я. — А нечаянно открыли дверь. Так вот насчет окон... Чтобы только смотреть и наблюдать. А в будущем, если убедимся, что там нет опасности, можно попробовать и насчет двери. Но сперва должны видеть, что там за мир.

Его тусклые глаза вспыхнули было радостью, но тут же он грузно осел, словно сугроб грязного снега под лучами весеннего солнца.

— Ее величество больше не позволит...

— Проникать, — возразил я, — а не наблюдать. Женщины осторожнее нас, что позволяет им лучше нас выживать в этом жестоком мире... А сейчас, великий мастер, я хотел бы услышать, чему вы сможете научить... Нет, скажем иначе, чему вы смогли бы научить, если бы я приложил массу усилий да еще и оказался понятливым учеником?

Он посмотрел на меня внимательно.

— Ты попал под действие магии трех лун. И выжил. Ты не один, кто попадал и выживал, но обычно с ними ничего не происходило. А если и происходило, то не могли найти в себе что-то новое.

Я признался:

— Мастер, вы говорите просто гениально. Я чувствую, что во мне произошло нечто особенное, но что... нет, никак не нащупаю. Хотя, может быть, это и к лучшему? А то вдруг вторая голова начнет расти... или хвост, как у крокодила. Или два! Хотя, на мой взгляд, и один вроде бы ни к чему.

Он рассматривал меня, как генетик распластанную на лабораторном столе мышь.

— Ты мог бы стать магом, — проговорил он с некоторым сомнением, — так как выжившие под трехлунием могут накапливать магию... но это трудно. Чтобы стать

магом, нужно слишком многое, чтобы совпало... Чтобы научиться хоть чему-то одному, нужно много и упорно упражняться.

— Я на довольствии, — заверил я. — Работой не загружен, так что могу с утра до ночи!.. А так как уже успел нажить врагов, то не только могу, но и буду стараться. От такого пустяка, как смогу ли в магии, может зависеть моя драгоценная шкура!

Он усмехнулся.

— Это хорошо. Магия — трудная вещь. Чтобы овладеть хотя бы какой-то мелочью, нужно много и долго, как уже сказал, упражняться. Ты заметил, не бывает молодых магов?.. А про рожденных в деревнях и ставших магами уже с детства... просто легенды.

— Основанные на чаяниях простого народа, — подсказал я. — Как последняя надежда, последний вздох угнетенной твари. Могу рассказать про шуку в проруби, золотую рыбку или медный кувшин — это все от жажды получить все и задаром. Нет-нет, я буду качаться и качаться, никаких пьянок и бабс, кач и только кач, пока не получу хотя бы нубовский скилл...

Он вряд ли что-то понял, но мы все чаще ориентируемся на тон, жесты, мимику, а они у меня вполне адекватны, потому кивнул и сказал почти деловито:

— Это хорошо, что пришел... Я опустил не только руки. Когда хочешь начать?

— Сейчас, — ответил я.

Рундельштотта, к облегчению посетителей, увести из таверны оказалось довольно легко: пристрастие к вину не может победить более сильную страсть заниматься любимым делом науки и технического прогресса.

Еще по дороге он сказал с задумчивым удивлением:

— Я заметил, у тебя есть чувство опасности. Зачатки... Когда есть зачатки, то развивать намного проще! Такое зерно нужно только полить и дать время проклюнуться...

Я сказал нервно:

— А сколько это займет?.. Год, два?.. Меня тут за каждым углом ждут с вот такими ножами!

Он усмехнулся.

— Бодрит, верно?

Я посмотрел с подозрением.

— Вы всерьез? Я не воин, а Улучшатель! Да и то теретик.

Он хохотнул, лицо на глазах розовеет, даже глубокие старческие морщины становятся мельче, а в глазах появился задорный блеск.

Его комнатка оказалась поменьше моей, что и понятно, он свой, а мне, как залетному, чей дом королева видела своими глазами, потому и выделили две большие комнаты, что и так почти оскорбление...

— Садись вон туда, — велел он, — держись за стол. Нет, одной рукой держись, а одной возьми вот это...

Я с подозрением посмотрел на темную, почти черную жидкость в склянке, похожую на сгущенную нефть.

— Сладкая?

— Даже не представляешь, — ответил он.

Я зажмурился и, стараясь не дышать, выпил эту гадость до дна, перевернул над открытой пастью, еще и последние капли поймал, пусть действует в полную силу.

Рундельштотт ухмыльнулся и торопливо отошел к стеллажу с манускриптами, где сразу же углубился в чтение.

Ушел, как я понимаю, потому, чтобы я не убил на месте: зелье оказалось настолько отвратительное, горькое, липкое, мерзкое, жжение началось сперва в глотке, потом захватило весь пищевод, а затем запылал желудок

и все сорок метров тонких и толстых кишок, хотя теперь показалось, что у меня их вдесятеро больше.

Когда сумел выдохнуть, долго сипел и тряс одурелой головой, кое-как сумел протиснуть через схваченное судорогой горло:

— Это... слад... кое?

Он ответил, не отрываясь от чтения:

— В сравнении, все в сравнении... Хочешь, дам попробовать по-настоящему горького?

Я прохрипел:

— И... когда?

Он проворчал:

— Не торопись, всего через час пустит корешки, прорастет... Когда выйдешь за дверь, уже ощутишь, кто готов тебя убить, а для кого ты ничего не значишь.

— Я готов, — сказал я, — чтоб ничего не значил для всего мира! Это называется толерантностью.

— Слово какое-то поганое, — ответил он. — Потерпи, уже скоро. Начинай прислушиваться к себе.

Я пробормотал:

— Пока ничего не чую... Ничего... вам не хочется меня убить?

— Не сейчас, — ответил он. — Не мешай.

Я ждал, а он читал эти старые книги, кряхтел, делал какие-то выписки, а я все старался ощутить то, что должен, но пока что все на нуле, а это значит, что вблизи нет таких, кто желает мне смерти.

Правда, мы на верхушке самой высокой башни, до земли далеко, но кто знает, что почувствую там. Но уже, как ощущаю с учащенным сердцебиением, обострилось не только чувство опасности, но и все остальные. Гораздо лучше вижу все трещинки на противоположной стене, узорную паутину в верхних углах, громче стало сопение Рундельштотта, слышу даже хрипы в его груди...

Вскочил, подошел к единственному окну и начал высматривать прогуливающих внизу во дворе женщин.

Рундельштотт поднял голову, посмотрел на меня искоса.

— Ну как, — поинтересовался он почему-то с иронией, — что-то чувствуешь?

— Начинает, — признался я.

Он хмыкнул.

— Сквозь одежду смотреть не сможешь, и не надейся.

— Да я не, — заикнулся я.

Он вскинул брови.

— Правда?.. Тогда ты просто чудо. Сквозь одежду нет, но если внимательно всматриваться в кого-то на расстоянии и вслушиваться, то можешь узнать что-то важное. Но это не все... хотя, может быть, и все. Трехлуние не делает человека магом...

Он начал рассказывать нехотя, но постепенно увлекся, да и я подхрюкивал наводящими вопросами, да еще и наполнил ему вином чашу и постепенно не столько узнал, как понял, что трехлуние увеличивает возможности выживания, однако воспользуешься ими или нет, зависит от попавшего под свет трех лун.

Избалованный принц, любящий венценосных родителей, хоть каждый день будет облучаться подобным образом, но у него ничего не изменится, и так все есть, а вот я, каждый час ожидая удара в спину или булыжника с крыши, постоянно прислушивался и причувствовался, так что еще тогда почти сразу же с момента возвращения из Зачарованного леса начал достаточно отчетливо понимать, кто как ко мне относится.

Я хлопнул себя ладонью по лбу.

— Вспомнил! Какой-то хмырь в полуженской одежде поднес принцессе цветок прямо из ладони! Вот так

пошептал, а цветок у него из ладони вырос и распустил лепестки!

Рундельштотт посмотрел с иронией.

— Какая же это магия?..

— А что?

— Это не магия, — сказал он, — а ерунда. Нетрудно, если есть хоть малейшие способности, и кто, разумеется, прилагал усилия в обучении, а не только пил да по чужим женам.

Я сказал быстро:

— Вот я как раз такой! Нет, не по женам, способности у меня так и прут, даже хорошие есть, а усилия приложу, куда денусь, я же приперт к стене так, что боюсь хрюкнуть!

Он ответил с сочувствием:

— Только это... гм... длится от силы минуту-две. Обычно и того меньше.

Я спросил озадаченно:

— Мастер?

Он пояснил:

— Через минуту этот цветок, созданный таким вот образом, исчезает. Растворяется в воздухе без следа!..

Я охнул.

— Вот так сразу?.. Обидно. Хотя бы час простоял в вазе...

Он невесело усмехнулся.

— Это же не магия, а так, баловство. Подобие цветка, не сам цветок. А вот маги создают настоящие вещи, и те существуют долго, до последнего часа их жизни. Я в детстве видел, как исчезал замок, затем окружающий его сад и даже пруд... Мне сказали, умер великий маг Страйдер, что покинул эти края, еще когда мой дед был мальчишкой. И все эти столетия замок стоял, как новенький!

— Здорово, — прошептал я с уважением. — И без ремонта, а то он меня уже затрахал дома... Так что, у меня шансов нет?

Он пожал плечами.

— Как тебе сказать. Строить замки никогда не сможешь, это точно. Хоть проживи сто лет. Там нужно слишком уж особое сочетание и совпадение, к тому же только обучаться сотни лет... но сотворить цветочек и поднести вот так женщине... это да, это получится. Если хорошо сосредоточишься и поупражняешься.

— Долго?

— С годик, — ответил он безмятежно, — два... Чего так смотришь? Это не так много. Тебе сколько?.. А-а-а, ну в твоём возрасте и месяц много, а проживи с мое... В общем, пробуй.

— Как?

— Я покажу. Прежде всего обучись чувствовать, откуда грозит опасность. Это нужно ещё и потому, что это... основное. Важное для чародея.

— Базовое, — подсказал я. — То, нам чем держится остальное, так?

Он кивнул.

— Правильно, хорошее слово подобрал. Это база, а на ней начинает надстраиваться остальное. Вообще можно не просто развить в себе способность ощущать, кто замыслил тебя убить или просто ударить, есть легенды о великих мастерах, кто чуял такое за сотни миль! Но это потом-потом... То, что ты выжил, используй. Магия вливается во все живое щедрым потоком, но тут же уходит в землю, а маги могут задерживать в себе, накапливать! Только сумей пробудить эту силу и заставить подчиняться... А пока иди погуляй, попробуй ощутить, как начинает действовать твоя способность чувствовать опасность...

— А уже начинает?

— Да. Иди-иди!

Глава 5

Похоже, вытолкал во двор еще и потому, что я надоед или мешаю читать, думаю, в тех книгах не тайные заклатья, а порнуха на неизвестном мне наречии, очень уж увлеченно читает и ерзает в восторге. Классику так тоже не читают...

Во дворе ко мне боязливо начали приближаться Карнар и другие слуги, не успели начать кланяться, как издали раздался веселый вопль, к нам заспешил Фицрой, в расшитом золотыми нитями кафтане, роскошной широкополой шляпе с пером, в прошитых золотыми бляшками штанах и в дорогих сапогах из мягкой кожи.

— Наконец-то ты один, — сказал он жарко. — А то все с гвардейцами за спиной!..

Он обнял меня, обдав запахом дорогого вина, жареного мяса и горьких трав, среди которых я уловил и аромат женских масел.

— Не любишь гвардию? — спросил я.

Карнар сказал торопливо:

— Давайте зайдем в людскую. Там сейчас никого.

Фицрой поморщился, но кивнул:

— Да, это благоразумно.

В людской они расселись на лавках, на меня уставились блестящими от любопытства глазами. Карнар сказал с боязливым уважением:

— Говорят... ты убил самого Дейнджерфилда?

— Пусть говорят, — согласился я.

— Но ты, — сказал он, понизив голос, — убил или нет?

— Ее величество, — ответил я уклончиво, — королева Орландии взяла и милосердно убила. А своими руками или моими — неважно, верно?.. Ответственность все рав-

но на ней. Говорят же, такой-то король построил город, а такой-то прорыл канал, хотя никто еще не видел короля с молотком или лопатой.

Фицрой довольно заржал, а Карнар покряхтел, зыкнул на меня исподлобья.

— Ну, вообще-то ответил, — проговорил он. — Одного не понимаю, как ты решился? Я только взгляну на такого важного глерда, сразу колени дрожат и руки опускаются.

А Фицрой поинтересовался деловито:

— Значит, чему-то успел научиться у Рундельштотта? Как понимаю, сразу главному — убивать?

— Я же сообразительный, — сообщил я. — Все на лету схватываю, ты сам видел! Мастер Рундельштотт слишком гуманен, интеллигентен и мягок, хотя внутри еще тот лютый зверь, как вообще-то и все творческие люди! Не может человека даже вдарить, а мне и убить — плевое дело! Потому он обучил меня тому, что брезгает, как ученый, делать сам, хотя и хочется. Что и верно: командующие только командуют, верно? А делаем все мы... Как там в городе?

Он оглянулся, сказал, чуть понизив голос:

— По столице идут аресты. Но, говорят, их немного...

— Это понятно, — согласился я. — Дейнджерфилду вовсе не требовалась поддержка крупных глердов. У него армия!.. Достаточно, чтобы знали и соглашались с ним полдюжины высших командиров.

Карнар помялся, спросил:

— А ты... что-то еще можешь?

Фицрой тоже смотрит с живейшим ожиданием, но я лишь изумленно развел руками.

— Зачем? Разве убивать — не самое главное?.. Мужчина проявляет себя только в убийстве!.. Все остальное — мерехлюндии. Еще немного — и мне это забавное и даже

местами веселое занятие начнет нравиться. Может быть, даже серийным маньяком стану. Или, еще лучше, политиком. Тогда смогу убивать сотнями, а повезет, так и тысячами!.. Уже известно, кто арестован?

Карнар помотал головой, и Фицрой ответил рассудительно:

— Это позже узнаем, если вообще... Мяффнер разве что был взят под стражу самым первым... еще Дейнджерфилдом!.. А так ничего не известно, Рупер Картер действует без шума, такой был приказ королевы... как говорят.

Я пробормотал:

— Мяффнер... Значит, Дейнджерфилд считал его настолько верным королеве, что решил изолировать сразу? Если, конечно, Мяффнер не сам у себя поставил охрану...

Он дернулся.

— Зачем?

— Ну знаешь, — ответил я, — если такие простые трюки объяснять, это это все равно, что прямо в глаза тебя назвать дураком, а как я могу назвать дураком человека, который считает меня героем?

Фицрой ухмыльнулся.

— Хорошо говоришь. Не сразу и раскусишь. Ладно, хватит тут нюхать эту вонь, пойдем на свежий воздух. Пойдем-пойдем!

Карнар понял правильно, остался, а Фицрой вывел меня наверх, а когда вышли под яркое солнце, сказал тихо и значительно:

— Юджин, можешь не рассказывать, если это тайна... но ты зашел в ту комнату с двухнедельной щетиной на морде, а вышел гладко выбритым. Ты что, брился при королеве?

Я лапнул себя за щеку.

— Ой, и правда!.. И как только ее величество не рассердилась за такую вольность?

— Придумай что-нить, — посоветовал он, — если кто вдруг спросит. Хотя тут никто ничего не видит, бери их голыми руками.

Я ответил с негодованием:

— А ничего придумывать и не надо! Скажу чистую правду. Это побочный эффект работы в лаборатории мага. Сперва исчезает щетина с морды, потом начинаются нарушения в вязке...

Он испуганно отстранился.

— Ты бьешь в самое больное место!

— Я такой, — согласился я. — Нам нужна одна победа, а за ценой не постоим!.. Если враг сдается недостаточно быстро, его уничтожают. Ладно, Фицрой, я выходил проверять тут одно колдовство...

— Какое?

— Если у тебя к утру хвост не вырастет, — сказал я шепотом, — то из меня пока что хреновый маг. Но ты же хочешь, чтобы у меня все получилось? Так что постарайся...

Рундельштотт все еще сидел с книгой, когда я вошел в комнату, но сразу отложил, посмотрел с живейшим интересом.

— Ну как?

Я пробормотал:

— Да не очень-то, надо больше времени и подопытных, но все-таки за полсотни шагов ощутил от одного с вот такой мордой... Не знаю, чем я ему насолил, но от него просто дерьмом пахло...

Он сказал с удовольствием:

— Вот видишь? Что значит твои способности!

Я пожал плечами.

— Это ваша гадость, которую вы называете сладкой... Он оглянулся на стол.

— А что, горькая? Вообще-то еще не пробовал, это я готовлю мазь для побитых язвой ног у коров. Тебе не надобье требовалось, а что-то такое, чтобы подтолкнуло. А в горькое средство мы все почему-то верим больше...

Я стиснул челюсти, сел за стол, чувствуя, как в животе начинают ходить тяжелые волны.

— Мастер, вы вообще-то свинья... Хотя пакостную людскую натуру знаете, признаю. А теперь что, когда я как бы пробудил в себе древнее зло?.. Ладно-ладно, это так говорят. Нет во мне зла, я почти овечка. Каждый стрижет, а скоро и шашлыки будут делать.

— Сейчас ты веришь в свои силы, — ответил он, — теперь можешь попробовать что-то да создавать. Крохотное. И на недолго. Только не наглей. Уверенность и наглость почти одно и то же, но не совсем...

Я слушал его, запоминал, а потом, ободренный, что во мне что-то есть, попрощался и отправился к себе.

В этот раз удалось проскочить через двор, не вызывая особенного внимания, на лестнице пусто, но на ступеньках перед дверью в мою комнату сидят те же двое орлов. Начали подниматься, я жестом опустил их на место.

— Сидите, сидите!.. Вот стану вашим командующим, тогда напрыгаетесь.

Они ухмыльнулись, а я открыл дверь и шагнул через порог, сердце стучит часто и сильно, требуя начинать делать что-то наступательное, а не только продолжать отступление с мелкими контратаками.

Почему цветочек рассыпается через пару минут, понимаю, тот великосветский хмырь не представляет строение стебля, хлорофилла, херобластов, ядер и хламидомонад, потому создал только видимость растения,

что неотличимо от настоящего, но на самом деле у него в ладони была только оболочка, а не цветок...

Я не хмырь, цветочки и всякое сю-сю таким орлам без надобности, я выложил на стол единственную пулю и уставился в нее бараньим взглядом, требуя превратиться в дюжину или хотя бы в парочку.

Пуля намного проще, в ней нет того внутреннего строения с ДНК, хлорофиллом и бурной внутриклеточной деятельностью, она не живая... кстати, булыжник воспроизвести будет еще проще, надо будет иметь в виду, только с моей нынешней исполинской мощью получится очень уж мелкий булыжник, его и булыжником не назовешь, разве что песчинкой...

Место на столешнице, куда я требовательно вперял взор, оставалось пустым. И снова пустым. И как ни пересаживался, стараясь не вспоминать Крылова, все равно музыканта из меня ну совсем не получалось, что ни в какие ворота.

Рундельштотт не то чтобы потерял ко мне интерес, просто задал верный курс, по которому топать еще долго-долго, а когда что-то сумею, хоть самую крохотку, укажет, куда и как дальше.

Несколько часов я пытался так и эдак, наконец перестал различать пулю в темноте, но свеча зажглась сама, хотя могла бы и пораньше, неточная калибровка.

Закат здесь еще невероятнее, я не эстет, слава богу, но несколько минут стоял с раскрытым ртом у окна и наблюдал, тихо млея от восторга. Из каменоломни не налюбуешься, да и вообще лучше всего такое наблюдать с вершины высокой башни...

Уже под утро я рухнул на постель, забылся коротким и насыщенным сном, в котором мне удалось с пулей просто с блеском, только из-за моих усилий она превраща-

лась в артиллерийский снаряд и никак не хотела влезать в обойму пистолета.

Еще не разлепив веки, я уже снова представлял, как материализую пулю, вдруг да с утра и с новыми силами получится лучше...

За дверью слышались голоса, женский голосок, тут же распахнули, и через высокий порог переступила Карелла. На этот раз у нее в руках горка на широком подносе накрыта чистым полотенцем.

— Доброе утро, — прошептала она. — Надеюсь, оно доброе?

Я вскочил из-за стола.

— Госпожа Карелла, как я рад, как я рад, пожалуйста, раздевайтесь... Ох, что я говорю, я имел в виду садитесь! Всегда наш язык выбалтывает то, что думаем, а не то, что сказать надо...

Она хитро улыбнулась, дескать, знаем-знаем ваши пробные шары, вдруг да в самом деле готова раздеться, такие вроде бы нечаянные оговорки в ходу у придворных, когда прощупывают друг друга, а я, глядя на нее, подумал с внезапным прозрением, что в самом деле она куда изощреннее меня в таких дуэлях, у них это стиль жизни, а я импровизирую на ходу...

— Вот сюда, — добавил я и смахнул со стула несуществующие пылинки, — садитесь...

Она довольно засмеялась.

— Ее величество велели мне принести вам, глерд Улучшатель, только завтрак! И ничего больше.

Я ответил с подчеркнутым огорчением:

— Какая жестокость, какая жестокость! Это просто бесчеловечность... Но если ее величество именно так и приказали, то кто мы, чтобы прекословить?... Ставьте вот сюда... Спасибо. Позвольте я доведу вас до двери... На-

деюсь, ее величество хотя бы против сего скромнейшего знака внимания не возражает...

Притворяясь испуганным, я выдворил ее раньше, чем она успела сказать, что королева сказала вообще-то не совсем так, это можно понимать по-разному, не обязательно в самом строгом смысле...

Гвардейцы за дверью ухмыльнулись, когда я выпроводил фрейлину за дверь и торопливо закрыл за нею, что-то да знают, придворная гвардия всегда в курсе, да только умеют хранить тайны. Одно могу сказать наверняка, оба парня ко мне расположены, точно расположены. Вряд ли за меня умрут, но защищать будут.

Глава 6

С пулей занимался, натуживаясь и надувая жилы на висках, до обеда, потом гвардейцы впустили молоденькую служанку с подносом. Я так и не понял, то ли Карелла обиделась, то ли играет обиженную, то ли проверяет, клюну на молоденькое свежее мясо или в самом деле так уж занят...

Служанку выпроводил тоже сразу же, как только переставил с подноса на стол еду и кувшин с вином, и даже пока жевал мясо, вперял злобно-настойчивый взгляд в пулю и приказывал ей превратиться хотя бы в две...

И второй день бился, как стая рыб об лед, вечером побежал к Рундельштотту. Тот оторвался от чтения книг, долго с изумлением всматривался в меня.

— А что, — спросил он с интересом, — должно было?

— Но вы же сказали...

— Не так быстро, — пояснил он, — через годик точно получится. Или через два. От силы три-четыре!

— Спасибо, — сказал я едко, — у меня темп времени выше. И скорость перемен должна быть на уровне...

Вернулся, до ночи бился, ночью тоже вставал, пробовал, вдруг да в темноте или как-то вот так сбоку получится лучше, потом утром, днем, вечером...

На четвертый день, когда уже совсем не верил, что смогу, но пробовал и пробовал, вторая пуля возникла рядом с первой!.. Возникла и тут же исчезла, растворилась в воздухе раньше, чем я успел сказать «мама».

Снова и снова с сильно бьющимся сердцем пробовал, наконец начала появляться регулярно, но тут же исчезала. Только успевал увидеть, как...

После часа постоянных попыток, когда создал ее раз двадцать на столе, сумел сотворить и на ладони, успел ощутить ее вес, но исчезла так же мгновенно.

Уже пришел в отчаяние и хотел отказаться от самой идеи, пока не пришла в череп просто гениальная мысль, я же вообще-то гений и в самом деле живая легенда: а что, если создавать патроны прямо в стволе пистолета?

Прицелился в стену, долго пыжился, дулся, наконец вроде бы получилось создать ее там, тут же нажал спусковую скобу, но... никакого выстрела.

— Быстрее действуй, — прошипел я, — черепаха ленивая...

Еще раз, сил уже нет, пот градом, а руки трясутся, но снова не успел, боек шелкнул вхолостую.

Отдохнул, поел, кто бы подумал, что занятие магией изнуряет больше, чем если бы целый день колол дрова, снова взялся за опыты.

Горькое осознание ошибки пришло намного раньше, чем в бессилии опустил пистолет, и все потому, что уже понял, за какую сложную задачу взялся, надеясь решить ее с ходу лихим наскоком.

Выстрела не получается прежде всего потому, что я такой же хмырь, как и тот с цветочком. Современный патрон хоть и без допотопной гильзы, но все же не бульжник!

В дверь стукнули, ввалился веселый Фицрой в длинном до пола плаще и шляпе набекрень, мощно пахнуло вином. Улыбаясь, вытащил из-под полы пузатый кувшин.

— Ты знаешь, что это за вино?.. Ты не представляешь!

С грохотом поставил на столешницу, разыскал в углу среди ящиков две медные чаши, тщательно вытер изнутри, что мне понравилось, налил вина в обе до краев.

— За победу!

— Какую? — спросил я опасливо.

Он расположился в легком кресле напротив, веселый и довольный, но не как монарх на троне, а как нувориш в только что купленной вилле.

— Ее величество, — провозгласил он чуть иронически, — с блеском додавливает противников по всему королевству! Десятка два в королевской тюрьме, с полсотни знатных глердов уже отправлены в каменоломни...

— Быстро, — сказал я.

Он изумился:

— Это быстро?

— Ну да, — согласился я, — что это на меня нашло. — Здесь же ее величество — прокурор, адвокат и судья в одном лице. А также жюри присяжных!

Он пробормотал:

— Что-то непонятное в твоих речах. Главное, королева избавилась как от тех, кто причастен, так и от тех, от кого нужно было... так, на всякий случай. Весьма мудро.

— Не знаю, — пробормотал я, — как насчет мудрости, но ей пальца в рот не клади.

Он допил вино, отказался от моего жеста долить, поднялся.

— Ты занят чем-то важным, вижу. Не буду мешать. А я посмотрю там внизу... Когда такое в королевстве, как не пощипать в бурю чужих гусей? Нет-нет, не провожай, какие церемонии между друзьями?

Он ушел, оставил наполненный до половины вином кувшин и чашу.

Я снова выдвинул ящик стола, достал единственную пулю и долго колебался, понимая, что если раскурочу ее, то уже все, собрать не смогу.

С другой стороны, одна-единственная пуля не решит все мои проблемы. Одна пуля — это много, согласен, но недостаточно.

Инструментов Рундельштотта хватило, чтобы разобрать на составные части. К счастью, последнее время армии перешли на безгильзовые пули, задача моя упростилась, но не настолько, чтобы я вот так и ого-го, сразу и.

Безгильзовые патроны приняты на вооружение сравнительно недавно, хотя изобретены еще сто лет назад, эта безгильзовость позволила увеличить калибр пули, так как половина веса раньше уходила на гильзу. А еще это утроило скорострельность за счет того, что не нужно возиться с удалением патрона.

Для меня же самое главное в том, чтобы меньше ломать мозги, как удержать в памяти все компоненты, да еще составленные вместе.

На столе аккуратно разложены части патрона, я впился в них взглядом, объясняя себе громко, но молча, что это такое, как используется и для чего служит.

Несколько раз повторил, с предельной ясностью вызывая в воображении, как все это смотрится в комплексе, только что лежало в собранном виде, на всякий случай

вызвал в памяти картинки, как несколько раз стрелял в тире с ребятами, мои ощущения, потом кадры из разных фильмов, когда всюю палят быстро и точно всякие небритые герои...

Раскуроченный патрон остался на столе, а я передохнул и снова взял в руку пистолет. Пот начал скапливаться на лбу еще до того, как сосредоточился и начал создавать в стволе патрон, но когда нажал спусковую скобу, снова лишь сухой щелчок, будто осечка.

В стволе пусто, я собрался с духом, приготовился к выстрелу... Как только ощутил, что патрон с пулей в нем создается, судорожно нажал так, что будь сам покрепче, сломал бы скобу.

Выстрел грянул неожиданно громко и так резко, что я выронил пистолет, поспешно подхватил с пола и спрятал в ящик стола.

Дверь распахнулась, вбежал дежурящий в коридоре гвардеец.

— Высокий глерд?

Я небрежно помахал рукой.

— Все в порядке. Это я так... с громом и молнией общаюсь. Мы, маги, в постоянном поиске... Смени руку и спи дальше.

Он буркнул обидчиво:

— Я не спал...

— Конечно-конечно, — согласился я. — Зато потом заснешь как убитый.

Пули бывают бронебойные, зажигательные, разрывные, экспансивные, с повышенной пробиваемостью и еще всякие-всякие, но для меня пока это все ненужная роскошь, сейчас важнее добиться скорострельности, это не дело с трудом вымучивать всякий раз патрон в стволе, да еще и предельно сосредотачиваться при этом, пото-

му что, если кто в этот момент скажет «гав» или корова кукарекнет за окном, у меня точно ничего не получится.

Все свободное время упражнялся у себя в комнате, создавал патроны, но не нажимал спуск, а когда исчезали, создавал снова и снова.

Узнал, что есть заброшенная башня, где герцогиня Клеванская убила своего мужа, а потом бросилась с крыши, сейчас она совершенно заброшена.

Я сходил, осмотрел, одна из комнат очень даже понравилась: стены толстые, окно одно-единственное, что не окно, а узкая бойница. Я заткнул ее подушками, на всякий случай приставил еще и стоямя матрас, а потом устроил себе тир, отрабатывая как скорострельность, так и точность попадания.

С каждым часом, да что там с каждым часом — с каждой минутой! — пули создавать все легче. Как догадываюсь, способность их творить развивается так же, как и обычная выносливость, а то и быстрее.

К концу пятого дня я всаживал в стену сотни пуль, от которых не оставалось следа. Нарисованный силуэт человека сперва был окружен мелкими выщербинками, а на седьмой день почти все всаживал в голову, там уже образовалась ямка, скоро продырявлю стену насквозь.

Мечтал вообще насобачиться так, чтобы только восхотел выстрелить, как пистолет сам прыгал в руку, но, увы, телепортацией владею в таком объеме, что пока не могу сдвинуть и атом. Разве что нейтрон чуть шевельну, да и то не уверен.

Все-таки звуки выстрелов, как ни закрывал я окно и двери, как-то доносятся наружу. Пошел слух, что ко мне по мою душу являются демоны, а я пока что отбиваюсь от них с помощью грома и молнии.

Не знаю еще, на пользу или во вред такая грозная слава, даже вспомнил, как рассказывал королеве, в чем суть главной книги Макиавелли, подумал и решил, что нужно задействовать обе модели. Подумаешь, Макиавелли! У нас это давно и демократично называлось политикой кнута и пряника.

Даже через дверь я услышал, как забеспокоились гвардейцы, подхватились, звякая металлом, дружно прокричали приветствие.

Вскоре распахнулась дверь, вошел, к моему изумлению, Мяффнер. По его жесту за ним закрыли, он с приятной улыбкой сделал пару шагов и сказал доверительно:

— Глерд Юджин, у меня для вас хорошие новости.

Я подхватился навстречу, все-таки человек старый и толстый, сказал почтительно:

— Польщен... а какие? Мне отрубят голову под красивую музыку?

Он всплеснул руками, они у него такие коротенькие, толстенькие и розовые, что я снова засмотрелся.

— Как можно, Улучшателя и на плаху? Нет, королева заканчивает разбираться с неотложными делами и вот-вот примет вас. Я пришлю за вами. Да что там пришлю, сам приду!.. Вы так много сделали!

— Да ладно, — ответил я. — Не так уж и много... А если честно, вы пришли только с этой новостью?

Он посмотрел на меня с интересом.

— Что, ощутили что?.. Вас уже сейчас можно в придворные. Они все умеют держать нос по ветру.

— А все-таки? — спросил я.

Он поморщился, это у него всегда так, когда должен сказать что-то неприятное, очень уж не любит это дело, проговорил с виноватым выражением лица:

— Дорогой Юджин, уж простите старика, но я просто уверен, что вашу боевую магию можно использовать как-то... тише, что ли?

Я пробормотал:

— Да не представляю...

Он сказал живо:

— На поле боя чем грохоту больше, чем лучше, но в городских условиях, в быту... неужели не предусмотрено? Народ волнуется, слухи идут один другого страшнее...

— Как-то не думал, — ответил я честно.

— Но вы подумайте!

— Да, высокий глерд!.. Обещаю.

Он еще не скрылся за дверью, как я хлопнул себя по лбу, ну что за идиот, ведь знал же, просто забыл, сосредоточился на самой возможности стрелять, не до побочного...

Дождавшись, когда за дверью затихнут голоса, поспешно выудил пистолет, взялся за ствол и дважды повернул, прислушиваясь к негромким щелчкам. Прицельная дальность чуточку нарушится, зато исчезнет грохот, иногда глушитель важнее меткости.

С ним пошло спокойнее, через дверь вообще ничего не слышно, я старательно создавал пулю, нажимал на спуск, всего пару раз не успел, сейчас главное научиться создавать пулю как можно быстрее, и чтоб ничего не отвлекало.

С полчаса стрелял в стену, отрабатывая скорость. Сперва просто представлял пулю как можно отчетливее, а в конце тренировки просто говорил шепотом «Пуля!» и сразу же нажимал на спусковую скобу.

Еще раз зашел Фицрой, снова принес безумно прекрасное вино, где только и берет такое, рассказал, что Форнсайн, стараясь выслужиться, с жаром проводит аресты заговорщиков, их сразу бросают в мрачную королев-

скую тюрьму, суд не успевает разбирать их дела, а то и нарочито затягивает, так как большинство приходится отпускать, вина многих только в недоносительстве.

Наконец явился глерд Терминс, в тех же начищенных до блеска доспехах, франтовато одетый, но непривычно сдержанный.

Я молча ждал, он с порога холодно и сухо поклонился.

— Глерд Юджин, — сказал он, глядя мимо меня, — вас приглашают к ее величеству.

— Чего? — спросил я. — В смысле, как бы зачем?

Он ответил так же коротко:

— Велел советник ее величества Мяффнер.

— Я вроде бы не подчиняюсь Мяффнеру, — ответил я. — И вообще никому... только немножко королеве. Но мне скучновато, так что да, я изволю. Отбыть. Отседова.

Он поспешно отступил в сторону, я прошел как мимо дерева, гвардейцы смотрят с интересом, чувят, когда что-то идет криво или по туго натянутому канату, а я неспешно сбежал вниз и вышел во дворец.

Терминс догнал меня, но пошел впереди, показывая жестами стражникам по дороге, что идем по королевскому делу.

Глава 7

Так добрались до порога зала королевских приемов, навстречу вышел глерд Иршир, небрежным жестом отослал Терминса, как мальчика на побегушках, а мне сказал негромко:

— Идите рядом со мной. Держитесь достойно, головой не вертите, руками не размахивайте...

В огромной зале горят все люстры, свечи в стенах, все залито праздничным огнем, роскошь зала убивает, как и роскошь придворных, я бы ахал, если бы с детства не был равнодушен к красотам версалей и тутанхамоней.

Королева уже на троне, вельможи расправляют ей складки роскошнейшего платья, прикрывая носки туфель, глерд Иршир принес корону и бережно опустил на пышную прическу королевы.

Она поймала меня взглядом, а когда я приблизился и поклонился чуть-чуть, совсем не как преданный подданный, поморщилась и сказала едва слышно:

— Мой лорд-канцлер подобрал для тебя пару свободных глердств. Жди здесь, я за ним уже послала. А пока поприсутствуй на приеме... Встань слева от трона. Держись, как положено.

Я не знал, как положено, но догадаться не трудно: сделать постную морду, выпрямиться и ни на что не реагировать, чтобы все внимание было королеве.

Зал начал заполняться придворными. Как я понял, ждали в соседних залах, а теперь, когда начали впускать сразу с двух сторон, блестяще-парадное стадо хлынуло в сторону трона, там остановилось у края ковра, деликатно напоминающего о границе. Между толпой и троном должно быть достаточное пространство для тех, кто будет выходить вперед, красиво раскланиваясь.

Справа от королевы встал Теренц Брандштеттер, высокий и крупный, с резкими чертами удлинённого лица, как бы подчеркнуто грубо и мощно вырезанного из камня.

Еще по прошлому визиту в королевство я знал, что он из древнейшего рода, который дал королевству великих полководцев, стратегов, дипломатов, канцлеров, потому не удивительно, что сейчас рядом с королевой, хотя есть ли у него какая-то должность, так и не слышал.

На меня он даже не посмотрел, на пустое место не смотрят, красиво и осанисто взирал на заполненный зал, никого в отдельности не видя, а королева чарующе улыбнулась неимоверно толстому, добродушного вида толстяку, которого вытолкали в первые ряды.

— Благородный глерд Странмин, — проговорила она теплым голосом, — я наслышана о вашей помощи, которую вы оказали своим соседям! Это наводнение у них было просто ужасное!

Он поклонился, ухватил поданную ему руку и приложился толстыми губами.

— Ваше величество, — ответил он с некоторым укором, — это долг — помочь попавшему в беду. Тем более, соседу! Вы благодарите, а я начинаю думать, что я вообще-то злодей, а сейчас вот совершил добрый поступок, за который нужно поощрить...

Она улыбнулась, но ее улыбка тотчас погасла. Я проследил за ее взглядом, через зал идет в нашу сторону высокий, крупный мужчина в абсолютно черных доспехах, я узнал знаменитую черную бронзу, что крепче железа.

От него пахло недоброй мощью, придворные сразу начали убираться с его пути, образовав широкую просеку через весь зал к трону.

Я рассмотрел блестящую кирасу с незатейливым гербом, изображающим быка, поддевшего на рога льва, такой же блестящий, как кираса, и богато украшенный шлем держит на сгибе левого локтя, взгляд суров и прям, а лицо словно вырезано из камня.

Сразу бросил в мою сторону злой взгляд, потом метнул на королеву и снова посмотрел на меня. Лицо напряглось, словно увидел не совсем то, что намеревался.

Отвесил короткий поклон, голос его прозвучал подобно приглушенному грому:

— Ваше величество...

Королева выпрямилась, откинувшись на спинку трона, на герцога смотрит прямо и бестрепетно, все время помнит, умница, что хоть он и сильный самец, доминант и царь природы, но королева все-таки она.

— Герцог, — произнесла она несколько напряженным голосом, — вам что-то помешало переодеться с дороги?

Он снова коротко поклонился, тут же выпрямился и посмотрел хмуро и дерзко на женщину на троне.

— Вы дивно прозорливы, ваше величество, — ответил он прежним грохочущим голосом, от которого затрепетали язычки пламени свечей. — Я торопился доложить, ваше величество, что по надежным слухам банды Ромельса готовятся перейти в наступление и захватить ряд сел, прилегающих к их лесу...

— Сел или деревень? — переспросила она.

Он запнулся, ответил замедленно:

— Есть и села, хотя деревень больше. Но мы не должны отдавать и деревни... Возможно, до него дошли слухи о мятеже в столице, потому спешно перешел в наступление.

Она прервала властным голосом:

— Герцог, благодарю за безупречную службу королевству. Я подумаю над ответными мерами. А вы пока идите к себе, переоденьтесь и отдохните. Не пугайте наших нежных женщин блеском металла и запахом конского пота.

Он помедлил, глядя на нее пристально, она выдавила примирительную улыбку, и он пророкотал неспешно:

— Да, ваше величество. Дорога была долгой и трудной. Ваше величество?

— Герцог, — ответила она.

Я поглядывал, как он удаляется, громадный и с прямой спиной кадрового военного, и снова с его пути спешат убраться только что вошедшие в зал придворные.

— Умеет, — пробормотал я.

Она чуть повела в мою сторону глазом и поинтересовалась шепотом:

— Что?

— Давить, — ответил я совсем тихо, — продавливать. Дожимать. Но не тут-то было, ваше величество.

Она сказала тихо:

— Он уже многих подмял. Стой здесь, пока не закончится.

— Знамя Дейнджерфилда, — пробормотал я, — не успело упасть, верно? Его подхватили такие же цепкие руки?

Она не ответила, а Теренц, который еще и Брандштеттер, даже повернул голову и посмотрел на меня строго и угнетающе.

Я послушно умолк, к королеве начали подходить один за другим знатные глерды, некоторые прибыли из дальних окраин и только сегодня услышали о неудачном перевороте, эти с жаром поздравляли королеву, кое-кто просил за арестованных, на что королева заученными фразами напоминала о королевском суде, решает он, решает по справедливости, вмешиваться нельзя...

Так длилось пару часов, у меня уже затекли ноги, сюда бы диван, начал переминаясь, а королева, словно ощутив мои терзания, подала знак застывшему в сторонке церемониймейстеру, очень высокому и статному, его длинная черная мантия сурово и величественно блещет золотом и драгоценными камнями, почти не уступая по блеску королевскому платью, что и понятно, представляет королеву.

Он выступил вперед, ударил о пол окованным в металл посохом и провозгласил мощным голосом, заполнившим зал до самых дальних уголков:

— Ее величество изволит сделать перерыв. Прием возобновится через три часа!

Королева поднялась, все в зале зашевелились: мужчины склонили головы, женщины присели, все в таком виде застыли и не двигались, пока Орландия двигалась к узкой двери, которую так легко защищать, ведущей во внутренние покои.

Кто-то тронул меня сзади за рукав и сказал тихо:

— Следуйте за ее величеством.

За королевой двинулся следом только Брандштеттер, закрывая ее со спины могучей фигурой, я выждал и пошел следом.

Извилистый коридор, где гвардейцы на каждом шагу, вывел к двери королевского кабинета. Я прошел между стражей, большая и просторная комната показалась тесной: в креслах сидят знатнейшие вельможи королевства с Мяффнером и Джуэлом во главе, так вот почему их не было на приеме, что-то здесь перетирают между собой, чтобы поставить королеву перед фактом.

Я переступил порог вслед за королевой. Сидящие в креслах начали подниматься, кое-кто с трудом, склонились в поклонах и стояли так, пока королева величаво не прошествует к столу и не сядет с той стороны в кресло, почти такое же блистающее, как и сам трон, что в зале приемов.

Меня подмывало сказать что-то веселое, типа «Без церемоний, ребята! Мы все свои», но неизвестно, куда посадят меня, может быть, на коврик у двери, как собачку, так что смолчал, а королева обвела всех придир-

чивым взглядом, у всех ли поклонны установленного образца.

— Начинаем, — проговорила она медленно и властно, — заседание Тайного Совета. Представляю вам нового члена, Улучшателя Юджина. К сожалению, он не сможет участвовать в нашей работе, так как избрал жизнь вдали от столицы в уединенном имении... но этот пост останется за ним.

Я поклонился, высмотрел свободное место и сел, на меня почти не смотрят, что и понятно: в уединенные имения высылают только в ссылку, но, с другой стороны, таких не вводят в Тайный Совет... что-то непонятное с этим Улучшателем.

Королева обвела всех холодным взглядом.

— У кого-нибудь есть какие-то предложения? Нет?.. Тогда сообщу о некоторых перестановках в кабинете. Начальником городской стражи вместо примкнувшего к заговорщикам глерда Янкорда назначаю глерда Иршира, он выказал верность и с первых же минут оказал противнику яростное сопротивление...

Из кресла поднялся глерд Иршир, высокий и подчеркнуто крепкий в приталенном камзоле, от плеча до плеча три цепи, а на груди две крупные многолучевые звезды.

Поклонившись королеве, он сказал сильным голосом здорового и крепкого мужчины:

— Ваше величество... благодарю. И оправдаю доверие.

Когда снова опускался в кресло, я перехватил острый взгляд его холодных серых глаз. Я ощутил недобрый холодок по коже, глерд Иршир не кажется мне так уж расположенным к новому члену Тайного Совета.

— Заведующим Дипломатическим Столом, — отчеканила королева, — отныне будет глерд Джуэл. Как вы

знаете, это умнейший политик, что видит на пять шагов вперед... Он настолько верен трону и блюдет интересы королевства, что склонен забывать о королеве, но это допустимый недостаток, искупаемый той пользой, что приносил и продолжает приносить королевству...

Глерд Джуэл поднялся и слушал молча, лицо сдержанно-благожелательное, я и раньше видел у него только это выражение, словно других вообще в запасе нет.

Дослушав до конца, он поклонился и произнес прочувствованно:

— Ваше величество... у меня просто нет слов благодарности.

Она перевела взгляд холодных расчетливых глаз на сидящего рядом с ним, тот сразу подобрался и смотрел на нее с почтительным испугом.

— Глерд Кливард, — произнесла она жестко, — я оценила вашу стойкость и вашу дальновидность. Только вы постоянно предупреждали, вызывая мое неудовольствие, о попытках Дейнджерфилда усилить свое влияние не только в армии, но и при дворе.

Глерд Кливард, уже на ногах, сдержанно поклонился.

— Ваше величество...

— Стол Хозяйствования ваш, — объявила она, — надеюсь, ваш опыт и проницательность будут там востребованы в полном объеме.

Он произнес ровным голосом:

— Благодарю, ваше величество. Я принимаю этот Стол и приложу все усилия, чтобы вы получили всю необходимую информацию, даже если она снова вызовет ваше неудовольствие.

Она посмотрела холодными рыбьими глазами, как он опускается в кресло, повернула голову и прошла взглядом по притихшим придворным.

— Глерд Эллиан?..

Я смотрел и слушал, королева делает кадровые перестановки так, словно давно все решила, хотя предательство Дейнджерфилда оказалось все же неожиданностью и для нее, не предполагала, что назревающий заговор возглавит именно он.

Должности получили также глерд Баффи и даже Финнеган, наконец она сказала усталым голосом:

— Можете приступать к работе. А вы, глерд Мяффнер и дорогой Теренц... останьтесь... Улучшатель, а вы куда?

Я пробормотал:

— Спешу втихую убраться. Рядом с королевой, что в грозу у одинокого дерева...

— Вы разве что-то получили? — спросила она резко.

— Пока свою шкуру, — ответил я со смиренным ехидством.

— Короли не руководствуются чувствами, — произнесла она холодно, — потому не благодарю, что ты помог мне подавить дерзкий заговор в самом начале... мне и должны все помогать, я — королева!..

Я пробормотал:

— Еще бы. Вы удавитесь сказать «спасибо».

Она продолжала с тем же напором танковой колонны, которую ничто не остановит:

— Королями правят интересы страны и целесообразность, потому я готова тебя пожаловать своей милостью, если ты принесешь мне присягу верности...

Я прервал:

— Ваше величество, а сами вы верите в такую присягу?

Брандштеттер от такой неслыханной дерзости зашипел в ярости, выхватил меч из ножен, однако королева остановила его повелительным жестом.

— Дело не в том, — ответила она медленно и значительно, — во что верю я. Мир стоит на том, что обычаи должны блюстись.

— Хорошо, — ответил я, — клятву принесу. Но вы верите, что клятва, вырванная под угрозой казни, будет незыблема? Мне кажется, даже ваши законники сочтут клятву, полученную при таких обстоятельствах, не совсем обязывающей...

Она не спускала с меня завораживающего взгляда, Мяффнер помалкивает и только смотрит укоряюще, а Брандштеттер свирепо сопит, раздувает ноздри и то вытаскивает меч до половины клинка, то снова бросает в ножны.

— Отказ от клятвы верности, — произнесла она холодно, — влечет за собой немедленную смерть. Ты все понял верно.

Я ответил со вздохом:

— Хорошо-хорошо. Я даю клятву верности. Нужно поцеловать королевскую туфлю или это только у папы римского? Ах да, тут пап нет...

— Такой чести ты недостоин, — отрезала она. — Просто скажи вслух при этих глердах. Этого достаточно.

— Хорошо, — повторил я, — ва ассалю алейкум, ва рахматтула, ва баракатуху. Чё, опять не так? Ну вы даете... Ну тогда своими словами, присягаю вам, ваше королевское величество, в моей, как видите, покорности и, если хотите, верности... Хотя, если честно, что-то не понял... разве берете такую присягу со всех слуг, крестьян, дроворубов, углежогов...

Брандштеттер злобно засопел. Королева смерила меня холодным взглядом.

— Еще не понял? Ты давно уже не слуга.

Глава 8

Я проговорил осторожненько, не хватало еще ошибиться:

— Ваше величество?

Она произнесла так же жестко, словно мысленно отправляет меня под топор палача:

— Тебе будет пожаловано глердство с замком, прилегающими селами и деревнями. Глерд Мяффнер?

Мяффнер сказал со вздохом:

— Приготовил, ваше величество, приготовил!.. Но, может быть, ему что-нибудь поменьше?.. Это же самые крупные...

Она покачала головой.

— Это не прихоть королевы, дорогой глерд. Улучшатель остановил Дейнджерфилда, а это сразу обезглавило заговор. По услуге и плата. На этом держится власть королей! Не на силе, а справедливости.

Он поклонился.

— Да, ваше величество, вы правы, как и всегда. Позвольте показать этому... ну, этому?

Она кивнула, Мяффнер тут же расстелил по всей столешнице огромный рулон бумаги. Я присмотрелся, с трудом понял, что это карта королевства Нижних Долин, слишком уж все разрисовано, еще не нашли границу между строгой картографией и художественным искусством.

— Смотрите внимательно, — сказал он, — это наше королевство с высоты птичьего полета.

— Мне знакомы карты, — сообщил я скромно.

Он посмотрел с некоторым удивлением, покосился на королеву, но та, ничуть не изумившись, лишь наклонила голову, веля продолжать.

Он повел по карте толстым пальцем, похожим на аппетитную сосиску.

— Вот здесь глердство Ниданство, здесь Святого Ан-нария, это вот Мадис...

Я присмотрелся, несколько глердств обведены красными линиями, как я полагаю, это те, чьи хозяева оказались замешанными в заговоре, а некоторые еще и отмечены крестиками

— А вот это? — спросил я.

— Которое? — спросил Мяффнер.

Я ткнул пальцем.

— Это вот.

— Здесь владения Кубинга, — сообщил он, — лояльного ее величеству графа из династии Ягелларей. Я же вам показываю те, которые сейчас изымаются за участие в мятеже. Выбирайте! Все равно их передадут в руки верных королеве.

Я посмотрел на глердства с крестиками, таких пять, у самой границы расположилось едва ли не самое крупное, Мяффнер даже обошел стол с другой стороны, рассматривает хозяйским взором, как свой огород, но и с некоторой опаской.

— А это? — спросил я.

Он проследил за моим пальцем, вздохнул, лицо чуть омрачилось.

— Глердство Остеранское, — сообщил он. — Герцог Келлер, владелец, первым примкнул к мятежу. К сожалению, его земли вклиниваются в королевство Уламрию, а те издавна рассматривают их как принадлежащие им.

— Почему не захватят?

Он усмехнулся.

— Захватили бы, будь у самих спокойно. Но когда там мятежи чуть ли не каждый день, то пока не до завоеваний. Однако глердство Остеранское в постоянной опас-

ности. Келлер как-то договаривался, хитрил, допускал из королевства Уламрии рубить в своих владениях лес, разрешал ловить рыбу...

Я пробормотал:

— Понятно... Нет, такое мне совсем не нужно, вы правы. У меня нет никакого желания встречать в местные разборки. А какое здесь наиболее мирное?

— Нямки, — ответил он моментально. — Почти в центре страны, прекрасные земли, уютный замок на берегу чистейшего озера, богатые села. Я так и сказал королеве, что вам нужно предложить эти земли, с глердством Остеранским вы точно не справитесь.

— Верно, — согласился я.

— Значит, — спросил он, — я подаю королеве на подпись указ о пожаловании вам глердства Нямки?

— Да, — ответил я, потом спохватился: — Погодите! Сперва посмотрю сам. Не люблю покупать kota в мешке.

— Вам не продают, — напомнил он, — а жалуют.

— Дареному коню в зубы не смотрят, — согласился я, — и сзади тоже не становятся, но когда есть выбор... почему не покапризничать?

Он сказал с неохотой:

— Как знаете. Сами потом скажете, что я был прав. И что вам предложили лучшее.

— Зато буду знать точно, — сказал я, — что меня не надули. Как у вас тут насчет казнокрадства?

Он надулся, ответил с неприязнью:

— Мне ваши намеки непонятны, глерд... хотя вы и не глерд по манерам. Кстати, это бы нужно подтянуть. Прислать вам наставника?

— Лучше наставницу, — уточнил я. — С вот такими.

Он посмотрел оценивающе, по лицу вижу, что размер одобрил, все мы в этой области одинаковые, даже инопланетяне, какими бы чудовищами ни были, хватают

наших женщин именно с вот такими, однако Мяффнер сразу же вспомнил, что он благородный глерд и советник королевы, отрезал сухо:

— С такими вам пришлют стелить постель. А манерам с такими не научишь.

— Золотые слова, — согласился я. — Чувствуется, что вы советником королевы стали не за красоту лица. И вроде бы не совсем за фигуру. Да и одежда у вас... Мне самому ехать или дадут проводника?

— Это как изволите, — ответил он. — Не забудьте захватить с собой королевский указ. Без него вы никто.

Я заинтересовался:

— А если перед моим светлым ликом закроют ворота, стараясь грубо прищемить нос?

— Там по дороге военный лагерь, — сообщил он, — где готовят копейщиков. Их командир с радостью пошлет на ваш зов воинов. Заодно поучатся брать штурмом крепости.

— А также грабить и насиловать, — дополнил я, — а то вдруг еще не умеют?.. Слава ее величеству, у нее все предусмотрено. Или это вы такой дальновидящий?

Он сказал строго:

— Детали работы Совета Глердов вас не касаются. Принимаете глердство Нямки? Или Остеранское?

— Сперва все-таки осматрю, — сказал я со вздохом. — Этот и... прочие. Я человек крайне доверчивый, но вдруг сарай подсунете? Давайте список! И, если можно, карту. И денег на дорогу. И вина флягу. И еще чего-нибудь от щедрот... Заодно проверю вашу щедрость, ясновельможный канцлер. Начну, пожалуй, с Остеранского

Теренц Брандштеттер сперва слушал нас, поглядывая на меня с неприязнью, пошептался с королевой, затем сказал мне ровным, как замерзшая поверхность горного озера, голосом:

— Но учтите, глерд, какое бы глердство вы ни избрали, теперь у вас много врагов. Всяких, разных.

Я переспросил:

— Сторонников Роднера Дейнджерфилда?

— Не только, — уточнил он. — Мало кто любит, что у одного из высоких глердов отнимают земли и передают неизвестному простолюдину. Кстати, у вас нет в родне, пусть даже в боковых ветвях, знатных предков?

— Нет, — ответил я. — Такой вот я сам замечательный.

Он нахмурился.

— Ну ладно. Правда, часть глердов будет относиться к вам с симпатией. Постарайтесь этим воспользоваться.

— Ого? С чего вдруг?

— Роднера Дейнджерфилда побаивались, — пояснил он. — Королева ни во что не вмешивается, а он превратил бы королевство в военный лагерь и сразу начал бы войны с соседями. А не всем нравится вторгаться в чужие земли даже ради расширения пределов... Другое дело — защищать свои.

Мяффнер сказал заботливым тоном:

— Идите к себе, карту и все необходимые документы вам подготовят и принесут.

Королева промолчала, я поклонился и отступил к двери.

— Спасибо, благодарю, всем пока.

Когда я уже взялся за ручку двери, прозвучал размеренный голос Брандштеттера:

— А вы точно уверены, что среди ваших предков нет знатных глердов?

Я обернулся, удивленный и настороженный, только же ответил ясно и вроде бы недвусмысленно.

— Точно.

Я потянул дверь на себя, а голос Брандштеттера показался каким-то очень уж многозначительным:

— Но все-таки подумайте, повспоминайте... это сильно бы облегчило ситуацию.

— Да, — ответил я легко, — да, конечно. Повспоминаю.

И вышел, закрыв за собой дверь, опередив лакея. От Брандштеттера веет недружелюбием, но не враждебностью. Похоже, умеет смирять свои неприязни, а вслух говорит только то, что полезно стране и сельскому хозяйству.

Выйдя во двор, я устремился к своей башне, нужно собраться, проверить, не исчезло ли мое умение создавать пули, чуточку потренироваться, раз уж пули бесплатные, но не успел добежать до башни, как услышал жизнерадостный крик:

— Юджин!

Оглянулся, Фицрой догоняет сияющий, веселый и довольный, словно уже обобрал всех придворных, одет щеголем, под прекрасной накидкой тонкой работы поблескивает кираса.

— Привет, — сказал я. — Что-то давно не видел тебя... Правда, я и сам сижу, как арестант... Какие новости?

Он отмахнулся.

— Да какие у меня новости? Это о тебе весь двор гудит! Подумать только — дворцовый переворот загасил в самом начале!..

Я буркнул:

— Фицрой, это было... случайно. Так уж получилось. А ты свое слово скажешь скоро?

Он вскинул брови.

— Какое?

— Не знаю, — ответил я честно. — Но ты здесь как рыба в воде, верно? Хотя и не совсем в своем королевстве? Как шука среди пескариков?

Он хохотнул.

— Ну ты даешь!.. Я же сам прячусь!.. Все-таки из каменоломни... А ты сейчас куда?

— Пойду посмотреть земли Остеранские. И сам замок.

— Ого, — сказал он. — Слышал о таком. И что мы там будем делать? Что украдем?

Я посмотрел в изумлении.

— Мы?.. Хотя... вообще-то идея не совсем дикая. Составь мне компанию, хоть одна душа будет рядом. Если, конечно, у тебя есть душа.

— Есть, — заверил он. — У меня все есть. А чего нет, то либо не надо, либо еще не нашел, где украсть. А замок зачем тебе смотреть, если не красть?

— Он теперь мой, — ответил я и уточнил: — Если изволю взять.

— Ты что?

— Еще три на выбор, — пояснил я. — Или больше, не присматривался. Какой понравится, тот и оставляю.

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Неплохая плата за спасение... Не ожидал от здешней королевы такой щедрости.

— Почему?

— Она уверена, — сказал он, — что все так и толкают друг друга локтями, чтобы услужить ей. Она же королева! Ты и так должен быть счастлив, что услужил ей.

Я промолчал, Фицрой выказывает удивительную осведомленность, я это в ее характере увидел только у себя в доме.

Он сказал внезапно:

— А ты кто на самом деле? Шепни как другу. А то слухи какие-то странные идут...

Я насторожился.

— Какие?

— Поговаривают, что ты не то принц одной известной династии, не то прямой наследник короны одного из королевств на севере...

Я поморщился.

— Да что они меня так... втаптывают?

Он вытаращил глаза.

— Ты чего? Разве принцем быть хуже?

— Конечно, — ответил я убежденно, — когда простолюдин добивается высот — это его заслуга, а когда принц... понимаешь? Он так и так находился.

Он подумал, наморщил нос.

— Ну, знаешь ли... Живем мы в этом мире. А здесь перед принцем снимают шляпы уже только потому, что принц, пусть даже последний дурак и ничтожество. Зачем тебе усложнять себе жизнь? Будь принцем и топай дальше. Уже со ступеньки принца.

Я подумал, посмотрел на него внимательно.

— Фицрой, а кто ты?..

Он ухмыльнулся.

— На простолюдина тоже тяну плохо?

— Хорошо, — согласился я, — но заметно, что знаешь больше и умеешь больше. И взгляды у тебя какие-то подозрительно широкие. Не демократ, случаем? Ну, это такие... в общем, ты понял.

Его рот растянулся до ушей.

— Ну, спасибо... Впрочем, чтобы снять все вопросы, скажу правду, даже признаюсь, если хочешь, но только тебе! Я в самом деле из знатного рода. Убил на дуэли одного из еще более знатного и вот теперь скрываюсь как от всей их родни... так и вообще.

— Это было в другом королевстве? — спросил я понимающе.

Он кивнул все с той же широкой улыбкой.

— Точно!.. Не просто в другом, а... отдаленном.

— Хороший вариант, — согласился я. — Хрен проверишь. Ладно, Фицрой, я с тобой прощаюсь. Надо собраться, то да се.

Он ответил весело:

— Собирайся, собирайся. За меня не беспокойся. Мне только коня оседлать.

Глава 9

Ждать в башне пришлось недолго, даже пострелять всласть не успел, тем более что это дело начинает нравиться: быстро выхватить, прицелиться, выстрелить, а можно и не особенно целиться, пуль хватит... но уже через полчаса ко мне поднялся королевский слуга, важный и невозмутимый, сообщил с порога:

— Ваш конь оседлан и ждет во дворе. Его высокое глордство канцлер Мяффнер встретит там и даст последние наставления.

— Прекрасно, — ответил я. — Конь и канцлер ждут, а простолудин чешется, зевает и не торопится... Нет-нет, бегу! Не могу заставлять ждать пожилого человека. И коня. Конь хороший?

— Хороший.

— Тем более хорошего коня.

В коридоре гвардейцы уставились с вопросом в глазах, что-то явно слышали, я сказал легко:

— Ребята, я отбываю, а вас переводят охранять женскую баню. Снаружи и внутри... Если вы, конечно, не слишком против.

Слуга уже спустился на пролет ниже и поглядывает оттуда, не выказывая нетерпения, вышколенный, королеве прислуживает, это уже почти министр, слуги сперва так и назывались от слова «мини», что значит мелочь, ничтожная величина.

Во дворе несколько гвардейцев сгрудились вокруг великолепного жеребца. Одни удерживают под уздцы, другие укрывают попоной, седлают, затягивают ремни.

Мяффнер разговаривает с двумя глердами, обернулся ко мне, просяил.

— А, наш доблестный герой... Вот все ваши бумаги, положите сразу в сумку, а то потеряете. Знаю я вас, молодежь... Это вот подробная карта Остеранского глердства... Проскачете пару суток, от силы трое, а там выедете на Дорогу Трех Королей, она и приведет вас прямо в это глердство.

Я взял карту, что уже не карта, а подробный план глердства со всеми селами, только деревни не обозначены, а еще вид сверху самого замка.

Я всмотрелся, сказал с одобрением:

— Мне нравится архитектура замка. Целая крепость!.. Я эстет, знаете ли, меня всегда восхищала одухотворенная монументальность и весомая зримость... Но прежде чем решить, хочу выяснить еще несколько щекотливых моментов... А где остальные члены семьи герцога?.. В каменоломню отправили, как понимаю, только главного самца.

Мяффнер ответил почтительно:

— У герцога было еще несколько мелких поместий в разных концах королевства. Ее величество отобрали все, но одно оставлено для семьи осужденного... с правом там жить, но без права покидать.

Я вздохнул с облегчением.

— Прекрасно. Не хотелось бы получить еще и жену герцога в придачу к замку.

Он чуть улыбнулся, новый хозяин глердства шутит, ответил в том же тоне:

— У герцога молодая и очень красивая жена. Всего месяц тому женился снова...

— Не надо нам чужих жен, — отрезал я. — У них останутся какие-то права, пусть даже моральные. А я человек чувствительный, могу что-то уступить из жалости, хотя я вообще-то человек жадный.

— Мудрый подход, ваше глердство. Жадность — прекрасное и похвальное качество разумного человека.

— Знаю, — сказал я, — я интеллигент, а мы все жадные.

Он окинул меня внимательным взглядом.

— Вы так и не обзавелись мечом?

— Обзаведусь, — пообещал я. — И доспехами. Здесь я был под покровительством ее величества, что все знает, все видит и всех охраняет, а там да, придется все самому... А может, и не все, если там женщины тоже есть.

Он мягко улыбнулся.

— Успехов!

Я повернул конскую морду в сторону выезда из дворца и дворцового сада в город, легонько ткнул под бока каблуками, объясняя, куда мчаться.

Конь оказался понятливый, даже чересчур, сразу пошел в галоп, пришлось придерживать. Меч надо было бы где-то взять, как и доспехи, хотя бы одну кирасу, так выглядел бы внушительнее, но пока ладно, пистолет в кобуре, что надежно закреплена ремнями под мышкой. У камзолов такой крой, что крохотная выпуклость полностью скрадывается, никто не обратит внимание, что у меня есть нечто более мощное, чем мои кулаки.

Город проскочил достаточно быстро, а на той стороне за городскими воротами уже ждет на крупном жилистом коне всадник в неброской одежде, хорошей для дальних путешествий, и в плаще, что ниспадает с плеч до самой репицы конского хвоста.

Я вскинул руку в салюте, Фицрой ответил тем же жестом, хотя здесь он незнаком. Либо адаптируется моментально, подумал я, либо этот жест в ходу где-то в других местах.

Шляпа Фицроя прикрывает его лицо и даже плечи от солнца, одежду тоже продумал хорошо: то ли богатый ремесленник, то ли не шибко знатный глерд, очень удобно, можно прикидываться и тем и другим, судя по обстоятельствам.

Рукоять меча очень простая, даже примитивно деревенская, но что-то подсказало, что в таких же показушно простых ножнах клинок не от сельского кузнеца.

— Что так долго? — спросил он. — Никак не мог вытащить?... Да, кони пошли упрямые, пока выволочешь из конюшни... У тебя, похоже, иноходец?

— Откуда мне знать, — ответил я сердито. — Пока просто конь. Может, вообще лошадь. Поехали!

Он расхохотался и, повернув коня, послал его рядом с моим. Некоторое время мчались, обгоняя телеги, что везут из столицы купленный товар, который в селах не изготовить, навстречу часто попадались подводы с сельским добром для продажи в городе: зерном, мукой, битой и живой птицей, рыбой, горшками и глиняной посудой...

По мере того как позади оставались и села, подвод становилось меньше и меньше. Наконец мы долго мчались по пустой дороге, что становилась все более дикой.

Фицрой время от времени что-то орал навстречу ветру веселое, пел песни, улюлюкал, крутил головой во все

стороны, хотя везде простор и темные массивы одинакового леса.

Я на его вопрос о королеве с удовольствием сказал, что не такая уж и предусмотрительная, хотя заговор и предвидела, но роль Дейнджерфилда просмотрела.

Он покрутил головой.

— Роднер Дейнджерфилд не был противником королевы! Потому и просмотрела. А так вообще-то он с королевой был даже дружен. И не раз помогал советами.

Я крикнул навстречу ветру:

— Тогда чего он вдруг?

— Он был противником мирной политики, — уточнил он. — Его выводила из себя накапливающаяся армия так называемого принца Роммельса!.. Он негодовал, что не даем отпор разбойникам, что начинает захватывать наши земли!.. А во всем остальном он был, можно сказать, верен королеве. Странно, да?

— Идейный был человек, — ответил я. — Уважаю. Идеи нужно ставить над личными интересами и привязанностями. А что Теренц Брандштеттер? Он каков?

Он засмеялся.

— О, это особенный человек!.. Кстати, вон там хорошее местечко для отдыха. И ручей, и могучий дуб. Под его ветками можно разместить целую армию.

— Принято, — согласился я. — Не знаю, как кони, но я уже отбил задницу.

Он посмотрел на меня критически.

— Похоже, тебя чаще возили в повозке.

И сам захохотал своей шутке, хотя, на мой взгляд, она прозвучала не совсем уж без намека.

Дуб становился все огромнее, а когда подъехали вплотную, это не дуб, а что-то из библейских времен, такое же древнее, могучее, хтоническое, из времен, ког-

да только-только творилась земля и растения с разными тварями.

И могучие корни достали не просто до ручьев, но вывели на поверхность целую подземную речку, пусть пока мелкую и неширокую, но с холоднющей водой.

Фицрой, не чинясь, расседлал обоих коней и вытер мокрые бока пучком травы, а я, проверив толстобокую сумку, вытащил хлеб, сыр и отдельно завернутые ломти сухого мяса.

Перекусив и вытянув ноги, некоторое время отдыхали в блаженстве ничегонеделания, затем Фицрой сказал бодрым голосом:

— Искупаемся?.. Вот там дальше на повороте вырыло такую ямищу!.. Самого Тархантера утопить можно!

— Холодно, — ответил я. — Хотя... ладно. Все равно по такой жаре...

Яма оказалась в самом деле глубокой, в самой середине даже дно уходит из-под ног, а так вообще больше походит на большой чан. Я продрог быстро, вылез, чокая зубами.

Фицрой продержался в воде дольше, то ли крепче, то ли просто не подает виду. Потом долго обсыхали и грелись под жаркими лучами солнца.

Он бросил взгляд на кобуру с пистолетом, я ее прикрыл рубашкой, но ветерок кокетливо сдвинул ткань в сторону.

— Это и есть твой незримый меч?

— Скорее, — уточнил я, — арбалет.

— Рассказывают вообще чудеса, — сказал он с интересом.

— Ого, — сказал я, — уже успел поговорить с гвардейцами?

Он отмахнулся.

— Да весь двор об этом гудит. Правда, они вообще несут такое, что там были и драконы, и саламандры... А с гвардейцами, ты прав, я поговорил. Ты же знаешь, мне все интересно!

— Это да, — согласился я. — Информация военно-промышленного характера. Расположение войск, настрояние двора, симпатии, насколько велика поддержка у королевы...

Он отшатнулся.

— Ты чего?

— А что, — сказал я, — это все невинно. Другой уровень, если бы начал искать и поддерживать деньгами тех, кто желает свергнуть нынешнюю власть... Ты ведь не такой?

Он сказал с нервным смешком:

— Даже не понимаю, о чем ты!.. Я искатель приключений, мне интересно все новое!.. Ты прав, меня занесло издалека, но только потому! Я из такого сонного королевства, там даже пауки все подошли, потому что ленивые мухи летать разучились!.. И ты мне интересен потому, что не такой, как все!

— Да ну...

— Многие это чувствуют, — заверил он, — но не так сильно, как я. Скажу по секрету, я прошел и проехал через... несколько королевств, могу сравнивать. Но нигде не видел такого оружия. Можно посмотреть?

— Можно, — ответил я.

Кобура хоть и скрытого ношения, но сам пистолет в себе не скрывает, рукоять торчит наружу. Фицрой осторожно взялся за нее, лицо стало сосредоточенным, осторожно вытащил из кобуры целиком и подержал на раскрытой ладони.

— Ого... — сказал он с уважением, — вижу работу древних мастеров.

Я поглядывал вроде бы равнодушно, как он осматривает и ощупывает, хорошо, что пистолет, там нет пуль, а то бы еще выстрелил... Ладно, если в себя, а вдруг в меня?

— И как он... бьет?

Я сказал совершенно искренне:

— Это именное.

Он ничуть не удивился, только посмотрел с еще большим удивлением.

— Правда? Слышал, в древности мечи давались в руки только хозяину, а кирасы вообще могли раздавить посмеявшегося их напялить чужака.

— Вот-вот, — согласился я. — А это такой арбалет. Стрелы, правда, совсем крохотные... Ну что, поедем дальше?

Он со вздохом сожаления вложил пистолет в кобуру и протянул мне, а я закрепил ее под мышкой и застегнул ремешок. Кони нехотя приблизились, повинувшись свисту.

Я погладил своего и почесал за ушами, послушание нужно подкреплять ощутимыми стимулами, а то в следующий раз конь услышит свист и подумает: и чего он там свистит? Ну и пусть свистит.

Все-таки работа магов видна даже в том, чего люди не замечают и что заметно только мне. За века, а то и тысячелетия кропотливой работы чародеям удалось вывести породы фруктовых деревьев, которые дают урожай дважды в год, клубника и прочие ягоды здесь намного крупнее, плодоносят постоянно.

Что это заслуга древних магов, мне видно по тому, что в лесу земляника мелкая и невзрачная, такой была везде, пока маги не вывели особые породы для земледельцев.

У коров, овец и коз приплод двойной-тройной, к чему здесь давно привыкли и уверены, что всегда так и было, а кони могут развивать скорость втрое большую,

как у нас на скачках, к тому же намного выносливее и неприхотливее в уходе.

Я смотрел по сторонам другими глазами, мне в этом мире находиться еще неизвестно сколько, нужно приглядываться, чем-то да смогу воспользоваться...

Мимо проползают рощи, а то и целые леса, ровная зеленая долина сменяется такими же зелеными холмами, каменистой пустошью, дорога то начинает подниматься вверх вместе со всей местностью, то уходит вниз, проскакиваем ручьи, не сбавляя скорости, мелкие речушки переходим осторожнее, а когда встретили широкую, то долго двигались вниз по течению, пока не наткнулись на плотовщиков, переправляющих народ с берега на берег.

На третий день пути повстречали троих всадников, с ними две громадные собаки. Обе зарычали на меня, совершенно не обращая внимания на Фицроя.

Я опустил ладонь на рукоять пистолета, собаки присели, напружились, готовые прыгнуть.

Один из всадников крикнул резко:

— Сидеть!.. А вы двое, кто такие?

Фицрой открыл рот, но я опередил:

— Кто спрашивает?

Всадник отрезал:

— Тот, кто сильнее. Отвечай или...

— Давай «или», дурак, — сказал я с сильно бьющимся сердцем, — и мы посмотрим, чьи тела будут клевать вороны.

Второй всадник крикнул резко:

— Гергерт, умолкни!.. А вы, незнакомцы, держитесь слишком уверенно. Мы — братья из Ордена Алого Света.

— Мне это ничего не говорит, — отрезал я.

Все трое удивленно переглянулись, Фицрой хмыкнул, сказал громко:

— Мы оба из дальних стран. Но я уже успел о вас услышать, а мой могучий друг нет. Мы не враги, но задирайтесь вам не стоит. Хоть мы и на одной стороне, но мы сотрем вас в пыль, если будете вести себя... непочтительно.

Они вытаращили глаза, второй всадник покачал головой.

— Вообще-то мы впервые встречаем таких... безрассудных. А еще непонятно, почему вы так не нравитесь нашим собакам?

— Тупые они у вас, — ответил я с вызовом. — Не стану намекать, что у них и хозяева наверняка такие, но обучили вы их хреново.

Фицрой сказал быстро:

— Тихо-тихо!.. Давайте все успокоимся. Юджин, мне эти трое с их спесью тоже не нравятся. Но это потому, что им никто давно не давал сдачи. А так они люди неплохие, только испорченные...

Всадники переглянулись, третий всадник подал коня чуть вперед, голос его прозвучал мощно и басовито:

— Вы правы, дорогой друг. Мы побеждали всегда, потому и несколько излишняя самоуверенность... Но я старше моих спутников и знаю, что на любого силача рано или поздно находится кто-то сильнее... А сейчас бы я просил позволения дать обнюхать себя нашим собакам. Уверяю вас, это не каприз.

Фицрой буркнул:

— Знаю. Юджин, пусть обнюхают. Натасканы узнавать химер.

— А что это? — спросил я. Махнул рукой: — Пусть нюхают. Но чтоб слюнями не перепачкали. Не люблю.

Всадник что-то сказал собакам тихо, они медленно поднялись и подошли так же медленно. Я перевел дыхание, если бы бросились даже обнюхивать быстро,

как это обычно у собак, то рука бы моя точно выдернула пистолет, все-таки собаки чересчур огромные и страшные.

Мои ноги обнюхало одно страшилище, а вторая псина, не обращая на Фицроя внимания, зашла с другой стороны коня и, поставив передние лапы на бок, укрытый попоной, обнюхала меня до пояса.

— Эй-эй, — сказал я предостерегающе, — у нее слюни!

Всадник сказал повелительно:

— Лек, довольно!.. На место!

Пес убрал лапы и вернулся к всадникам, второй пошел за ним и сел рядом.

Старший посмотрел на них, потом взглянул в нашу сторону.

— Вы не химеры, — сказал он.

— Ну, спасибо, — ответил я саркастически, — а то я не знал! Вы мне прям глаза раскрыли!.. Как жить теперь с широко раскрытыми на мир очами?

Всадники переглянулись, туповатые ребята, хотя я и сам не всегда понимаю, что мелю, а старший сказал задумчиво:

— И все-таки непонятно. Вы не химеры, но все-таки и не совсем люди...

Фицрой захохотал, хотя я ощутил в его обычно веселом голосе напряжение.

— Это верно! Вот он — Улучшатель... Не слышали?.. Ага, уже слышали... Может быть, слышали и то, что в столице командующий армией попытался совершить переворот, арестовав королеву. А вот этот Улучшатель за секунду уничтожил его самого и его людей!

Они смотрели на меня уже очень серьезно, старший кивнул.

— Про появление в королевстве Улучшателя уже слышали. Про переворот — еще нет, мы только едем в сторону столицы... Значит, командующий армией и его люди убиты этим человеком? А его даже не поцарапали?

Я скромно промолчал, а Фицрой сказал многозначительно:

— Теперь понимаете, наша уверенность не просто на словах.

Он покачал головой.

— Ладно, это многое объясняет. Наши собаки еще не встречали Улучшателей, потому и не знают ваш запах... Счастливой дороги, глерды!

Я проговорил наконец:

— И вам успеха в вашем благородном деле.

Глава 10

Мы разъехались в разные стороны, Фицрой заметил, что я все время держал руку близко к рукояти пистолета, но смолчал, только понимающе ухмыльнулся.

Некоторое время кони шли галопом, потом я перевел своего на рысь, поинтересовался:

— Что это за Орден Алого Света?.. Не нравятся мне такие морды.

Фицрой хмыкнул.

— Когда-то считались единственными спасителями. Раньше химер было столько, что почти правили миром. Ну, ты же знаешь, что бывает, если попасть под свет трех лун. Хоть это и редкость, но когда-то и где-то встретились такие вот двое, он и она... И наплодили химер. А те плодили новых. Сперва прятались, потом начали охоту на людей...

— Ого!

— Чтобы как-то переломить ситуацию в свою пользу, где-то на окраине создали Орден Алого Света, который начал бороться именно с химерами, вырабатывать приемы, оттачивать навыки, подбирать особое оружие...

— Понятно, — сказал я, — люди берутся за спасение шкур, когда висят на ниточке над пропастью. И тогда у них начинается что-то получаться.

— Вот-вот, — согласился он. — Членов Ордена становилось все больше, наконец химеры, потерпев поражение, стали прятаться от людей.

— Но еще есть?

Он поморщился.

— Уже совсем редко, а то вообще ходили хозяевами в своем жутком виде. Ныне прикидываются людьми. Но рыцари Ордена вылавливают и оставшихся. В уставе записано, что истребить нужно всех до единой. А то вдруг снова начнется...

— Разумно, — сказал я.

Он ухмыльнулся.

— Но ты все-таки не химера, рад был услышать!

— А что, — буркнул я, — были сомнения?

— Да как тебе сказать, — протянул он с таким загадочным видом, что не понять, то ли прикидывается, то ли всерьез, — ты же такой непонятный, простых вещей не понимаешь...

Мяффнер то ли переоценил наши возможности, то ли просто соврал: копыта наших коней вступили на отныне мою землю только под вечер седьмого дня, но застала ночь. Провели ее на сеновале в деревушке, а утром пустились в путь и уже через час увидели далеко впереди возвышающуюся на широком скальном выступе массивную и одновременно устремленную к небу крепость.

— Вот она, — сказал Фицрой тоном знатока. — А не плохо, неплохо... Хотя за спасение королевы... да что там королевы — королевства! — можно бы и пощедрее...

— Ладно, — буркнул я. — Мне и это много. Поедем знакомиться с моим имуществом...

Он некоторое время ехал молчал, затем проговорил словно бы невзначай:

— Так говорят, если не собираются здесь оставаться надолго.

Я осмотрел искоса.

— Быстро все схватываешь.

Он ухмыльнулся.

— Иначе не выжить тому, кто не сидит на месте.

Громада крепости поворачивается, по мере того как мы заезжаем с другой стороны, где земля поднимается полого и где проложена хорошая дорога, первые несколько сотен метров вымощенная камнем, а дальше тянется утоптанная до плотности камня земля и уходит в темный лес.

Ворота простые, без скрепляющего доски металла, на одной из двух башен трепещет флажок. Охраны не видно, мы подъехали вплотную, Фицрой вытащил меч и в нетерпении постучал рукоятью в разошедшиеся доски.

Некоторое время ждали, потом постучал снова, громче, высвободил ноги из стремян и, подав коня боком, несколько раз с силой ударил ногой, заорал люто:

— Есть тут кто?.. Поджигаем ворота!

Очень нескоро над воротами появилась лохматая голова, молодой мужик таращил глаза, потом крикнул с испугом:

— Кто такие?

Я крикнул:

— Юджин Улучшатель.

Он повернулся от нас, что-то сказал вниз, выслушал и повернулся к нам, уже чуточку более уверенный.

— Гостей не принимаем.

Я открыл рот, чтобы ответить, но Фицрой ухватил меня за руку.

— погоди, дай скажу я...

— Ладно, — пробормотал я.

Он напыжился, принял грозный вид и проорал страшным голосом:

— Эй там, морды! Это прибыл не гость, а хозяин. Изволил! Новый хозяин! Если не откроете сию секунду, быстро и сломя голову, за нами явится королевская армия. И тогда всех в каменоломню вслед за старым хозяином! А благороднейший глерд Юджин наберет слуг и гарнизон поумнее.

На той стороне заговорили громче, заспорили, затем тот же мужик тоскливо проговорил:

— Так бы и сказали... Отворяем...

После мучительного ожидания в воротах открылась калитка. Я тронул коня, но Фицрой цепко сжал мой локоть. Я остановился, а он прокричал лютым голосом:

— Что? Снова оскорбление?

С ворот крикнули поспешно:

— Простите, ошибочка вышла!

Створки ворот тяжело и неспешно начали распахиваться, открывая вымощенный камнем двор. Фицрой шепнул, не поворачивая головы:

— С ними нужно ухо остро. По крайней мере, первые дни. Тебя проверяют. И еще будут присматриваться.

Я ответил тихо:

— Вот этого не люблю.

— Тогда сразу покажи себя злым и беспощадным.

— Ох, забудусь...

— Не забывайся, — бросил он. — В таких случаях лучше быть или хотя бы выдавать себя злым. А какой ты на самом деле, никто знать не должен... Или оставь на потом. А лучше вообще не раскрывайся. Никогда. Ни перед кем.

Мы медленно въехали в просторный двор, середина чистая, даже прометено, но под всеми четырьмя стенами теснятся постройки. Из донжона выбегают слуги, пробуют выстроиться в две линии по обе стороны выложенной особо крупным булыжником дорожки к главному входу, но что-то плохо получается, народу как-то маловато.

Да, всего пять человек, трое лохматых и корявых мужиков и две женщины. Как-то хило для такой крепости. И всего один стражник на воротах, да и тот что-то без оружия.

Не покидая седла, я оглядел всех мрачным и, надеюсь, суровым взглядом. Почему-то вспомнил королеву Орландии, та и сама уже, наверное, забыла, какая она на самом деле.

— Меня, — крикнул я, добавив в голос малость грозного рыка, — зовут Юджин Улучшатель, отныне я ваш хозяин и господин. Прежний... арестован. Сейчас в цепях на пути к каменоломне. Одной из. Самых дальних!.. У ее величества каменоломен и шахт много, чтобы вы знали. На вас тоже хватит. Если здесь остались настолько преданные ему слуги, что не желают служить новому хозяину, моему глердству! — я не стану их вешать... просто разрешаю покинуть замок. И даже уйти с отныне моих земель.

Они молчали, стоя со склоненными головами. Я оглядел их поверх голов и подумал с некоторым изумлением, что принимают все всерьез, я все-таки молодец, прикидун еще тот.

Наконец один, покрупнее и получше одет, распрягнулся и ответил с надлежащей покорностью, но с известной долей достоинства:

— Хозяева меняются, доблестный глерд, но замок должен жить, крестьяне должны пахать и сеять, а скот плодиться.

Я проворчал, стараясь держаться все так же величественно и по-хозяйски:

— Верно сказано.

— Мы служим, — закончил он, — и будет продолжать служить тому, кого пришлет ее величество королева Орландии. Меня зовут Ювал, я старший слуга, хотя хозяин меня иногда звал управляющим.

Я сказал громко:

— Вот и будь настоящим управляющим, Ювал. Надеюсь, ты сказал за всех вас. Без лести, по делу и все вроде правильно. Перевороты и мятежи сами собой, а жрать все равно надо. Что ж, будем считать знакомство законченным, жизнь продолжается.

Сразу двое бросились к нам хватать коней под уздцы. Мы покинули седла и пока еще с настороженностью пошли за управляющим в донжон.

Фицрой шел рядом и помалкивал, по его виду нам ничего не грозит серьезного, разве что слуги постараются выторговать для себя больше свобод и привилегий.

Ювал время от времени притормаживал, мы с Фицроем идем неспешно и по-хозяйски, осматриваемся, хотя на самом деле это простая настороженность, мало ли что может выпрыгнуть из-за угла, надо быть наготове.

У лестницы на второй этаж я сказал небрежно:

— Семьи у меня нет, так что обслуживать вам нового властелина будет легче. Опять же экономия. Я вообще-то великий экономист... но денег мне в руки лучше не давать... хотя все равно возьму. Как не взять, когда можно?

На третьем этаже он повел широким коридором к дальней двери с массивными створками, украшенными серебром и золотом.

— Там ваши покои, глерд Юджин...

— Дверь впечатляет, — ответил я кисло, здесь высота потолков, как в церквях, и этот третий, даже не знаю, на какой я высоте. — Почему покои не на первом?

В его глазах мелькнуло удивление, даже покосился на Фицроя, тот улыбнулся.

— Хозяин, — ответил управляющий с почтением, — всегда должен быть на высоте. Чем выше, тем... гм... выше. И озирая свои владения, в то время как крестьянин видит только свой клочок земли.

— Интересный взгляд, — буркнул я. По этой логике я в театре должен сидеть в заднем ряду галерки, а в партер должны помещать самых бедных. С другой стороны, королева всегда сидит выше всех хоть на троне, хоть за столом. — Видимо, здесь в самом деле за всеми нужен глаз да глаз.

У двери Ювал остановился и поклонился. Фицрой взялся за дверную ручку, потянул на себя, но не вошел, а с поклоном указал взглядом, что первым должен войти я, будто я какая-то церемониальная кошка.

— Да ладно, — сказал я, — все заходим, но осматриваюсь я один. А вы комментируете. Фицрой, не хихикать!

— Я еще не, — ответил Фицрой уже полухихикающим голосом, — но ты в самом деле... Отпусти управляющего, он должен подготовить все для осмотра внизу. Кстати, тебя в самом деле зовут Ювалом?

Управляющий поклонился.

— В самом, милостивые глерды.

Фицрой сказал благожелательным голосом:

— У меня тоже был Ювал, Ладно, Ювал, хозяин отпускает тебя. Дальше мы сами разберемся.

Ювал, теперь уже точно управляющий, поклонился и отбыл. Фицрой с бодрым видом потер ладони.

— Осматривайся, знакомься с народом. Вообще-то здесь все понятно... Парочку сравнительно молоденьких штучек я заметил, но какие-то корявые... Для такого огромного замка... это не замок, а крепость!.. народу придется набрать больше. Наверное, я этим и займусь, не люблю долго торчать на месте.

Я буркнул:

— Мы здесь всего пять минут.

— Уже? — переспросил он с недоверием. — И еще не перевернули мир?.. Как же теряем время... В общем, сейчас пройдуся по деревням, что подарены тебе с этой твердыней, отберу несколько молодых и крепких мужиков для гарнизона...

— Понял, — ответил я, — но в первую очередь пригласишь на хорошую работу в замке молоденьких крестьянок?

Он ухмыльнулся.

— Я всегда совмещаю полезное с... полезным! Не забудь осмотреть вон те башенки. И подвалы осмотри. А я промчусь с ветерком до ближайшей деревушки. Может быть, и до следующей, если в первой народ окажется мелковат...

— А куда здешний народ делся? — спросил я. — Как будто ошлиманенную могилу принимаю.

— То ли прежний хозяин увел, — сказал Фицрой, — то ли сами разбежались. Королева, как все понимают, обрушит свой испепеляющий гнев на заговорщиков, никому мало не покажется... Проводи меня во двор, пусть там видят, что я по твоему поручению уезжаю с проверкой... И держись поостроже, а то уже расслабился, вижу... Ой, а вон та дверь какая-то не такая...

Я не успел рта раскрыть, как он перебежал на другую сторону, ухватился за дверную ручку.

— Посмотрим?

И снова я не успел открыть рот, как он уже отворил настежь и вошел первым. Пахнуло духами и сладкими притираниями, но и без этого понятно, комната чисто женская. Жены хозяина. Или дочери. Жена уже жена, ей ничего не надо, если здраво по-мужски, а вот для дочери еще нужно кого-то изловить. Для этого важного дела помимо богатого приданого не помешают и всякие женские штучки вроде обаяния, на что дураки особенно западают.

Я сразу обратил внимание на крупное зеркало над столом, полностью заставленным крохотными баночками и скляночками с мазями, притираниями, тушью, румянами, белилами, смесями для кожи лица... и всего столько, что некуда ногу поставить.

Рама массивная, фигурная, невольно вспомнил Зеркало Древних в башне королевского дворца, но это все же поменьше и полегче, так что вряд ли, вряд ли...

К тому же столешница выглядит слишком хрупкой, проломится под весом человека с треском, так что это зеркало точно не для создания порталов.

А жаль...

Фицрой наблюдал за мной с интересом.

— Мечтаешь, что вдруг вернется дочка герцога? Или хотя бы жена?

— Сплюнь, — сказал я сердито. — С чего им возвращаться?

Он кивнул на многочисленные баночки и скляночки с притираниями и кремами.

— Настоящая женщина за такие сокровища убьет и не поморщится! А тут пришлось спешно бежать, все добро бросили.

Я подумал, покачал головой:

— Женщины что угодно оставят, но свою косметику спасут при любом всемирном пожаре. Так что все ценное, на их взгляд, унесли. Ладно, пойдем отсюда.

Глава 11

По дороге вниз никого не встретили, чувствую себя в самом деле как в роскошно выстроенном, но пустом склепе.

Во дворе двое с метлами неспешно прометают двор, убирая заносимые ветром листья. Увидели, как мы с Фицроем вышли на крыльцо, поспешно зашаркали от нас в разные стороны, будто мы зачумленные.

Недружелюбием веет от всех, что огорчительно, но объяснимо, все-таки с прежним глердом было понятно, чего хочет и чего не любит, а новое всегда пугает. Откровенную вражду ощутил только от двух, а от одного слуги пахнуло такой враждой, что к такому спиной лучше не поворачиваться, и когда Фицрой приведет пополнение, этого нужно срочно вернуть в деревню.

Ювал выскочил из двери башни, поспешил навстречу, поклонился.

— Хозяин?

Вот уж действительно механизм по управлению, мелькнула у меня мысль. Единственный, кто не выразил никаких эмоций по смене хозяина. В него всматривался особенно внимательно, все-таки важная должность, однако в ответ ни холодно, ни жарко, только готовность следить за тем, чтоб ни камешки, ни песчинки не попадали между колесами и колесиками шестеренок хозяйства, чтобы все работало без сбоев...

— Ничего менять не собираюсь, — сказал я ему и уточнил: — Пока не собираюсь. А дальше посмотрим. Сейчас расскажи о персонале. О гарнизоне, слугах...

Фицрой добавил строго:

— И не вздумай врать или кого-то выгораживать!

Ювал вздохнул.

— Да у нас и скрывать нечего. Хотел бы — не нашел. В крепости пять слуг и рабочих...

Я перебил:

— Почему так мало?

Он взглянул исподлобья, во взгляде мелькнуло удивление, но Фицрой тут же вклинился веселым и бодрым голосом:

— Крепость строили каменщики Андерта, верно?.. Я так и понял. Жаль, их орден распустили лет двести тому...

— Сто пятьдесят восемь, — уточнил управляющий.

— Ух ты, — сказал Фицрой, — значит, здесь продержались дольше. В общем, крепость сама о себе заботится. Жаль, защищаться не умеет.

Ювал позволил себе осторожно усмехнуться:

— А как защищаться, когда хозяева меняются, сын восстает против отца, братья сражаются друг с другом?.. Пусть уж замок занимается собой, а люди собой...

Фицрой сказал весело:

— Ха, а помечтать? Вот бы зажили...

Замок построен, как я уже сообразил, в древние времена на еще более древнем фундаменте некогда разрушенного здания. Это было нечто исполинское, судя по уцелевшему с тех времен цоколю, а в подземелья под замком предыдущие хозяева вообще не решались спускаться, предпочитая всяким темным тайнам жизнь на солнечном свете, яркую и разгульную.

Я повертел головой в поисках колодца, не увидел, поинтересовался у Ювала:

— А где берут воду?

Он посмотрел в замешательстве, не поняв вопроса, ответил с осторожностью:

— Стирать бабы ходят к реке, это за теми деревьями, отсюда не видно, вон там самое удобное место... а если скот или коней поить, то с той стороны замка труба...

— Ага, — сказал я, — понятно. По трубе идет вода, так?

— Верно, хозяин.

— А труба откуда? — спросил я.

Он посмотрел как на сумасшедшего.

— Простите... с крыши, конечно. Или из какого точно места?

Я отмахнулся.

— Нет-нет, это неважно. Лишь бы хватало этой воды.

Он вздохнул с облегчением.

— Если даже заведете большой гарнизон, всем хватит. У нас хороший замок.

— Отлично, — одобрил я. — Весьма!

Насколько знаю, способ собирать воду существует с древности: стоит сложить даже в жаркой и безводной пустыне горку камней, а внизу поставить миску, и к утру туда накапает до краев. Новые технологии усовершенствовали этот процесс, небольшая такая установка с множеством металлических тонких листов собирает росу и сливает в расположенную внизу емкость, набирая за сутки до тонны воды.

Просто не приходит в голову, что здесь используют такую же технологию. Возможно, даже с большим капэ-дэ, чем у нас. Все-таки удовлетворять запросы обитателей всего замка...

Фицрой, заскучав от моих дилетантских расспросов, ринулся в башню, я поленился идти следом, он и сам все увидит и расскажет, обошел двор по периметру, рассматривая строения, где кузница в хилой халупке, зато булочная в каменном строении, явно хозяин больше любил вкусно поесть, чем заботился о добротности оружия.

Когда я обошел весь двор по кругу и возвращался, у ворот толпятся трое мужиков, это все мое мужское население, калитка отворилась, с той стороны прошел, пригибая голову, Ювал со свернутым в трубку листком бумаги.

Заметив меня, он поспешил навстречу, поклонился с предельной почтительностью.

— Ваше глердство...

— Да? — ответил я.

— Прибыло послание...

Он замялся, поднимал на меня взгляд и тут же пугливо упирал его в землю с такой силой, что там появлялись царапины.

— От кого? — спросил я настороженно.

— Не сообщили, — ответил он уклончиво, — но гонец был одет богато. Передал свиток, велел сообщить, что лично для вас, и тут же умчался.

Я буркнул:

— Хорошо, что за послание?

Из башни выскочил Фицрой, прокричал:

— Там трое унеслись от ворот на таких быстрых конях, что не усну сегодня от зависти!

Ювал передал мне свернутый в трубочку лист, Фицрой подошел и презрительно фыркнул, послание перевязано розовой лентой, словно адресовано не мужчине.

Морщась, я взял, вдруг красные ленты в дефиците, сломал печать на ленте. Лист освобожденно развернулся, буквы неровные, то ли писал малограмотный, то ли

в спешке и не покидая седла: «Прошу принять горячую благодарность за спасение ее величества королевы Орландии. Будет что нужно, обращайтесь. Принц Роммельс».

Фицрой поглядывал на меня с живейшим любопытством.

— Что там? — спросил он весело. — У тебя та-а-акое лицо!..

Я молча передал ему листок. Он взял, не чинясь, не напоминая, что чужие письма читать неприлично, быстро пробежал взглядом лаконичные строки.

— Ого, — сказал он. — Не ожидал...

Я сделал знак Ювалу, что свободен, он поклонился и с явным облегчением поспешил к донжону.

— Если даже ты не ожидал, — сказал я саркастически.

Фицрой подумал, вернул мне лист. Лицо оставалось задумчивым, а в глазах появилось отрешенное выражение.

— Странно, да?

— Еще бы, — сказал я. — Разве не он собирает силы, чтобы ее свергнуть?

— Собирает, — подтвердил он. — А если тут ничего необычного нет?

— Как это?

Он посмотрел на меня покровительственно.

— Чувствуется, ты далек от интриг и хитроумных ходов придворных.

— Ну-ну?

— Подумай, — сказал он, — собирает он войска, чтобы свергнуть королеву. Но тут появляется этот воинственный Роднер Дейнджерфилд и свергает ее чуть раньше. Теперь принцу придется иметь дело не с нерешительной королевой, а с командующим армией, у которого помимо армии еще и вся полнота королевской власти!

Я поморщился.

— Ладно, ты прав. Это лежит на поверхности, только я по дурости мог не ухватить сразу. Дейнджерфилд сразу послал бы в те леса всю армию.

— Вот-вот!

— Профессиональный военный на троне, — сказал я, — самое худшее для королевства, что можно придумать. Он начнет одну за другой победоносные войны, разорив экономику, после чего не сможет защищать не только завоеванные земли, но и свои собственные...

— Далеко смотришь, — сообщил Фицрой. — Не такой уж ты и простак. Принц так далеко не заглядывает. Ему главное, что Дейнджерфилд уничтожит все его войско, а кого захватит в плен, того сразу без суда и следствия повесит там же на деревьях. Конечно, принцу лучше иметь дело с королевой... Но есть один тревожный момент.

— Ну-ну?

— Само послание, — пояснил он. — Ты только прибыл, и вот оно уже... То ли он так близко, что видел, как ты прибыл, и уже знает, кто ты и что ты...

Я почувствовал себя очень неудобно.

— Так, верно... Либо что?

— Либо, — договорил он значительно, — кто-то в королевском дворце предупредил его заранее, что ты будешь в качестве хозяина именно в этот замок. Тоже не очень хорошо для тебя. Судя по всему, это было написано пару дней тому. А вручили сейчас! То ли тебя дождались, то ли от тайной стоянки принца Роммельса везли так долго.

Я в нерешительности посмотрел на лист.

— Лучше бы верно второе. Не люблю такое соседство... Что ответить?

— А нужно? — спросил Фицрой. — Проигнируй.

Я подумал, сказал нерешительно:

— Знаешь, я здесь человек новый, потому пока никого не буду игнорировать. Пока сам не разберусь, кого и как. И куда.

— А что ответишь?

— Подумаю. Что-нить вежливое. Поблагодарю даже. В конце концов, какие-то связи не помешают даже в аду. Он посмотрел с уважением.

— А ты не прост.

— Как и ты, Фицрой. Как и ты.

Он повернулся, помахал рукой слугам.

— Эй вы там!.. Моего коня живо!.. Сменить попону, оседлать, подать моей замечательности.

Слуги, бросив метлы, опрометью бросились в конюшню. Я поинтересовался:

— Ты уже прикинул, сколько понадобится мужчин для охраны в три смены?

— Да, — ответил он со смешком. — Даже учел, что их нужно будет именно для охраны, а не защиты. То есть втрое меньше.

— Почему?

Он ухмыльнулся.

— Защищать будешь ты с твоей боевой магией.

Глава 12

Женщины поглаживают на меня пугливо и уже оценивающе, все-таки любой хозяин, вступая в права, обязательно должен повязать всех самок в его подчинении, иначе он не будет чувствовать себя настоящим хозяином, это в крови у мужчин...

Пока воздержусь, сказал я себе строго. Хоть это и выполнение первой и самой важной заповеди Господа,

которую нужно выполнять со всем рвением и тщательностью, но еще важнее просто выжить. Сперва озабочусь этой ерундишкой с точки зрения вселенной, а потом уже, что понятно и естественно...

Двое слуг подвели под уздцы коня Фицроя, могучий красивый жеребец уже играет, готов пойти вскачь, принимая зачем-то повисших на узде людишек.

Фицрой хлопнул меня по плечу и вставил ногу в стремя, красивый и уверенный, как человек, отдавший здесь все необходимые распоряжения, в том числе и мне.

— Не заблудись! — крикнул я.

И сам ощутил нелепость сказанного, уж этот жук ни где точно не заблудится, не пропадет, в воде не сгорит и огня не заметит.

Он засмеялся и пустил коня в сторону ворот. Там сразу вытащили бревнышко из петель и распахнули перед ним обе створки с такой поспешностью, словно перед королем.

Со спины подошел Ювал, спросил почтительно:

— Он помчался к Утесу Влюбленных?

Я изумился:

— Фицрой? Вряд ли. А что за...

Он сказал со вздохом:

— Вон там видите утес?.. Его называют Утесом Влюбленных. В седую старину юноша и девушка спрыгнули оттуда, потому что им не суждено было пожениться из-за древней вражды между их родами.

— А-а, — сказал я равнодушно, — ну да, ага... Природа отбирает потолстокожее.

— С той поры, — продолжил он, — оттуда прыгают все, кому опостылела жизнь. Теперь у того утеса недобрая слава. Где пролито много крови, там место начинается... меняться.

Я отмахнулся.

— Утес сам по себе хорош. Самое высокое место! Можно бы и вон с того уступа, тоже будет наверняка, но я понимаю, эстеты!.. Нужно с самой вершины. Так красивше. Мы рождаемся в крови и дерьме, но умирать стараемся возвышенно. Во всех смыслах.

Я повернулся, чтобы идти дальше, но он сказал с еще больше почтительностью:

— А еще с вершины этого утеса всего двести лет тому прыгнул Улучшатель...

Я остановился.

— Кто? С чего вдруг?

Он таинственно улыбнулся.

— Он доказывал, что любому можно прыгать с самых высоких скал и не разбиваться! В доказательство прыгал с самой высокой в городе колокольни. Без всякой магии! Все видели, что над ним колыхались привязанные веревками простыни, но больше ничего...

Я сказал понимающе:

— Вот оно что... Простыни надувались горбиками, да?

Он быстро взглянул с подозрением.

— Вы уже поняли?

— Да так, — пробормотал я, — бесполезная придумка. Самолетов еще нет, парашюты ни к чему... Хотя вроде бы их придумали и использовали задолго до воздушного сообщения. А еще что он изобрел?

— Улучшатель? — перепросил он. — Ничего. Улучшателей озарение посещает раз в жизни, это верно? Так и возился со своим озарением до конца дней, только перебирал разные материалы. Однажды спрыгнул даже с горы Подоблачной, ее и отсюда видно, там до земли почти миля. Упал благополучно, только сломал обе ноги и пару ребер. Но эта мелочь так подкосила, что совсем упал духом и больше ничем не занимался.

— Понятно, — пробормотал я. — Потому очень огорченный лег и умер в конце десятого века. А сейчас какой? Ладно, это неважно. Продолжай... в нужном духе.

Он поклонился и отступил, а я вернулся в донжон, еще раз осмотрел все помещения. Пожалуй, кабинет герцога больше всего подходит для моих пока еще непонятно каких трудов: солидное помещение, солидная мебель, солидный камин, где можно сжигать целиком дубы, массивная каминная решетка...

Я бы и спал здесь, будь здесь и диван, но такое в эти века не предусмотрено: рядом с кабинетом покои герцога, где в центре массивная кровать с балдахином на четырех точеных ножках, роскошные перины и зачем-то множество подушек разного размера.

Когда я разбирался с теми бумагами, которые герцог не взял с собой и не успел сжечь, по коридору протопали быстрые шаги, дверь распахнулась, Ювал согнулся на пороге в поклоне.

— Ваше глердство!

— Говори сразу, — велел я, — без этих... всяких. Ну ты понял!

Он сказал поспешно:

— Во дворе женщина. Прибыла на коне верхом одна. Потому ее впустили, но что дальше...

Я сказал недовольно:

— Надо было застрелить сразу! Женщина — всегда к неприятностям, не знали? Ладно, посмотрим...

Он заспешил за мной следом, сбежали в нижний зал, из холла я отворил дверь пинком, так больше выгляжу грозным хозяином, пусть боятся, для них это привычнее, демократию нужно вводить постепенно, а то сразу на голову сядут, чернь есть чернь, белой сразу не сделаешь, пока что придется долго осерять...

Во дворе народ собрался в широкий круг, посреди- не красивый и богато украшенный конь, которого держит под уздцы один из мужиков, и довольно богато и добротнo одетая женщина, совсем еще юная девушка, с покрасневшими щеками, запыхавшаяся и чем-то испуганная.

Передо мной расступились, она обратила на меня взор, а когда я приблизился, не просто присела в поклоне, а встала на колени.

— Глерд, — сказала она раньше, чем я успел открыть рот, — прибегаю к вашей защите!

Я не знал, что надо отвечать и чем мне это грозит, но нечто древне-мужское, даже пещерно-самцовое каркнуло из меня громко и властно:

— Встаньте, глердесса!.. Разумеется, вы здесь под защитой.

Она поднялась, вскинула на меня робкий взгляд чистых, как у ребенка, глаз.

Мужик все понял, дернул коня за повод, понуждая идти с ним в сторону конюшни, а я сказал легко:

— Прошу вас вовнутрь, глердесса...

— Николетта, — подсказала она. — Николетта из рода Марлинг.

— Глердесса Николетта, — повторил я. — Вы расскажете, что случилось, а я подумаю, чем могу помочь.

Она воскликнула с чувством:

— Вы спасаете меня, благородный глерд!

Я перехватил встревоженный взгляд Ювала, рядом с ним хмурятся двое мужиков, чем-то недовольны, но помалкивают, и я ответил с той же легкостью в голосе:

— Я здесь человек новый, глердесса, мои возможности очень ограничены.

Она наклонила голову, понимая и принимая, я мог бы и вообще не дать ей убежища, кто знает, какие не-

приятности за нею тянутся, женщина даже во сне — к беде, если только не в эротическом, а красивая женщина точно беда.

В моих покоях я указал ей на кресло, сам сел не рядом, это неприлично, а в двух шагах повернул кресло в ее сторону и опустился со всем величием, на какое способен, в то же время стараясь не перебарщивать.

— Итак, леди Николетта?

Она подняла на меня взгляд прекрасных глаз, побледневшее было лицо снова начало стыдливо покрываться румянцем.

— Я убежала, — сказала она виноватым голосом, — потому что меня хотят похитить.

— Ого, — сказал я, — зачем? Простите, вообще-то я и сам бы вас похитил, это же понятно, вы просто восхитительны, но каковы мотивы ваших... предполагаемых похитителей?

Она опустила взгляд.

— Мотивы, как ни печально, самые что ни есть...

По коридору протопали шаги, дверь распахнулась, снова встревоженный Ювал, уже побледневший и взъерошенный.

— Хозяин!.. Там вооруженные всадники у ворот!.. Ругаются, грозятся!

Сердце сжалось, вот и неприятности, которые всегда следуют за женщинами, сразу же...

Я поднялся, оглянулся на глердессу Николетту.

— Ждите здесь.

Она пугливо пискнула:

— Да-да, жду...

Во дворе встревоженные мужчины и бабы гудят, как встревоженный улей, все развернулись в мою сторону, голоса стали тише, но не так, чтобы очень уж.

Ворота заперты, сверху двое мужиков, внизу испуганные бабы, оглянулись на меня с надеждой.

Мужик крикнул с ворот:

— Глерд Юджин, тут прибыли... Хотят говорить с вами!

— Калитку, — велел я. — Хотя нет, ворота. Мы никого не боимся.

Мужики переглянулись, с огромной неохотой вытащили бревно из петель, потащили створки на себя, открывая ворота во всю ширь.

Я вышел наружу, скосил глаза, ворота все еще открыты. Как ни страшно мужикам, но закрыть за хозяином не осмеливаются.

Всадников семеро, все в кожаных доспехах, у троих еще и кирасы из бронзы, а их вожак помимо кирасы еще и в металлических наручнях и поножах, красиво гарцует, горяча коня, поворачивается к воротам то одним боком, то другим.

Я сказал учтиво:

— Глерд Юджин к вашим услугам, дорогие гости.

Старший повернул коня в мою сторону, лицо гневно-веселое, подвижное, переспросил:

— Глерд Юджин?.. Не слышал. А где же глерд Келлер?.. Впрочем, это неважно. Нам нужна беглянка, ее следы ведут к вашему замку. Как вы понимаете, глерд, даже если хотите оказать ей покровительство и защиту, ничего не получится. Со мной шестеро прекрасных воинов. А вы один. Вы в самом деле хотите дать ей защиту?

Я поинтересовался осторожно:

— С кем имею честь?

Он сказал раздраженно:

— Капитан Брит, начальник стражи глерда Финлея Барклема. Но важнее то, что у вас сейчас совершенно нет гарнизона.

Я покачал головой.

— Простите, глерд, но вы ошиблись. Есть я. Новый хозяин Остеранса.

Он вскинул брови, чуть откинулся в седле, рассматривая меня с веселым удивлением.

— Правда?.. Впрочем, нам все равно. Выдайте нам беглянку. Или вы предпочитаете ответить отказом?

Я покачал головой.

— Нет, конечно. Как правильный и законопослушный гражданин, я всегда на стороне власти. Власть почти всегда права, потому убегающего от рук ее представителей нужно хватать и отдавать властям.

Он одобрил:

— Разумно. Потому выдайте нам эту девку, да побыстрее!

Я сказал с укором:

— Доблестный глерд, вы разговариваете с благородным глердом, это я о себе, а не с вашим конюхом. Я готов отдать вам беглянку, но сейчас сомневаюсь, что вы представляете власть, ибо в инструкции записано, что стражи порядка должны быть учтивыми и вежливыми, так как представляют народу самого короля, а в данном случае королеву.

Он вспыхнул, глаза заблистали гневом, моментально побагровел и стал шире.

— Вы отдадите, — рявкнул он, — немедленно!.. Я не зря гнался за нею весь день!.. И какая вежливость, когда речь о преступнице?

— Даже не спрашиваю, — ответил я, — в чем ее преступление, это не мое дело. Состав преступления и уровень вины определяет лишь суд, а я только уточняю, вы повезете в суд?

Он заорал люто:

— Хватит болтать! Это наша беглянка, и решаем только мы!

Я отступил на шаг, покосился в сторону распахнутых ворот. Там двое мужиков только ждут сигнала, чтобы как можно быстрее вернуть створки обратно, а в руках Ювала наготове засовное полено, больше похожее на бревнышко.

— Нет, — отрезал я. — Это моя земля. Только я здесь решаю, отдать или нет. Так что, дорогой глерд, убирайтесь в свой свинарник, где вам и место.

Его лицо налилось дурной кровью так страшно, что вот-вот лопнет, он раздул грудь, как боевой петух перед кукареку, и заорал диким голосом:

— Привести ее сюда!.. Кто помешает — убить!

Двое его всадников, не доставая оружия, ринулись на меня, я отступил, выдергивая пистолет. Они направили коней в ворота, но там с такой силой погнали створки ворот навстречу, что оба всадника, не успев сдержать коней, ударились о внезапно возникшую преграду.

Брит выхватил меч и, страшно оскалив зубы, поднял коня на дыбы и бросил на меня.

Я отпрыгнул, выхватил пистолет, мысленно сказал «пуля» и, направив ствол в грудь капитана, нажал на курок.

Выстрел прозвучал неслышно, куда громче кричат люди и ржут кони. Я успел повернуться как раз в момент, когда увидел, как те двое, что поцарапали морды о ворота, уже с мечами в руках поворачивают коней в мою сторону.

— Ребята, — крикнул я, — вы зря...

— Умри! — заорал один, а второй ринулся с поднятым мечом молча.

Я выстрелил дважды, пули просадили бронзовые доспехи с такой легкостью, словно те из тонкого картона.

Не рассматривая, как свалятся, я развернулся, остальные четверо всадников, толкаясь и мешая друг другу, явно не разобрались еще, что случилось, пустили на меня коней, в руках мечи и копыя, а я, чувствуя уже прилив адреналина и ярость, начал стрелять как можно чаще, всаживая в каждого по две-три пули, а когда сползли с седел, еще и посмотрел, кому бы контрольный в голову, а это надо, а то всего трясет так, что, ухватись за грушу, все до одной осыпались бы на землю.

Глава 13

Кони с опустевшими седлами ржут и мечутся перед воротами, убегают, но недалеко, в самом деле усталые, там опускают головы и начинают щипать траву.

Я поднял голову, с верха ворот на меня смотрят вытаращенными глазами мужики, рядом с ними появился бледный и решительный Ювал с плотницким топором в руках.

— Откройте ворота, — распорядился я, — поймайте коней. В хозяйстве все пригодится.

Створки ворот снова поползли в стороны. Ко мне выскользнули мужики и даже бабы, осматриваются в ужасе.

Примчался Ювал, все еще не выпуская из рук топора, кивнул на трупы:

— Что с ними?

— Закопать, — велел я. — А то дни жаркие, зачем сразу разносить?

Он посмотрел с изумлением:

— Что такое зараза?

Я отмахнулся.

— Если не знаете, то все прекрасно. В общем, бдите. Если кто-то покажется еще, закрывайте ворота и зовите меня.

Ювал спросил быстро:

— С конями понятно, а что с их оружием и доспехами?

Я ответил равнодушно:

— Если кто готов защищать замок, пусть возьмет себе. Если нет, закопайте их всех с доспехами и оружием.

Оба посмотрели на меня как на безумного, кто же закапывает такие драгоценности, а я держал морду каменной, стараясь не показывать, что всего трясет, только сейчас ощутил во всем объеме, что застрелил семерых человек. То есть убил, лишил жизни. Тячайшее преступление...

— Господин, — обратился ко мне Ювал.

— Все дальше сами, — ответил я.

Хотя вообще-то холодная волна прошла по телу, словно подуло северным ветром, но тут же незримую дверь закрыли, и уже ничего не трясет.

Во-первых, не так уж и жутко кого-то убить. Еще раньше троих бандитов уложил, но не успел ощутить, как оказался в этом мире, а здесь убийство не такое уж и преступление, даже вообще не преступление, если в порядке самозащиты или защиты близких.

Я оглянулся, убитых переворачивают, срезают мешочки с монетами, обшаривают карманы, начинают сдирать доспехи, кто-то умчался в распахнутые ворота, старательно прижимая к груди собранные мечи, копыя и топоры.

— Когда закончите, — велел я, — ворота закрыть, выставить двойную охрану! И сразу звать меня, если что.

Ювал отчеканил преданно:

— Будет сделано!

Мужики тоже двигаются быстрее и смотрят преданно, что и понятно, ощутили во главе их слабой стаи сильного волка, с ним всех порвут, а женщин заберут себе.

Я взбежал на крыльцо, в холле попалась женщина, но я даже не посмотрел, насколько низко приседает и насколько у нее видно, поднялся к себе наверх и резко распахнул дверь.

Глердесса Николетта вспикнула перепуганно, стоит посреди комнаты с вытаращенными глазами и вся трепещущая, кулачки сжаты и притиснуты к груди, щеки бледные, как алебастр, дышит часто, уже снова убегает, быстро-быстро перебирая лапками.

Я сказал небрежно:

— Сидите, сидите, я же не король... Да сядьте же! Не могу же сесть, пока вы передо мной что-то выстаиваете...

Она пропищала:

— Я не выстаиваю, мне страшно!..

Я выждал, когда сядет, сам опустился в кресло, тело все еще сведено напряжением, как же, я всаживал пулю за пулей в живых людей, а мне это жуткое и несправедное дело, надо признаться, понравилось.

— Вы либо соврали, — сказал я, — либо ошиблись. В общем, след вы замечали плохо, за вами увязалась погоня. И почти настигла. Сейчас семь человек остались по ту сторону ворот, а мое сердце бедное свело скорбью и печалью...

Она побледнела, в глазах метнулся страх.

— Они требуют... выдать меня?

— Еще как, — сообщил я. — С непристойными угрозами.

Она прошептала:

— Это капитан Брит. Только он мог настигнуть меня так быстро.

— Точно, — согласился я. — Он самый. Так что вы можете сказать в свое оправдание?

Она вскинула голову, выпрямилась с неожиданно проступившим достоинством отчаяния.

— Глерд, я взываю к вашей защите! Вы должны спасти меня!

— Почему? — поинтересовался я. — А вдруг вы там короля зарезали? Ну ладно, короля можно, у него работа связана с постоянным профессиональным риском, но если и малых детей закололи кинжалом? Или за ноги и головой об угол?.. Так, чтобы мозги в разные стороны?

Она отшатнулась, на лице крайнее отвращение.

— Глерд! Я не совершала преступлений!

— Тогда вас можно выдавать королевскому отряду, — решил я. — Думаю, вы легко докажете свою невинность.

Она вскрикнула:

— Нет!

— Что нет?

— Не выдавайте!

— Почему?

— Не будет суда, — выпалила она. — Меня просто заточат в башне и не позволят никому навещать!

— Почему? — спросил я. — Ах да, вы носительница некоей важной тайны? Тогда вас точно нужно в темницу. Государственные секреты воровать нельзя, это шпионаж. А так как вы перебежали границу, то это вообще международный шпионаж, страсти какие!.. А я не могу поддерживать противоправные действия против незаконного королевского режима.

Она топнула ногой.

— Нет!.. Это личные тайны!

— И потому такая погоня? — спросил я с недоверием. — Ладно, что сделано, то сделано. В общем, я вас не отдал.

Она спросила с надеждой и недоверием:

— Они уехали... ни с чем? Но все равно вернуться!

— Эти вряд ли, — сообщил я. — Или они зомби? А другие, если и явятся, то не скоро. До замка этого Финлея Барклема сколько миль?

Она подумала, ответила со вздохом:

— Мало. Где-то всего миль семьдесят.

— Значит, — сказал я, — сегодня точно гостей не ждем. А завтра будет завтра. И, может быть, придут новые. А этих сейчас закапывают. В сторонке от дороги.

Она охнула.

— Они погибли?

— Немножко, — ответил я. — Немножко погибли.

Она распахнула глаза.

— Немножко... это как?

— Только тела, — любезно сообщил я. — Души я не трогал! Совершенно. Так что они живы и, надеюсь, здоровы. Хотя, конечно, бывают и больные души, прожженные, дырявые, а то и вовсе мертвые...

Она спросила торопливо:

— Погибли все? И капитан Брит?

— Да сколько их было, — буркнул я. — Всего семеро. Вместе с капитаном. Можно было бы послать мальчишку с прутиком разогнать, но я там оказался как раз в то время... Я не совсем уверен, что поступил правильно. Вообще-то если бы этот капитан попросил отдать вас вежливо, я бы отдал. Я и сам вежливый, вы заметили?

Она охнула:

— Выдали бы?

— Отдал бы, — уточнил я. — Но он оказался груб, а я эстет, знаете ли. В общем, я уговорил их отказаться от своей идеи.

Она прошептала, глядя на меня широко вытаращенными глазами:

— Это называется уговорили?

— Точно, — ответил я. — Я вообще человек вежливый и люблю уговаривать. Вас как, уговаривать надо?

Она тут же гордо выпрямилась, глаза блеснули гордостью и гневом.

— Я невинная!

— Правда? — переспросил я с сомнением. — Я думал, невинны только младенцы... Знал же, что церковь все врет.

— Я девственница, — уточнила она.

— Это легко исправить, — заметил я. — Не хотите? Ну как хотите, баба с воза... Я вообще-то на вашу невинность и не покушался. Я вообще-то не спокучливый.

Она смерила меня недоверчивым взглядом.

— Точно?

— Даю слово, — заверил я. — Клянусь всем, чем только хотите. У меня, знаете ли, тут куча других соблазнов. Вообще-то, глердесса... слуги сейчас приготовят для вас комнату. Туда занесут кровать, если найдут, а не найдут, то сколотят, заташат кое-какую мебель, подметут, навесят шторы... В общем, завтра уже будет все готово. А сейчас как-то переживем ночь в одной кровати. К счастью, она достаточно широкая. Вы ляжете с краю или у стенки?

Она отшатнулась.

— Что такое... у стенки?

Я хлопнул себя по лбу, моя кровать под балдахином расположена почти посередине комнаты, как и положено, потому и шторы со всех сторон, чтобы хоть как-то сделать спальню из самой кровати в огромном зале.

— Ах да, стенка далековато... Справа или слева?

Она проговорила с негодованием:

— Вы поклялись, что не покуситесь на мою девственность!

— Я и не собираюсь, — заверил я. — Но, во-первых, как я уже сказал, покои для вас будут готовить всю ночь, чтобы с утра вы могли туда перебраться, а пока что вот так. Во-вторых, я, как вы уже поняли, человек здесь новый, мне нужно освоиться. А вы, как местная, расскажете, как здесь и что. Это поможет мне легче вас защищать! Только для этого!

Она проговорила в сомнении:

— Честно? Только для этого?

— Ну да, — заверил я, подпустив в голос обиды. — А для чего еще? Мне срочно нужно узнать о замке и землях этого глерда Финлея Барклема, с кем он граничит еще, кто его соседи, в каких отношениях, на кого мне положиться, кого опасаться...

Она проговорила в затруднении:

— Это я знаю, наш замок по ту сторону границы, но близко. Хорошо, но только...

— Клянусь, — подтвердил я, — никаких посягательств на вашу девственность! А самое главное... со мной прибыл мой друг, а это такой жук, что обязательно лишит вас невинности. Он такой, предупреждаю.

— Ой!

— Потому, — закончил я, — как это ни странно прозвучит, но единственный шанс для вас сохранить невинность — разделить со мной ложе, но можно и постель. Повторяю, она такая широкая, что мы точно не подемся за место.

— Ох, — сказала она таким несчастным голосом, словно очутилась между львом и крокодилом, — придется довериться вашему честному слову...

Утром она выглядела как нельзя больше ошалелая тем, что проделывали с нею и что проделывала она сама, спасая свою девственность, но я сделал вид, что ничего особенного не случилось, так, рутина, все норм, не хотите ли пирожные в постель?.. Ладно, тогда позавтракаем за столом...

Там она тоже то и дело краснела, встречаясь со мной взглядом, опускала глазки, свято уверенная, что развратнее ее нет женщины во всем королевстве, потом вдруг вспоминала, это вижу по вспыхнувшим глазам, что девственность все еще в неприкосновенности, так что по-прежнему невинна и чиста, можно смело и бесстыже смотреть всем в глаза.

Слуги подают еду на широких блюдах, холодное и жареное мясо, рыба, овощи и даже крупные гроздья винограда, светлого и черного. Ни вилок, ни даже ложек, да и зачем, руками хватать куда проще.

Еды вдоволь, а так как я родился во время изобилия, то совершенно к ней равнодушен, но чавкаю, чтобы поддерживать глердессу Николетту, она уплетает за обе щеки с явным удовольствием, нежная и трепетная, как экзотичная бабочка, но чистенькая и здоровая.

— Значит, — сказал я, продолжая разговор, начатый еще вчера вечером в постели, — королевство Уламрия сейчас выходит из рецессии... в смысле, восстанавливается после разгула мятежей Большого Крагена и Кровавой Охоты...

Она посмотрела на меня в замешательстве, даже перевела быстро-быстро взгляд на свою грудь, чего это я вдруг, помялась с ответом и предположила:

— Да, восстанавливается... это для вас плохо?

— Что вы, — воскликнул я, — как гуманист и миротворец, я дико рад и счастлив! Все должны жить мирно и счастливо!.. Правда, многие, разбогатеv, почему-то на-

чинают смотреть на бедных соседей и подумывать, как бы и тех обобрать... Дико, да? Все должно быть наоборот, но мы же люди, а не звери! Это зверь, если сыт, других не трогает, а человек, нажравшись, думает, на кого бы напасть...

— Ой, — сказала она опасливо, — неужели будет снова война?

— Как гуманист, — повторил я, — радуюсь успехам соседа. Как прожженный демократ, понимаю, что радоваться надо неудачам, хотя это и неприлично, если вслух. Во всяком случае, теперь нужно смотреть внимательнее, что происходит на границе, что слишком уж близко...

— Да, — подтвердила она, — ваши владения не просто близко, а даже влезли клином в земли королевства Уламрии. А там ближайший сосед...

— Финлей Барклем?

Она покачала головой.

— Нет, тот чуть дальше, но тоже не подарок. А еще ближе лорд Джеймс Велли.

— Лорд, — повторил я, — или глерд?

— В нашем королевстве знатных называют лордами, — объяснила она. — Джеймс Велли был великим воином, но сейчас живет уединенно, а замком и землями правят трое сыновей...

Глава 14

Вернулся Фицрой, усталый, покрытый пылью дорог, лошадь роняет клочья желтой пены, бока лоснятся.

Он спрыгнул и крикнул строго:

— Обтереть самыми мягкими полотенцами с головы до ног, покрыть поцелуями от ушей до копыт, поводить

по двору, пока не остынет, а потом хвалить, кормить и поить вволю, она сегодня превзошла себя! Умница моя!..

Я спросил с интересом:

— Как поездка?

— Ты богат, — сообщил он с удовольствием. — Я видел, получено нехилое состояние, но оказалось, даже больше, чем нехилое. Три села и семь деревень! Восемь озер! А какой лес, какой лес!

— Хорошие новости, — сказал я.

— А как у тебя?

— Семь трупов, — сообщил я. — Даже не знаю, это хорошо или плохо?

Он отшатнулся.

— Когда ты успеваешь?.. А насчет хорошо, это смотря к какой церкви принадлежишь.

— Правда? — спросил я. — Тогда можно я буду принадлежать то к одной церкви, то к другой?

Он хмыкнул.

— Думаешь, ты один такой?.. А что случилось?

— Пойдем в дом, — ответил я. — Перекусим, там и расскажу. Ты как, на аппетит подробности не влияют?

— Еще как влияют, — заверил он. — Да еще если с вином! Надеюсь, у бывшего хозяина хороший подвал? А то, стыдно признаться, я так и не посмотрел. Это непростительно. Старею.

— Я тоже, — признался я. — Вино и женщины — что может быть главнее? А мы то за свои шкуры трясемся, то вообще о государстве думаем, стыд какой!..

По дороге наверх он явно обратил внимание на то, что слуги носятся как угорелые, кланяются с охотой, вообще-то как все ожили, вижу по его лицу, но он смолчал, и только когда поднимались по лестнице на третий этаж, сказал небрежно:

— Если не сегодня, то завтра с утра придут десять крепких мужиков и восемь женщин. А теперь рассказывай ты.

— Сядем за стол, — ответил я, — а то упадешь посреди коридора.

Он довольно хохотнул.

— Хорошее начало!

В комнату слуга внес и с поклоном переложил с подноса на стол две широкие тарелки с рубленным мясом, отдельно положил краюху хлеба.

— Пока не густо, — сказал Фицрой и, вытащив из ножен кинжал, принялся резать его на ломти. — Давай, что там за трупы?

Я начал рассказывать, не забывая про еду, раньше бы обязательно побежал к психоаналитику и, дрожа и заикаясь, начал бы рассказывать про убийство и умолял бы поскорее стереть из моей памяти такое шокирующее событие, а сейчас вот жру с аппетитом, чувствую вкус жареного мяса и свежего ароматного хлеба, явно пекли с добавкой каких-то трав...

Фицрой слушал внимательно, но забрасывать в пасть куски мяса не забывал, кивал, мычал одобрительно, один раз только уточнил, на каком расстоянии они были, когда я их перестрелял из магического арбалета, очень толковый и профессиональный вопрос, потом спросил заинтересованно:

— А сама глердесса где?

— Отдыхает в своих покоях, — отрезал я.

Он изумился:

— Уже в своих?

— В тех женских, — уточнил я, — что мы видели. Все равно добро пропадает, пусть пользуется, там такие кремы и притирки! Или ты решил воспользоваться сам?

Он посмотрел несколько удивленно.

— Ты чего?

Я сказал поспешно:

— Да я не о том, о чем ты подумал! Я к тому, что вдруг захочешь выгодно продать, как слюну дракона или струю саламандры?

Он покачал головой.

— Пока нет, у меня другое в планах... Кстати, а что я должен был, как ты сказал, подумать?

Я не ответил, прислушиваясь к шуму за окном, а когда выглянул, встревожился так, что рука дернулась к пистолету: во дворе полно всадников, слышатся грубые мужские голоса.

Фицрой сказал небрежненько:

— Молодцы, быстро управились. Я сказал, что на службу возьмешь самых шустрых.

— Да мне сейчас хоть кого, — проворчал я с облегчением.

С едой закончили и перешли на вино, когда дверь отворилась и вошел крупный мужик с красной рожей солдафона, с черными, небрежно подстриженными усами и в короткой черной бороде. Глаза тоже темные, уставился с ходу прицельно: что за новый хозяин, нельзя ли его подмять и командовать всем, а он пусть только пьет, ест да девок таскает в постель, что еще мужчине надо, как думают недоросли...

Фицрой сказал весело:

— Это Риттер Широкий Щит. Прошел пять войн, участвовал в десятках сражений, в этом году решил осесть для мирной жизни, но на свою беду попался мне на глаза... Мужики тоже из его села, так что слушаться будут. Рекомендую его в начальники охраны замка.

Мужик коротко поклонился, я сказал с надлежащим высокомерием глерда и должной долей суровости воителя, что и в постель с мечом, как Роланд с Дюрандалью:

— Меня зовут Юджин. Отныне... ну ты понял.

Мужик чутьочку поклонился.

— Понимаю, глерд Юджин. Какие будут приказы? Я привел из села десять человек по указанию вашего... гм... собутыльника глерда Фицроя. Их нужно будет обучить и вооружить...

— Пока приказов никаких, — ответил я. — А вот вооружить и обучить... Начинать обучать сейчас. Деревянные мечи выстрогать нетрудно, потом достанем и настоящие. Или что-то не в порядке?

Он пожал плечами.

— Будет в порядке. Обучим.

— Тогда действуй, — сообщил я. — Остальное неважно. Со мной нет орды дармоедов, которых нужно пристроить на хлебные места. Посмотри замок, выбери, где лучше расположить лучников.

Его дубовое лицо не изменилось, но мне показалось, что доволен. Может, даже подумал, что раз хозяин так молод, то военному делу будет уделять повышенное внимание. Пацаны и дураки обожают держать в руках оружие.

Фицрой остаться на ночь отказался наотрез, в какой-то деревне показали руины крепости древних гагелленов, а они все были известны как великие чародеи и собиратели сокровищ. Пока не опередили, нужно бы пошарить там...

— Ох, — сказал я с сожалением, — повадился кувшин по воду ходить... Ты там не слишком рискуй. Мне как-то немножко будет жаль, если тебя прибудут или в руинах завалит.

Он вскинул руку и вылетел галопом в поспешно раскрытые для него ворота. Коня сменил, тот устал, а он сам, значит, не устает, как и положено мужчине.

Когда я вошел в кабинет, Николетта наблюдала за двором и закрываемыми воротами из окна.

Повернувшись, зябко передернула плечами. На лице смущение и даже легкий страх.

— Опасный человек, — прошептала она. — Вы правы, такому лучше не попадаться... Может быть, и вы такой же, но вам верю чуточку больше.

— Спасибо, — сказал я. — спасибо за доверие! Я себе вообще-то не верю совсем, ну такой я человек, замечательный и разный, но ваша вера меня окрыляет и делает как бы лучше во всех разных отношениях.

Вбежал слуга, крикнул с порога:

— Господин!.. К замку приближаются всадники!..

— Большой отряд? — спросил я быстро. — Вооружены?

На его лице ничего не отразилось, но в глазах мелькнуло что-то: а как же иначе, кто же ездит через лес без оружия, но ответил с прежним подобострастием:

— Да, все при оружии, а всего их пятеро.

— Собрать всех, — велел я, — кто успел прикарманить доспехи, пусть будут на виду. Нет, драться не надо, пусть надувают щеки и стоят грозно и как бы.

— Все передам Риттеру, — крикнул он и убежал.

Всадников пятеро, одежда и сапоги покрыты пылью, кони измучены настолько, что не могут поднять головы. Впереди молодой воин, почти юноша, торопливо покинул седло, едва я показался в воротах.

— Благородный глерд, — произнес он с чувством, — я Илвар Серебряная Стрела... Простите, благородный глерд, я просто валюсь с ног от усталости. Я примчался

в ее замок раньше, чем капитан Барт с его людьми, но глердесса Николетта, опасаясь попасть в руки жестокого Финлея, уже скрылась в неизвестном направлении...

Я прервал:

— Дальше я знаю. Глерд, слуги отведут вас в столовую, покормят, а потом вы расскажете подробнее, из-за чего все и как. Мне как-то не очень хочется влезать в местные конфликты.

— Но глердесса...

— У меня, — прервал я, — можете сразу повидаться с нею, можете сперва подкрепить силы и рассказать мне, кому и почему я помогаю. Ваших людей примут и накормят. Коней можете сменить, у нас их неожиданно стало больше, чем ожидалось...

Я махнул рукой, чтобы открыли ворота, всадники уже слезли и повели коней в поводу. Навстречу вышли наши во главе с хозяйственно осматривающимся Риттером, начали разбирать коней, а людей повели в общую трапезную.

Илвар, несмотря на молодость, держится по-мужски: отказался встретиться с Николеттой раньше, чем все расскажет мне и ответит на вопросы, что правильно, хотя для влюбленного и трудно.

За хорошо, хоть и торопливо накрытым столом он начал рассказывать с горячностью:

— Мы были помолвлены с детства! Часто играли вместе, рылись в песочке и ловили бабочек. И ничто не радовало больше, чем осознание, что мы не расстанемся и когда станем взрослыми.

— Прекрасная перспектива, — согласился я. — И что же... внесло коррективы?

— Богатство рода Марлинг, — ответил он со вздохом, — к которому принадлежит и Николетта. Благодаря целому ряду случайностей их земли прирастали то из-за

смерти герцога Клайя, дальнего родственника, который не оставил близких наследников и потому все владения отошли к роду Марлингов, то из-за барона Мемеля, который рассорился со своими сыновьями и назло им отдал половину земель роду Марлингов, с которым в весьма отдаленном родстве, но всегда дружил с лордом Страндером, это отец благороднейшей леди Николетты...

Я пробормотал:

— Кажется, понимаю. Пока род Марлингов принадлежал к среднему или даже полусреднему классу, на него внимания обращали мало. А когда стал выходить в магнаты...

Он вздохнул.

— Вы удивительно проницательны, глерд. Род Марлингов не просто усилился слишком быстро, но это усиление было... односторонним.

— Глерд?

— Не подкрепленное, — пояснил он, — дружиной и деньгами. Конечно, сами по себе земли — это богатство, но еще нужно успеть собрать налоги, чтобы закупить оружие и доспехи, нанять и обучить дружину, а у лорда Страндера всего дюжина человек, да и то лишь псы и загонщики...

— Земли еще не отняли? — спросил я.

Он покачал головой.

— Нет, у лорда Страндера хорошая репутация, его уважают, но... как владельца прежнего малого поместья. Чтобы войти в круг повыше, недостаточно только обширных земель...

— Нужна еще и дружина, — досказал я, — способная их защитить. Все понятно. А леди?

Он вздохнул совсем тяжело, голова повисла, словно налитая свинцом.

— Она красивая девушка, вы сами видите, и женихов у нее всегда было достаточно. Но когда внезапно пришло богатство в виде земель, появились и такие женихи, которые раньше в ее сторону и не смотрели.

— Ну-ну, — сказал я. — Отсюда подробнее. Я с кем-то успел нечаянно поссориться, а это не в моем характере пацифиста.

— Это были люди Финлея Барклема, — сообщил он злым голосом. — Подлая сволочь, жадная и двуличная!.. Он уже стар, дряхлый старик, как он может пытаться взять ее в жены?

— Сволочь, — согласился я. — Сколько этому дряхлему старику лет?

— Тридцать пять, — сообщил он с возмущением. — Через два месяца стукнет тридцать пять, а он возмечтал жениться на юной невинной девушке!

— Действительно дряхлый дед, — согласился я. — А вам сколько?

— Девятнадцать, — сообщил он.

Я уточнил:

— Вообще-то он возжелал жениться на огромных землях, которые получит в виде приданого. На саму Николетту, как говорите, не обращал внимания?

— Да, — ответил он с горечью, — но что это меняет? Земли захватить не может без женитьбы, а я не хочу отдавать леди Николетту!

— Тоже понятно, — ответил я.

Он сказал с горечью:

— Моих сил недостаточно. К тому же отец и вся моя семья начали уговаривать отступить. Дескать, Николетта сама захочет войти в высший свет и быть принятой в королевском дворце! Это честь, это высокий ранг, это положение в обществе...

Я пожал плечами.

— Может быть, все может быть. Женщины, знаете ли, чаще всего ищут богатых женихов... Хотя, конечно, как и во всем, исключения бывают, кто бы подумал, даже здесь. Леди Николетта пока что отчетливо показала всем, насколько желает стать глердессой Барклем. Хорошо, глерд Илвар. Допивайте вино, ваша милая Николетта ждет вас и томится сладкой негой... в общем, ждет в нетерпении. Я ей предоставил покои дочери бывшего владельца. Слуги вас проводят.

Я нарочито не пошел с ним, чтобы не смущать Николетту, пусть наговорятся наедине и состыкуют свои дальнейшие планы, хотя какие у них планы, я тоже в их возрасте мог планировать только на день вперед, а теперь, сильно повзрослев, планирую уже на два дня, а то и на три.

Ювал появлялся несколько раз, уточняя насчет новых правил, но я всякий раз подтверждал, что не намерен нарушать старые уклады, не революционер, дескать, а эволюционер, будем улучшать мир понемножку, чтобы не одурел от умственной перегрузки.

Риттер сообщил, что не помешает помимо кузнеца, что вообще-то хорошо, взять на службу и хорошего оружейника, не дело кузнеца чинить доспехи и ковать мечи.

— У меня есть на примете двое, — сообщил он. — Один в ваших землях, другой вроде бы у Финлея, но родня где-то близко. Можно сманить, если дать работу и платить хорошо.

— Прекрасно, — согласился я. — Займись!.. Оружейник нам понадобится.

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Думаю, даже очень понадобится.

Фицрой исчез, но как-то странно исчез: время от времени доносился его звучный и напористый голос, но всякий раз с другой стороны, да и слуги на мой вопрос отвечали, что только что его видели: одни — в винном погребе, другие — с женщинами, третьи утверждали, что он только что обыграл стражников в кости и собрался погулять в трактире на перекрестке дорог...

Глава 15

Илвар Серебряная Стрела седлал коня и негромким голосом разговаривал с двумя из своих людей. Увидев меня, они тотчас же ушли, не забыв поклониться, а он повернулся ко мне с виноватой улыбкой на лице.

— Что-то случилось? — спросил я с тревогой.

Он покачал головой.

— Очень хочется побыть у вас дольше, доблестный глерд... Мне уже рассказали, как вы защитили беглянку. Однако наш мужской долг напоминает очень уж настойчиво, что он у нас есть...

Я улыбнулся, развел руками.

— Что ж, забирайте свою невесту! Желаю вам удачи и семейного счастья.

Он помялся, тяжело вздохнул.

— Не все так просто...

— А что мешает? — просил я настороженно.

Он опустил взгляд, снова вскинул голову и посмотрел мне в глаза.

— Доблестный глерд... с моей стороны это великая наглость, но я в отчаянии, могу сказать и глупость... Поскитавшись всего трое суток по лесам, я понял, на-

сколько трудно будет со мной Николетте, если пустимся в бега вместе.

— Ну-ну, — сказал я, — хотите все-таки отдать ее Финлею? Тогда вытребуйте что-нибудь взамен. Нужно быть коммерсантом!

Он покачал головой.

— Мне как-то не до шуток. Я уже начал собирать сторонников, чтобы дать ему отпор. Он у многих вызывает недовольство растущими амбициями, а в последнее время вообще перешел все границы!.. Но нам нужно время.

— А я при чем?

Он сказал жалким голосом:

— Я прошу вас дать приют леди Николетте еще на несколько дней!.. Она говорит, вы приняли ее уважительно и с надлежащими знаками внимания, устроена здесь хорошо и сможет дожидаться нашей победы.

Я поморщился, от него это не ускользнуло, и, думаю, если и появлялись какие-то мысли насчет моего посягательства на ее честь, то сейчас рассеялись окончательно.

— Постарайтесь закончить это дело побыстрее, — сказал я наконец. — Как благородный человек я дал беглянке защиту. Надеюсь, слуги хорошо устроили ее в женской половине замка... или где там она сейчас, но у меня своих проблем хватает. Я только-только сам получил эти владения, как вы уже знаете. Мне нужно осваиваться, я не хочу быть втянутым в какие-то местные дразги...

— Глерд, — заверил он пламенно, — мы решим все в несколько дней!.. Просто Финлей надеялся захватить нас врасплох, что почти удалось, но теперь мы стянем все наши силы и просто прихлопнем его, как муху!

— Отправляйтесь сейчас?

— Да, у нас все готово.

— С невестой попрощались?

Он вздохнул.

— Она меня не отпустит...

— Будьте мужчиной, — сказал я отечески, хотя сам ненамного старше, но моя цивилизация старше, потому и я сам страсть какой мудрый, — попрощайтесь и все объясните...

Кивком подозвав Ювала, я велел привести сюда Николетту, а сам деликатно удалился.

Уже из окна второго этажа видел, как Николетта то-ропливо выбежала во двор, Илвар резко обернулся, она бросилась к нему, раскинув руки, однако за два шага остановилась и пошла, как и положено благовоспитанной глердессе: медленно и опустив глаза.

Они так нежно смотрели друг на друга, держась за руки, что мне стало за них неловко, но вроде бы не подрались, потом жених галантно поцеловал ей пальчики и, быстро отвернувшись, вскочил в седло.

Конь сразу вскинул голову, ржанул и попытался пойти вскачь, но всадник натянул повод.

— Я вернусь с победой, — пообещал он срывающимся от волнения голосом. — Ждите меня, благородная леди Николетта!

— Я буду ждать, — пообещала она. — Вы даже не представляете, как я буду ждать!

Когда они с конем и остальными всадниками скрылись за выступом леса, она вернулась в донжон, где на втором этаже отыскиала меня, в глазах все еще поблескивают слезы.

— Спасибо, — проговорила она с чувством. — Спасибо и за спасение... и за то, что дали нам поговорить наедине!

— Нет проблем, — ответил я. — Вы взрослая девушка.

— Но все равно я стеснялась, — призналась она.

— Вам стесняться нечего, — заверил я твердо. — Вы ему верны, ваше сердце принадлежит только ему!.. Он возьмет вашу девственность, а вы родите ему красивых и здоровых детей. Все хорошо, все хорошо!.. А пока возвращайтесь в дом, а то здесь дует, а вы такая нежная...

Вернувшись к себе в кабинет, некоторое время сидел за столом, прислушиваясь. На новом месте чувство самосохранения обострилось еще больше: чувствую неприязнь за десятки шагов, таких трое, нет, четверо, у двух откровенный страх, остальные обитатели замка как будто и не существуют, что значит, я им вообще-то по фигу, что один хозяин, что другой...

Это хорошо, а вот к тем, кто боится, нужно присмотреться. Хорошо, нет ни у кого чувства ненависти или желания всадить нож в спину, этих почувствовал бы в первую очередь.

Раз уж выдалась свободная минутка, я закрыл дверь на засов, да не войдет никто даже случайно, и, выхватив пистолет, быстро выстрелил несколько раз в противоположную стену, меняя цель для каждой пули.

Стрелок из меня хреновый, но когда спасение шкуры может зависеть от того, как быстро и как точно стреляю, то волей-неволей станешь ганфайтером.

К счастью, пули ничего не стоят, к тому же наконец-то перестал вслух и даже мысленно произносить слово «пуля», достаточно помнить, что она уже в стволе и появляется там сразу, как только оттуда исчезает предыдущая.

В конце концов начало получаться что-то вроде пистолета-пулемета, выстрелы гремят так часто, что сливаются в единое стрекотание... нет, пока только щелканье.

Такая стрельба вообще-то не есть хорошо, очень уж неприцельно, однако могут быть ситуации, когда важна не точность, а именно количество пуль...

Наступил вечер, приятная усталость уже растекается по телу, скоро нырну в постель к Николетте... Блин, конечно, это вроде бы не совсем хорошо, что сплю с нею, а глерд Илвар отважно сражается за их общее счастье, собирает родню, как бы обманываю, но, с другой стороны, я же не посягаю на самую главную ее ценность?

Так что все ее земли перейдут вместе с нею к ее мужу, глерду Илвару. Я не навредил, а даже помог, больше будет проводить времени с нею, станет верным мужем, а не пойдет сразу после женитьбы по распутным и очень умелым девкам.

Хотя, конечно, что-то копошится такое, что здесь это нехорошо, но я же человек своего века? Ладно, там посмотрим...

Ювал занес на подносе нехитрый ужин из мяса и хлеба, а еще неизменное вино, спросил уважительно:

— Какие-то еще пожелания?

Я подумал, кивнул.

— Да. Принеси какой-нибудь матрас... или что-то вроде. Надо постелить на вон той лавке, достаточно широкая для моего низа спины, что называется уже не спиной, верно?

Он проговорил озадаченно:

— Господин... будет спать здесь?

— Да, — ответил я нетерпеливо. — Я свою спальню пока уступил госте.

Он пробормотал:

— Хорошо. Я распоряджусь, чтобы вам принесли подушки и постелили чистые простыни. Только что из сел

прибыли женщины, которых ваш товарищ отобрал для работы в замке... все сделают.

— Хорошо, — ответил я коротко, стараясь не встречаться с ним взглядом, чтобы не увидеть изумление при виде такого дурака. — Пусть постелят.

Да сам знаю, что дурак, но это, наверное, во мне просыпается хитрое чувство приспособляемости. Здесь вроде бы в ходу честь, вот я и буду делать вид, что я как бы тоже честный и соблюдающий какие-то смешные принципы.

Фицрой, ну орел, отобрал в деревне таких горячих штучек, что я едва удержался, чтобы не потащить в постель сразу же, еле уговорил себя, такую упрямую скотину, отложить до того дня, когда жених увезет Николетту, а то как-то неловко, хотя не понимаю, почему неловко. Видимо, срабатывает моя хитрая мимикрия под благородного глерда...

Утром объяснил изумленной Николетте, что всю ночь гонял химер вокруг замка, потому и не пришел к ней, а сейчас надо ехать с инспекционной поездкой по селам, которые принадлежат теперь мне.

Николетта, как мне показалось, даже огорчилась, что провели ночь не вместе. Обладая живым и отважным характером, быстро осваивалась с новыми реалиями жизни, ее любопытству нет границ, уже на вторую ночь я убедил, что ей не обязательно лежать, как бревно, мужчинам это надоедает достаточно быстро, а ведь ей же хочется постоянно нравиться своему жениху?

Фицрой носится как ветер на своем неутомимом коне, уже очертил границы моих владений, а когда я сказал, что хочу посмотреть на свои села, ликующе воскликнул:

— Давно пора!.. А то уже год сидишь, как гриб!.. Не год еще? Ну все равно год! Даже не знаю, штаны прилипли?.. Седлай коня, покажу!

Как только выехали, он сразу же погнал по уже разведанной им дороге, сообщив, что там интереснее. Я промолчал, на самом деле отправился в поездку больше для того, чтобы не видеть удивление в глазах Николетты, но вообще-то пора и посмотреть, что это у меня за села, я типа крепостник или рабовладелец, или же статус какой-то другой, более современный...

По дороге заскочили в село по дороге, Фицрой гордо объяснил, кто я и почему я, затем помчались дальше и дальше, пока не добрались до села, которое на моей карте находится почти у границы с королевством Уламрия.

Мы прибыли в момент, когда группа всадников с хохотом гонялась за местными женщинами. Мужчины пугливо жмутся к домам, стискивая в руках топоры и вилы, дети плачут, женщины постарше бесстрашно выскакивают чуть ли не под конские копыта и уводят детей в дома.

— Это кто такие? — крикнул я одному из крестьян.

Он прокричал с надеждой:

— Глерд, это люди Джеймса Велли!.. Защитите нас!

— Кто он такой?.. — крикнул я.

Вместо него ответил зло Фицрой:

— Это твой сосед. Похоже, редкая сволочь. А главное, вообще из королевства Уламрия!

— А почему, — начал я, потом вспомнил о предостережении Мяффнера. — Сейчас разберемся.

Один всадник лихо прыгнул прямо с седла на убегающую молодую женщину, она упала под его весом, а он с хохотом принялся задираť ей платье.

Я пустил коня вскачь, повод в левой, правой выдернул пистолет, но на скаку даже не стал целиться, стрелок из меня хреновый, натянул повод и прокричал:

— Кто такие?

Трое всадников придержали коней, двое сразу повернули в нашу сторону, третий чуть погодя, но этот третий сразу вытащил меч из ножен, и выражение его лица мне очень не понравилось.

Фицрой лихо выхватил меч, красиво крутнул в руке.

— Их всего пятеро!.. Да, это люди Джеймса Велли, судя по цветам их одежды.

Всадники приближались к нам, наглые и уверенные, я прокричал:

— Это не ваши земли, знаете?

Один захохотал:

— Правда? А ты кто сам такой?

Я быстро прицелился в него, сказал мысленно «пуля» и нажал спусковую скобу. Выстрел не грянул, а чуть-чуть шелкнул, но всадника отшвырнуло на конский круп, словно он получил удар копытом в лоб.

В правой стороне груди начало расплываться красное пятно. Раздосадованный, я быстро выстрелил еще дважды, направил ствол на второго, выстрелил, того тряхнуло, прямо в центре лба появилась красная дыра, мгновенно заткнутая изнутри.

Третий уже нессся, пригнувшись к конской шее и опустив руку с мечом, чтобы прилила кровь для более тяжелого удара. Фицрой чуть подал коня в сторону и пустил его навстречу, готовый к схватке, но я уже нажал на спуск.

Шляпа слетела с головы дурака, а он сам сполз по конской шее и рухнул на землю.

Я повернулся к двум оставшимся, один так и остался на коне наблюдать за приятелем, повалившим женщину, а второй, ощутив неладное, повернул голову, а когда мы с Фицроем быстро подъехали ближе, вскочил на ноги.

— Виновен, — сказал я жестко.

Выстрел прозвучал сухо, пуля ударила в лоб, с трех шагов уже не промахиваюсь, а второй на коне побелел, начал разворачивать коня, однако Фицрой ухватил за повод и вырвал из его рук.

— Слезай, — велел он. — И будь вежлив с новым хозяином Остеранских земель.

Всадник, совсем еще молодой парень, испуганно покинул седло, посмотрел в мое грозное лицо и рухнул на колени.

От домов начали робко подходить крестьяне, в руках топоры, вилы, даже копья, и было их столько, что с легкостью перебили бы эту пятерку, если бы решились вступить в бой.

Фицрой прокричал:

— Это ваш новый господин!.. Отныне вы под его защитой!..

Крестьяне начали опускаться на колени, испуганные, беспомощные, как овцы, угрюмые и с виноватыми лицами мужчины, не умеющие защитити себя от вооруженных и на конях захватчиков, женщины с плачущими детьми...

Сердце мое, спокойное при виде голодающих в Зимбабве или в Хренанбуту, сейчас дрогнуло и защемило. Там чужие, а здесь мои, смотрят с надеждой.

Одна женщина выбежала вперед и упала на колени чуть ли не под копыта моего коня.

— Хозяин! — вскрикнула она пламенно и в слезах. — Спаси!.. Защити!.. У меня старшую дочь увели на поругание, теперь каждый день трясусь за двух младших!

Их ряды колыхнулись, а те, кто подошел позже, тоже начали опускаться на колени. Десятки лиц с умоляющими глазами обратились ко мне, я в неловкости заерзал в седле, а они все протянули ко мне трепещущие руки.

— Хозяин!

- Защити нас!
- Спаси!
- Мы гибнем!
- Мы для них, как скот!
- Как дичь!

Фицрой взглянул на меня, вскинул руку.

— Тихо, — прокричал он. — Глерд Юджин изволит сказать свое решающее слово.

Их голоса начали затихать, только плач продолжался, но уже не навзрыд, а тихий и безнадежный, когда беда со всех сторон, а надежды на спасение почти нет.

Я выпрямился, даже привстал чуть в стремянах. От меня не отрывают взглядов, в лицах столько отчаяния и надежды, что вот наконец-то появился тот, кто защитит и спасет...

А на хрена вы мне все, сказал я себе упрямо, тут свои проблемы бы решить, и вообще на свете нет никого важнее меня, красивого и замечательного, а вы все тут как-то уж выкарабкивайтесь, выживайте, это ваш мир, на хрена мне ваши проблемы...

— Я разберусь, — крикнул я громко, — и решу!.. Виновные будут наказаны по всей строгости... моего ндрава!.. Никто не смеет посягать!.. Никому не дано и никому не дам. Так что отныне... вот. Так и скажите всем. Ибо я здесь!

Фицрой крикнул победно:

— Все слышали?.. Теперь вы под защитой!

Я досадливо взмахнул рукой.

— Всем встать!.. Он прав, теперь отвечаю за вас я. В возмещение ущерба возьмите этих коней, обыщите трупы, все найденное ваше... Замок этого мерзавца далеко?

Крестьяне начали переглядываться, вопрос дико трудный, почти все не уходит дальше окраины села,

только немногие смельчаки ездят в ближайший лес за бревнами.

Фицрой ответил без запинки.

— Миль шестьдесят. Хочешь напасть прямо сейчас?

— А зачем он мне, — ответил я раздраженно, — нет, нужно передать тамошнему хозяину весточку.

— Какую?

Я повернулся к крестьянам.

— Вот этому, что уцелел, отрубить обе руки. Остальным — головы. Все четыре сложить в корзину или мешок и привязать этому на спину так, чтобы не мог сам освободиться. И в таком виде пусть вернется к своему господину. К этому Джеймсу Велли!

Крестьяне молчали, уstraшенные жестокостью, только Фицрой сказал осторожно:

— Не слишком ли...

— Что?

— Зверино, — сказал он, — как-то так не делают...

— Потому и творится такое, — отрезал я. — Если им просто погрозить пальчиком и отпустить, завтра все повторится. Да еще как повторится!.. А вот так... задумаются. Со зверьми, ты прав, нужно по-звериному. Как демократ, я поступаю гуманно с прицелом на будущее.

Он покачал головой.

— Может быть, — проговорил он, — ты и прав. Но ты волк, а не человек... Или ты химера?

Не отвечая, я повернулся всем корпусом к крестьянам.

— Слышали мой приказ? Выполнять!.. От этого зависит безопасность вашего села.

Издали я видел, что Фицрой распорядился перетянуть руки у локтей связанного пленника ремнями, это чтоб не истек кровью, а потом местный кузнец двумя ударами топора отрубил кисти рук.

Я промолчал, вообще-то предполагал, что отрубить руки — это отрубить по самые плечи, но Фицрой смягчил, но зато когда уже подняли ошалелого и почти падающего в обморок пленника и нацепили ему мешок с ужасным подарком, он велел срезать посланнику уши, это выглядит еще страшнее, чем обрубки рук.

Мы проследили, чтобы он вышел на дорогу и потащился в сторону земель бесчинствующего соседа на той стороне границы, это до замка шестьдесят верст, а людей встретит в ближайшем селе на той стороне, так что ему помогут добраться до адресата и передать мою весточку.

На обратном пути Фицрой посматривал на меня несколько странно.

— Что? — спросил я сердито.

— Из жестоких королевств ты прибыл, — ответил он уважительно. — То-то у тебя все получается... Там слабые просто гибнут, верно?

— Еще в прошлые века погибли, — подтвердил я, — и тысячелетия. Все время шел отбор самых-самых... И вот я, человек огня и металла, готов на все и дальше больше. Видимо, природе зачем-то нужны такие, раз выковывает и отбирает подобных. А кто слабее, те гибнут, не оставляя потомства... Остались одни демократы, это вообще звери под личиной овечек.

Фицрой взял влево, дорога осталась позади, а мы напрямик выехали к селу Сверчки, где нам сообщили, что к ним тоже иногда навешиваются люди из Уламрии, иногда грабят, иногда похищают молодых женщин.

Последний раз были вчера. Увели часть скота, избили троих пастухов, надругались над двумя женщинами, собиравшими в лесу грибы и ягоды.

Я выслушал, стиснув челюсти, гнев начинает распирает, словно я вытащенная на берег глубоководная рыба.

Это же теперь мои люди, я обязан их защищать, а за это они платят налоги, снабжают замок зерном, мукой, птицей, рыбой, мясом...

— Придется послать той сволочи еще одно послание, — процедил я. — Не обрадуется, гад...

Фицрой сказал встревоженно:

— Не рано задираешься? Тебе нужно освоиться.

— Мы уже здесь, — напомнил я, — и увидели это. Услышали жалобы. Ты прав, лучше бы попозже, но сейчас вон смотрят как. Верят!.. Господин должен их защитить. Это его долг! Мой, куда денешься...

— Что ты хочешь передать?

— На этот раз всего лишь записку, — ответил я. — Как можно короче. Так будет звучать значимее и страшнее.

Он переспросил:

— Записку? Вряд ли записка его устрасит.

— Смотря что там написано, — сказал я.

Он посмотрел косо.

— Да уж представляю, — проворчал он. — Признайся, что тебя задело так уж... особенно? Что увели скот или что поймали двух баб?

— Скот, — прорычал я, — это кража, а изнасиловали женщин — оскорбление!

Он кивнул.

— Я так и подумал. Никто не имеет права на всех этих женщин кроме тебя, верно?.. Правильный подход. Только дорогой. Может стоять даже головы. Хорошо бы только чужих...

— Там посмотрим, — огрызнулся я. — Я человек очень осторожный и расчетливый, рисковать не люблю. Но иногда нельзя откладывать. Нужно сразу, иначе...

Он вздохнул.

— Раньше я думал, что это я сумасшедший. Эй там!.. А подать его глердству письменные принадлежности!.. Ладно-ладно, напишешь, когда вернемся в замок.

— «Твои люди грабят мои деревни. Завтра пришлешь сто золотых монет и голову той сволочи, что вчера побывала в Сверчках. Если не выполнишь, я приду уже за твоей головой.

Юджин Беспощадный».

Я поставил подпись, отступив на две строки, посыпал мелко просеянным золотым песком, буквы сразу стали объемными и заблестели, остальное сдул аккуратно, чтобы не размылось там, где еще не просохло, выждал чуть и медленно скатал в трубочку.

Ввиду особой важности перевязал в двух местах шелковой лентой, у свечи уже стоит красный столбик сургуча, я поднес оплавленным краем к язычку огня, дождался, когда там потекло, приложил к ленте, припечатывая к бумаге, и, не давая остыть, прижал перстень с моим грозным именем на печати.

Можно бы и отправлять с гонцом, но манифест не просто важен, а чрезвычайно важен, потому я вытащил из ящика стола шкатулку, вложил в нее послание, там умещается точно, закрыл крышку на замочек, а вдобавок капнул расплавленным сургучом, замазывая стыки крышки и самой шкатулки, а затем поставил такие же грозные оттиски.

Вот только теперь можно отправлять гонца. Фицрой прочел, хмыкнул, поднял на меня взгляд.

— Беспощадный?

— Я человек гибкий, — пояснил я. — Если надо, могу написать «Юджин Мягкосердечный» или вообще «Мокрая тряпка». Главное — результат.

Он посмотрел с интересом.

— А как же рыцарская честь?

— Честь в ходу между честными, — сообщил я ему новость, — а всякой сволочи я не стану давать преимущества.

Он подумал, спросил неожиданно:

— А если он не пришлет золото, а это наверняка? Твое письмо мне нравится, в нем столько высокомерия и гордыни!.. Но если посмотреть правде в глаза...

— Не знаю, — ответил я с неохотой. — Но что-то делать надо. У меня нет армии, чтобы защищать свои деревни. Мяффнер предупреждал, я лоханулся. Посмотрел на крепость и решил, что с такими стенами взять не просто, а про самих крестьян, которые по ту сторону стен, не подумал.

Он согласился:

— Достаточно проскакать по улице, разбрасывая факелы на их соломенные крыши, как все село сгорит моментально... Ладно, я пойду выберу самого быстрого коня.

— Только не ты, — сказал я быстро.

— Почему?

— Кто знает, — ответил я зло, — что там за сволочь. Вдруг решит тебя казнить? Или, хуже того, выпороть?

Он подумал, сказал с неохотой:

— Ладно... Но я бы осмотрел и замок, подходы к нему. Вдруг брат придется?

День прошел в нервном ожидании, как и почти весь второй, только к вечеру часовой заорал на воротах:

— Всадники!.. Под уламрийским знаменем!

Сердце мое часто-часто забилося, я вскочил, сказал Фицрою, сдерживая волнение:

— Вот и ответ!

— Но какой? — спросил он. — Возьми меч!

Торопясь, выскочили оба, пробежали по лестнице, через холл и только на крыльце появились медленные и важные.

Часовой, обернувшись на воротах, крикнул с высоты:

— Подъезжают!

— Спроси кто, — велел я, — зачем. А мы подумаем... и решим.

Фицрой кивнул на деревянную лестницу, прислоненную к стене.

— Посмотрим оттуда?

— Не спеши, — ответил я. — Залазить, потом слезать... Я ленивый.

Часовой нагнулся через край и прокричал то, что велел я. Снизу что-то ответили, он торопливо повернулся к нам.

— Это сам глерд Джеймс Велли, хозяин замка и властелин земель Сандивелла. Он желает говорить с вами.

Фицрой радостно ткнул меня кулаком в бок, но я покачал головой и крикнул часовому:

— Если глерд не принес свои извинения и сто золотых монет в уплату ущерба, то разговор продолжится... на развалинах его замка.

Фицрой сказал испуганно:

— Ты что? Ты знаешь, какой там замок?

— А зачем мне знать, — огрызнулся я тихо, — мерзавец уже трусит, нужно догнуть гада в нужную нам позу.

Часовой переговорил, повернулся и ликующе крикнул:

— Глерд Велли приносит свои извинения за действия людей его старшего сына, которого не в состоянии образумить, и просит принять сто золотых монет в уплату ущерба.

Я повернулся в сторону стражников у ворот.

— Открыть... нет, обойдемся. Я через калитку.

На той стороне в десятке шагов от ворот всего трое всадников в добротных кожаных доспехах с металлическими вставками, впереди грузный мужчина в кирасе из бронзы, такие же налокотники и поножи, лицо массивное, крупное и широкое, темная короткая борода начинается от самых глаз, оставляя только островки носа и полных губ.

Фицрой вышел вслед за мной, но там встал сбоку и чуть впереди, готовый заслонить меня от внезапного нападения.

Передний всадник, явно это и есть сам Джеймс Велли, слез с коня, отвесил поклон. По его знаку покинули седла и его спутники. Один передал хозяину ларец, тот, держа его у груди, пошел ко мне, не сводя взгляда с моего лица.

Я старался выглядеть холодным и жестоким, смотрел прямо. Глерд остановился и, с трудом удерживая ларец одной рукой, другой отбросил крышку.

— Глерд Юджин, — произнес он ровно, — прошу принять эти сто золотых с нашими извинениями.

Я протянул руки и едва не уронил ларец на ноги, золото весит много, очень много, об этом забывают те, кто снимает в фильмах крашенные желтым цветом кругляши из картона.

Фицрой поспешно перехватил из моих рук, явно встревожен, что не успею выхватить пистолет. Из калитки вышел Ювал, Фицрой передал ему, а я повернулся к глерду Велли.

— Не разделите ли со мной трапезу, доблестный глерд?.. У нас есть общие интересы, раз уж мы соседи. Нам на пользу было бы обсудить возникшие и возмож-

ные в будущем проблемы. Раз уж подворачивается такая возможность...

Он ответил с явным облегчением:

— С удовольствием, глерд Юджин. Почту за честь!

За обильно накрытым столом, куда стащили все, что нашлось съедобного в замке, он объяснял степенно:

— Я был хорошим соседом с прежним хозяином этих земель... которые теперь ваши. А как хорошие соседи мы не очень считались с границами. В смысле, на охоте я мог углубиться в его владения, как и он в мои, это не считалось нарушением, у благородных людей охота превыше таких мелочей, как границы между землями.

Я произнес вежливо:

— А как объяснить бесчинства в деревнях?

Он вздохнул.

— У меня трое сыновей и дочь. Малые дети — малые трудности, а потом растут те и другие. Сперва сыновья просто охотились, а потом, когда начали интересоваться женщинами...

— Своих мало ли? — поинтересовался я.

Он кивнул.

— Больше, чем достаточно. Но молодые волчата, выходя из норы, смелеют и заходят все дальше и дальше, исследуют мир и пробуют свои клыки...

— Там беззащитные крестьяне, — напомнил я. — Хотя, понимаю, есть тип людей, которых беззащитность жертв только возбуждает. Глерд Велли, очень настойчиво советую вам удержать ваших сыновей от рейдов в мои земли... Хорошо, попались только их люди. Но я не буду смотреть на титулы.

Голос мой был очень серьезным, я сам ощутил в нем нечто такое, что по спине даже побежали мурашки. Глерд Велли побледнел и зябко передернул плечами.

— Да-да, — сказал он осевшим голосом, — вы свое предостережение подкрепили очень... весомо. Теперь по нашим землям разнесется весть, что хозяином этих земель стал могучий чародей. Та легкость, с которой вы убили четверых...

Он умолк, сглотнул, а я, воспользовавшись паузой, обронил небрежно:

— Мне приходилось убивать и десятками. Могу и сотнями, но возможности не было. Обычно разбегаются раньше.

Он торопливо кивнул:

— Да-да, это ужасно... я хочу сказать, это такая мощь, такая мощь! Но я, глерд Юджин, в самом деле человек мирный, уж поверьте...

— А нельзя ли ваших сыновей отправить куда-нибудь на войну? — поинтересовался я. — Пусть совершают воинские подвиги! Это же красиво и благородно: первым подняться на стену вражеской крепости, водрузить свое знамя на башне!.. Это честь, слава, повышение в титулах, знаки отличия, восторг в глазах лучших красавиц королевства...

Он задумался, медленно кивнул.

— Надо попробовать.

— Постарайтесь, — сказал я настойчиво. — Сами понимаете, если попадутся на грабеже и бесчинстве в моих селах, им не поздоровится. Более того, даже из личной симпатии к вам не смогу их отпустить. Мои люди уважать перестанут такого слабого глерда... Позвольте, еще вина?

Он протянул свой кубок.

— Да, спасибо, прекрасное вино.

— Подскажите, — посоветовал я, — что на войне опасности меньше, чем при попытке повеселиться в здешних селах, когда хозяином стал я.

Ввиду такого важного события Ювал за столом присутствовал лично, а двое слуг то и дело бегали в подвал за вином и возвращались с кувшинами в руках все веселее и веселее.

Я чувствовал, что глерд Велли мне нравится, сам по себе человек хороший и добрый, но бывает же, что доброта приводит к тому, что становится хуже жестокости и даже зверства. Сыновья уже не слушаются, мамаша явно их поддерживает, слабохарактерного отца в грош не ставят...

— Надеюсь, — сказал он на прощанье, — весть о вас не скоро дойдет до земель глердов Вайтхеда и Валленфиша.

— А что там? — спросил я.

Он чуть понизил голос:

— На землях Вайтхеда живет великий маг Аллерли. У Валленфиша — Сарджит. Оба равные по мощи, соперничают, но им, полагаю, очень не понравится, что появился еще и третий...

Я пробормотал:

— Надеюсь, объединятся, чтобы мне не гоняться за каждым в отдельности, если вздумают явиться.

Он невесело усмехнулся.

— Все шутите? Они — настоящие чародеи. Аллерли, к примеру, одним словом создал высокую башню для себя... ну, может, не одним, но создал ее выше всех замков и крепостей. Говорят, она достигает вершиной облаков!

— А Сарджит? — спросил я.

Он сказал, понизив голос:

— По одному его слову любая птица падает замертво, рыба всплывает вверх брюхом, а у человека останавливается сердце!

— Это серьезно, — ответил я. — Хорошо, что у меня два сердца. И восемнадцать жизней.

Я проводил его во двор, слуги позвали его людей, те с трудом взобрались в седла, один сразу затянул веселую песнь про умелую трактирщицу.

Вся западная часть неба уже стала золотого цвета, словно выгнутый купол превратился в сверкающее золото, а само солнце горит и не сгорает, смотреть больно не только на солнце, весь небосвод почти солнце.

И если бы тот яркий диск, что почти точка, убрать, легко представить, настолько огромное солнце, что закрывает собой весь мир.

— Глерд Велли, — сказал я, — может быть, все же останетесь на ночь? А утром и в путь...

Он засмеялся.

— Вы забыли, какая сегодня ночь? Вся наполнена волшебной музыкой сфер и дивным светом двух лун, что высветят каждую песчинку на дороге... Только и путешествовать такими ночами, когда нет зноя, нет мух...

Он отдал шутливо салют, и они выехали через широко распахнутые для них ворота.

Фицрой сказал со смешком:

— Да, ты хорошо напугал его своими двумя сердцами и восемнадцатью жизнями!

— Не думал, — сознался я, — что так легко поверит.

Он сказал серьезно:

— Самое чудное, такие люди в самом деле есть. Не с восемнадцатью, конечно, но с одной-двумя в запасе... он о таких слыхал, потому и поверил.

Я поежился.

— Ну и жизнь... Как понимаю королеву...

— Она против?

— Против магии, — уточнил я. — Женщина... они всегда осторожничают. Сохраняют то, что есть. Им нужен предсказуемый мир, где все понятно наперед.

Он скривился.

— Скучный мир. Застойный.

— Да, — согласился я, — правильность всегда скучна. Женщины вообще не играют в азартные игры, знаешь?

— Осторожные, — согласился он. — Это у нас благородный риск в крови.

Я засмотрелся, как из-за дальних деревьев поднимается луна, призрачный волшебный свет упал на землю, и я ощутил, что глерд Вилли прав: резкость и четкость просто необыкновенные, самое лучшее время для конных переходов. Если, конечно, знать, что за это время, даже если выйдет вторая луна, то не выскочит третья.

— Красиво, — сказал я.

Фицрой посмотрел по сторонам.

— Где?.. Кто?

— Природа, — пояснил я. — Даже мастерская может быть красивой.

Он посмотрел на меня с сочувствием.

— Устал?.. Иди отоспись, завтра вряд ли день будет легче.

— Ты прав, — согласился я. — Надо будет...

Я умолк, по огромному яркому диску луны пронеслась темная тень, я отчетливо рассмотрел хищно изогнутый взмах крыльев, вытянутую шею с головой не столько птицы, как рептилии, и длинный, как у ящерицы, хвост.

На загравке вроде бы кто-то сидит, но рассмотреть я не успел, да и сидевший очень уж пригнулся, спасаясь от встречного ветра. В лунном свете эта странная птица заработала крыльями чаще, пошла вверх по крутой дуге, там вверху сделала широкий круг.

Фицрой тоже задрал голову.

— Что ты там... А-а, ух ты, даже сюда долетели?..

— Это кто? — крикнул я.

Всматриваясь изо всех сил, я вроде бы определил огромного ящера типа птеродона, размах крыльев не меньше пяти-семи метров, а на загривке...

Ящер растопырил крылья и медленно парил, а когда на миг сложил крылья, человек торопливо бросил что-то вниз. Я видел эту темную точку, потом потерял, некоторое время ничего не происходило, затем левая башня замка содрогнулась, оттуда донесся страшный грохот.

На крыше вспыхнул огонь, быстро сбежавший вниз по каменным стенам, башня начала медленно оседать, словно сахарная куча в горячей воде, стены выпятились в стороны, будто башню распирает изнутри, камни с грохотом обрушились на землю и покатались к нашим ногам.

Фицрой с проклятием отпрыгнул, я вскочил на лестницу и поднялся на ворота, оттуда с содроганием и бессилой яростью наблюдал, как камни уносит до самых ворот.

— Это та башня, — крикнул Фицрой, — где ты хотел оборудовать свой кабинет?

И где устроил тир, добавил я про себя. Как будто некто знал, куда нанести удар.

Он отшатнулся, когда я выхватил пистолет и, направив в парящую высоко в небе ящерицу, начал посылать пулю за пулей. Ящер с раскинутыми крыльями закончил круг, а затем, неторопливо взмахивая ими, пошел в сторону горизонта, второй восходящей луны.

Фицрой сказал с сочувствием:

— Попасть в такую мишень не просто...

— Да, — ответил я. — Хреновый я пока стрелок.

Не стоит ему знать, что и пули на такую высоту вообще не долетят. Да и время жизни у них не настолько...

А внизу во дворе раскатившиеся массивные гранитные блоки трескаются и рассыпаются в щебень, а потом и вовсе превращаются в песок, уходят в землю.

Зато руины башни стали как будто выше. Я охнул, не веря глазам. Башня в самом деле медленно поднимается из земли, черная копоть на камнях светлеет, исчезает, а башня словно бы неспешно и монументально выдавливается из земли.

Фицрой сказал возбужденно:

— Уже такое видел... но все равно красиво!.. Как думаешь, кто из них?

Я переспросил тупо:

— Из них?

Он сказал в нетерпении:

— Кто-то начал! Уже пробуют тебя на прочность. Рискну предположить, что это либо великий маг Аллерли, как говорил глерд Джеймс Велли, либо Сарджит. Может, еще и другие где-то близко, но все-таки я бы показал пальцем на Аллерли или Сарджита.

— Если они, — сказал я с дрожью в голосе, — в самом деле такие могучие чародеи...

— Вот-вот, — согласился он. — Даже не знаю, но куда-то бежать отсюда надо.

— Точно? — спросил я.

Он кивнул.

— Бежать и забиться в какую-то нору. Чтобы тебя не отыскали. Тогда будешь жить.

Я помолчал, никогда не чувствовал себя таким потерянным и беспомощным, мало того, что в чужом мире, так еще здесь я дичь, а охотники могучие колдуны...

— Надо вернуться в столицу, — проговорил я сдавленным голосом. — Да, в столицу...

Он сказал намекаяюще:

— К королеве?

— Я что, — спросил я, — похож на короля?.. Просто... кошелек надо взять в башне Рундельштотта. Забыл, когда уходил.

— Понимаю, — сказал он с сочувствием, — когда врывается сам Роднер Дейнджерфилд, все вылетит из головы. Золотых монет там много?

— Что монеты, — отрезал я высокомерно, — память важнее. Кому-то люлька, кому-то кошелек, как символ новых демократических ценностей... Пожалуй, с утра и выведу. Как только рассветет... А то и сразу. Ночь в самом деле хороша для поездки.

— Я с тобой!

Я посмотрел искоса.

— Не похозяйничаешь вместо меня?

— Ты что? — изумился он. — Меня готовили не для того, чтобы в медвежьем углу коров разводить!.. Да и кроме того, на тебя могут напасть в дороге.

— Отобьюсь, — сообщил я. — Ты меня уже видел.

— А от падающего с неба огня? — поинтересовался он. — Думаю, его сбросить можно не только ночью.

Я промолчал насчет того, что от такого огня и он вряд ли спасет, пусть едет, со мной в самом деле не так скучно, как коров разводить, да что там не скучно, уржаться можно...

Та сволочь, что обрушила огонь на мою крепость, может повторить это снова. И наверняка повторит. Может быть, уже сейчас копит силы для второго удара.

Конечно, крепость самовосстанавливается, однако же находишься я тогда в той башне, меня точно ничто бы не восстановило. И если та сволочь будет наносить удары... пусть даже так же неприцельно, мне или погибнуть в руинах, либо покинуть эти места и прятаться где-то вдали.

Хотя есть один не совсем безумный вариант...

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая.....	138
Часть третья.....	264

Литературно-художественное издание

ЮДЖИН — ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Гай Юлий Орловский

ЮДЖИН — ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Книга 2

ВЫСОКИЙ ГЛЕРД

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Е. Мельникова*

Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша

арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 24.02.2015.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Newton».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 18 000 экз. Заказ 6045.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-79276-4

9 785699 792764 >

В электронном виде
скачать можно бесплатно
с сайта www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Ekmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanco@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanco-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

- В Санкт-Петербурге:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
- В Нижнем Новгороде:** Филиал ООО ТД «Эксмо» в г. Н. Новгороде, 603094, г. Нижний Новгород, ул.
Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
- В Ростове-на-Дону:** Филиал ООО «Издательство «Эксмо», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 305-09-13/14.
- В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 207-55-56.
- В Екатеринбурге:** Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге,
ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
- В Новосибирске:** ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nis@yandex.ru
- В Киеве:** ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 500-88-23.
- В Донецке:** ул. Складская, 58, оф. 107. Тел. +38 (032) 381-81-05/06.
- В Харькове:** ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
- Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-01-71.
- В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
- В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: market@eksmo-sale.ru

The background of the entire page is a dramatic, fiery scene. On the left, a bright, swirling mass of orange and yellow flames or magical energy rises. On the right, a dark, silhouetted structure, possibly a castle or a ship, is partially visible against a dark sky. In the center, a parchment scroll is unrolled, displaying text. The scroll has red wax seals at its ends. To the right of the text on the scroll is a red wax seal with a decorative, symmetrical pattern.

«Господь создал людей разными, а Кольт сделал их равными», —
но так ли верна эта фраза в мире магии, где в небе
парят драконы, где маги проходят сквозь стены,
а рыцари ничего не боятся, кроме бесчестия?
Благородный глэд Юджин вступает на путь
конфронтации с могущественными силами...

*Новинка от создателя
легендарного цикла
«Ричард Длинные Руки»!*

ISBN 978-5-699-79276-4

9 785699 792764 >